

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»**

На правах рукописи

Хагажеев Мирбек Асланович

***ГОРСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ СУДЫ
КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1871–1918 ГГ.***

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Абазов Алексей Хасанович

Нальчик 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр. 3
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГОРСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ СУДЫ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.: УЧРЕЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	36
1.1 Обстоятельства учреждения и нормативно-правовое обеспечение деятельности горских словесных судов	36
1.2 Территориальная организация деятельности горских словесных судов	54
1.3 Комплектование кадрами горских словесных судов	72
ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.	88
2.1 Локальные особенности рассмотрения уголовных дел горскими словесными судами	88
2.2 Общее и особенное в решении имущественных и наследственных споров	109
2.3 Особенности деятельности, не связанной с решением спо- ров и конфликтов: организация опеки, заверение договоров и сделок, учет значимых фактов	126
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРИЗНАКИ КРИЗИСА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.	140
3.1 Взаимодействие горских словесных судов с государственными органами	140
3.2 Взаимодействие горских словесных судов с институтами самоуправления и народного правосудия и финансово-хозяйственное обеспечение их деятельности	158
3.3 Признаки системного кризиса и поиски путей преобразования системы горских словесных судов в общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в.	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ ...	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В 1871 г. в Терской и Кубанской областях для решения споров и конфликтов с участием коренного населения были образованы специализированные судебные учреждения правосудия, которые рассматривали дела в том числе на основании норм обычного и мусульманского права (горские словесные суды). Введение горских словесных судов в Терской и Кубанской областях было одной из вариаций имперской судебной реформы 1864 г., адаптированной под региональные реалии и особенности соционормативной культуры народов северокавказского региона. Они представляли собой временные переходные формы судоустройства, которые сочетали, с одной стороны, некоторые принципы российской модели управления (назначение председателя суда в административном порядке, наделение руководителя региона полномочиями апелляционной инстанции и т.п.); с другой - опирались на институты традиционной соционормативной культуры местного населения. С этого времени и до революционных событий 1917 г. в Кубанской области функционировали Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский горские словесные суды, а в Терской – Хасав-Юртовский, Грозненский, Веденский, Шатоевский, Нальчикский и Назрановский. Суды учреждались и функционировали по единым унифицированным правилам, однако с течением времени деятельность некоторых из них могла приобретать локальные особенности.

Сравнительно-историческое исследование деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1917 гг. имеет большую исследовательскую перспективу, обеспечено источниками и может быть направлено на выявление локальных особенностей функционирования и факторов трансформации традиционных институтов соционормативной культуры проявивших здесь коренных народов. Основные направления сравнительного-исторического исследования их деятельности связаны с изучением особенностей их территориальной организации и выявлением локальных особенностей их функционирования, анализом круга разбираемых споров и конфликтов

(убийств, ранений, краж, имущественных и наследственных споров) и других решаемых ими вопросов (связанных с установлением опекунства и попечительства, религией) и т.п.; а также с особенностями их взаимодействия с учреждениями власти, институтами самоуправления и народного правосудия. Перечень направлений сравнительно-исторического изучения деятельности этих учреждений можно продолжить, но все они показывают сложности инкорпорации коренного населения Кубанской и Терской областей в политico-правовое пространство Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. и позволяют охарактеризовать их как важнейший механизм в этом процессе.

Объектом исследования является политика России по инкорпорации коренного населения Кубанской и Терской областей в имперскую судебную систему в 1871–1917 гг., а **предметом** – деятельность горских словесных судов этих регионов по рассмотрению уголовных и гражданских дел и решению вопросов по опеке, попечительству, заверение сделок и договоров и т.п.

Цель диссертационного исследования – изучить деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей в контексте инкорпорации коренного населения региона в политico-правовое пространство Российской империи и определить их место в ее судебной системе в 1871–1918 гг.

Такая постановка цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- изучить обстоятельства учреждения и особенности нормативно-правового обеспечения деятельности горских словесных судов;
- рассмотреть принципы территориальной организации их деятельности;
- проанализировать особенности комплектования кадрами горских словесных судов;
- исследовать локальные особенности рассмотрения уголовных дел горскими словесными судами;
- выявить общее и особенное в решении ими имущественных и наследственных споров;

- провести комплексный анализ и выявить особенности деятельности, не связанной с решением споров и конфликтов (организация опеки, заверение договоров и сделок, учет значимых фактов);
- реконструировать практики взаимодействия горских словесных судов с государственными органами;
- рассмотреть особенности взаимодействия словесных судов с институтами самоуправления и народного правосудия и выявить специфику финансово-хозяйственного обеспечения их деятельности;
- выявить признаки системного кризиса и изучить вопросы поисков путей преобразования системы горских словесных судов в общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в.

Хронологические рамки охватывают с 1871 по 1918 г. Нижний хронологический рубеж связан с 1871 г. – датой учреждения горских словесных судов в Кубанской и Терской областях с введением в действие Временных правил 1870 г. В некоторых случаях нижняя хронологическая грань отодвигалась на ранние периоды для характеристики учреждений – предшественников горских словесных судов и ретроспективного анализа для выявления истоков складывания принципов функционирования в регионе органов власти и суда на основе сочетания основ российской судебной системы и народного правосудия. Верхний хронологический рубеж совпадает с революционными событиями 1917 г. и началом Гражданской войны – временем ликвидации горских словесных судов.

Географические рамки исследования совпадают с территорией тех округов и отделов Кубанской и Терской областей, в пределах которых в 1871–1918 гг. функционировали горские словесные суды. При этом учитывалась динамика административно-территориального устройства этих регионов (преобразование округов и отделов, их образование и ликвидация) и экстерриториальный принцип организации деятельности горских словесных судов (когда их территориальная подведомственность совпадала с этнической территорией

подведомственного населения, а не с административными границами региона функционирования).

Методология работы основана на принципах (историзм, объективность, системность) и методах (системный, статистический, проблемно-хронологический, институциональный, ретроспективный, сравнительно-исторический) исторических исследований.

С опорой на принцип *историзма* были восстановлены основные особенности деятельности горских словесных судов в строгом соответствии со временем и местом отправления тех или иных практик. С помощью принципа *объективности* были получены выводы и обобщения на основе анализа различных исторических источников и недопустимости оценочных (субъективных) характеристик. Принцип *системности* позволил представить совокупность словесных судов Кубанской и Терской областей как комплексное явление, опирающееся на единую нормативно-правовую базу, основанную на их взаимодействии с целым рядом государственных органов (как надведомственных, так и не состоявших в административной зависимости) и институтов самоуправления.

Системный метод применялся при определении места горских словесных судов в системе органов власти (как с надведомственными учреждениями, так и не связанными с ними иерархическими отношениями) и во взаимодействии с институтами самоуправления. С помощью *статистического* метода были изучены документы с элементами статистического обобщения, отражавшие различные количественные данные о динамике рассмотрения уголовных и гражданских дел и другие характеристики в отношении подведомственного населения. На основе *проблемно-хронологического метода* в рамках рассматриваемых временных рамок было выделено несколько тематических блоков, изучение каждого из которых способствовало углубленному пониманию роли и места горских словесных судов в судебной системе Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. *Институциональный метод* применялся при изучении компетенции и особенностей их деятельности как

самостоятельных учреждений российской судебной системы с элементами народного правосудия и субъектов взаимодействия с учреждениями власти и институтами самоуправления. Метод *ретроспективного* (возвратного) анализа (*исторической ретроспектиды*) для характеристики принципа выборности при комплектовании судейского (депутатского) штата горских словесных судов Кубанской и Терской областей и при выявлении схожих принципов в деятельности других судебных учреждений, которые функционировали в регионе до 1870 г. (в диссертации последовательно в ретроспективе приведены сведения об этом на примере окружных народных судов в 1858–1870 гг., временных судов в Центре Кавказской линии в 20–50-е гг. XIX в., Моздокского верхнего пограничного суда в 1793–1822 гг.). С опорой на *сравнительно-исторический* метод был проведен сопоставительный анализ качественных и количественных характеристик деятельности отдельных горских словесных судов в Кубанской и Терской областях.

В целом совокупность примененных принципов и методов исследования позволили провести комплексное исследование по определению роли и места горских словесных судов в судебной системе России.

Степень разработанности проблемы. Некоторые аспекты деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей подвергались анализу как современниками описываемых событий (дореволюционными авторами), так и советскими и современными исследователями.

Ситуация вокруг словесных и народных судов кавказского региона нередко привлекала внимание *дореволюционных* исследователей и аналитиков по вопросам организации судебной системы России. Например, в трудах практика Н.Ф. Грабовского¹ давалась некоторая характеристика деятельности Назрановского словесного суда и оценка отношения подведомственного ему ингушского населения к разбирательству дел по нормам как обычного права, так и российских законов. В конце 90-х гг. XIX в. – начале XX в. вышло

¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши: их жизнь и обычаи // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. № 9. С. 68.

несколько работ, часть которых напрямую затрагивает вопросы деятельности горских словесных судов¹ (дается оценка их низкой эффективности, особенности принятия решений по нормам обычного права и т.п.). В публицистике К.Л. Хетагурова² приводилось описание деятельности горских словесных судов Терской области с некоторыми элементами оценочных суждений на основе большого объема прикладных материалов.

И. Аничков в 1907 г. обращал внимание на то, что на Кавказе «для горского населения правила словесных и народных судов введены не в законодательном, а в инструкционном порядке»³. На начало XX в. репрезентативные данные о деятельности основного и временного отделений словесного суда в Нальчикском округе оставил государственный и общественный деятель М. Абаев. Он характеризовал этот суд как народный, отправлявший правосудие по нормам обычного права местных жителей и мусульманского права, называл его «судом совести», считал, что лучшей формы организации судоустройства в регионе «для горского населения трудно придумать»⁴. Позже М.И Абаев выявлял определенные сложности в деятельности этого суда (незнание русского языка служащими, отсутствие специальных знаний об особенностях общественного быта местных жителей у председателей суда и т.п.)⁵.

Некоторые аспекты деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей становились объектом исследования еще дореволюционных авторов – современников рассматриваемого явления. Наиболее обстоятельное исследование правового статуса и основных направлений их деятельности в контексте истории горских и народных судов Кавказского края принадлежит Н.М. Рейнке⁶. Он давал обзор законодательства о горских и народных судах

¹ См. об этом: Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2010. № 4 (43). С. 37–47.

² Хетагуров К.Л. Горский словесный суд [Электронный ресурс]. URL: http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/Gorskiy_slovesnyy_sud.htm. Дата обращения: 25.04.2016 г.; Коста Хетагуров // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://hetagurov.ru/> (Дата обращения: 12.04.2024 г.).

³ Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов. СПб., 1907. С. 12.

⁴ Горец (Абаев М.И.). Горцы Нальчикского округа // Каспий (Баку). 1900. № 46.

⁵ Абаев М.К. Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). 1911. № 14-17. С. 626.

⁶ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. Санкт-Петербург, 1912. 71 с.

Кавказского края, приводил общую характеристику их деятельности, давал собственные пояснения о необходимости преобразований в системе горских и народных судов региона. Свое исследование Н.М. Рейнке выстраивал на анализе нормативно-правовых актов и материалах ревизии деятельности горских словесных судов.

Другим значимым исследованием дореволюционного периода является труд Г.Г. Евангулова, посвященный местной реформе на Кавказе¹. Однако, несмотря на то что эта работа напрямую не затрагивает историю создания и деятельности горских словесных судов в Кубанской и Терской областях, она позволяет сформировать представления о том, как в рассматриваемый период проводилась административная, волостная реформы и административный «передел» Кавказа и т.п.

Некоторые описания деятельности отдельных горских словесных судов приводятся в трудах Б.А. Ланге², Б. Шаханова³, А. Ардасенова⁴, Б.К. Далгат⁵, Г.А. Ткачева⁶, А.А. Канукова⁷ и др., а также в обобщающих трудах своего времени⁸.

В целом, дореволюционные авторы давали характеристику словесных судов с попытками выявления некоторых особенностей и определения эффективности их деятельности на основе документальных материалов или включенного наблюдения.

¹ Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914. 67 с.

² Ланге Б.А. Балкарья и балкарцы // Кавказ. Тифлис, 1903. 25 окт. № 283; 29 окт. № 287; 30 окт. № 288; 5 ноября № 294; 12 ноября № 301. Опубликовано: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии. Ростов н/Д: ООО Издательство «Перо», 2012. С. 314–332;

³ Ш. (Шаханов Б.) Горский словесный суд // Терские ведомости. 1901. № 67. [Электронный ресурс]. URL: http://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshchie_1/gorskij_slovesnyj_sud/28-1-0-1795. Дата обращения: 13.10.2016 г.;

⁴ Ардасенов А. Избранные труды. Владикавказ, 1997.

⁵ Далгат Б.К. О горских словесных судах // Утро гор. Общественно-политический, экономический и литературный альманах, посвященный жизни горцев Кавказа. Баку, 1910. № 1. С. 31–50.

⁶ Ткачев Г.А. Ингушки и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

⁷ Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области // Сборник законов, указов Правительствующему Сенату, положений Комитета Министров, правительственных распоряжений, разъяснений Государственного Совета и Правительствующего Сената. Владикавказ, 1914.

⁸ Исторические сведения о кабардинском народе: К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева. Киев, 1913. 283 с.

Советская историография характеризуется невысоким спросом на исследование системы горских словесных судов как комплексного явления, что в определенной мере связано со спецификой исторических исследований того времени, когда научные труды подготавливались в рамках марксистской теории и основные социальные процессы рассматривались с позиций материального производства, динамикой социально-экономических формаций, противостояния антагонистических социальных групп и т.п.

Так, в конце 50-х гг. XX в. была опубликована работа С.К. Бушуева¹, в которой затрагивались некоторые аспекты функционирования горских словесных судов. В 60-е гг. XX в. Т.Х. Кумыков, исследуя историю становления и развития судебной системы Кабардино-Балкарии в дореволюционное время, затрагивал и Нальчикский горский словесный суд². При этом, давая оценку проведенных в декабре 1870 г. преобразований, он считал, что судебные уставы не распространялись на коренных жителей региона³. Также вопросы функционирования этих судов затрагивались в обобщающих трудах по истории народов или регионов Северного Кавказа⁴.

Были и другие работы по схожей тематике. Например, в трудах К.-С.А.-К. Кокурхаева об общественно-политическом строе и праве чеченцев и ингушей содержались некоторые сведения о порядке комплектования и функционирования Назрановского суда⁵. Некоторые аспекты функционирования суда в Нальчикском округе в последней четверти XIX в. рассматривались в ранних работах Ж.А. Калмыкова (порядок организации основного и временного отделений Нальчикского горского словесного суда и т.п.)⁶. Рассматриваемая

¹ Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. 192 с.

² Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1963. Вып. 19. С. 90–102.

³ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 247.

⁴ См., например: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. С. 316–317.

⁵ Кокурхаев К.-С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. 109 с.

⁶ Калмыков Ж.А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1974. Т. 26; Калмыков Ж.А. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии (1890–1917) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия «Общественные науки». Ростов н/Д, 1975. № 1; Калмыков Ж.А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1975;

проблема так или иначе затрагивалась и в трудах Ф.П. Тройно¹, Э.Д. Мужухо-ева², А.И. Хасбулатова³, Х.М. Думанова⁴ и Х.С. Кушхова⁵, Ч.М. Гашимова⁶. При этом сведения о горских словесных судах оставались фрагментарными и основывались на отрывочных или единичных документах различных архиво-хранилищ.

Деятельность горских словесных судов в Терской и Кубанской областях в 1871–1917 гг. привлекает внимание исследователей в *современной* историографии. Авторы затрагивали проблемы и обстоятельства их учреждения, особенности нормативно-правового регулирования их деятельности в округах, штатной структуры и кадрового состава, эффективности принятия решений, форм и практик регулирования отношений с опорой на институты традиционной соционормативной культуры народов региона. В последнее время на примере отдельных словесных судов ставятся и решаются вопросы документального сопровождения их деятельности, поиска и принятия решений по их финансированию и т.п. При этом в настоящее время представляется актуальным проведение комплексного исследования по истории горских словесных судов в Кубанской и Терской областях для более глубокого исследования особенностей правовой политики и судебных преобразований России на ее южной окраине, специфики инкорпорации коренного населения в правовое пространство

Калмыков Ж.А. Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980; Калмыков Ж.А. К вопросу о сельских судебных органах в дореволюционной Кабардино-Балкарии // Материалы научно-практической конференции «молодежь и наука», посвященной 60-летию Ленинского комсомола. Нальчик, 1981; Калмыков Ж.А. К вопросу о судебной реформе на Северном Кавказе в середине XIX в. // Материалы научно-практической конференции «Молодежь, наука и техника», посвященной 60-летию образования КБАССР. Нальчик, 1983 и др.

¹ Тройно Ф.П. Царизм и горские народные суды Северного Кавказа в 60-90-х годах XIX века // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 114.

² Мужухоева Э.Д. О влиянии буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. России на административное и судебное устройство Терской области (на примере Чечено-Ингушетии) // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.

³ Хасбулатов А.И. Переустройство сельского общественного управления Чечено-Ингушетии в пореформенный период // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 104.

⁴ Думанов Х.М. Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик, 1988.

⁵ Думанов Х.М. Кушхов Х.С. К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Майкоп, 1986. Вып. VI. С. 41–51.

⁶ Гашимов Ч.М. Из истории органов административного управления городом Хасав-Юртом в XIX в. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 142–150.

империи, его включения в деятельность российских учреждений власти и т.п. Для этого важно выявить и охарактеризовать особенности исследовательских практик по изучению деятельности этих судов в кавказоведении, определить, как и за счет чего прирастало научное знание по указанной теме, наметить дальнейшие исследовательские перспективы и т.п.

В современном кавказоведении также большинство авторов придерживается точки зрения о несостоятельности реформы по учреждению горских словесных судов в Кубанской и Терской областях, признаки которой стали проявляться уже в первые десятилетия после их учреждения. Так, В.Н. Мальцев считал их исчерпавшими свое назначение уже к концу 90-х гг. XIX в., назвал их анахронизмом судебной системы и считал, что к этому времени уже сложились предпосылки для ее реформирования¹.

Одним из признаков кризиса в деятельности горских словесных судов был невысокий уровень доверия со стороны подведомственного населения и непrestижность разбирать там свои споры и конфликты. На эту деталь в одном из своих исследований обратила и И.Л. Бабич, говоря о том, что адыги Кубанской области сами редко обращались к ним, т.к. такие действия воспринимались обществом как зазорные². При этом она же сама и выявляет примеры исключений из этой практики. Так, по ее мнению, к этой категории населения не относились те, кто работал в сельском правлении, желал получить максимально высокую материальную компенсацию, не был удовлетворен решением посреднического суда или предпочитал решить споры по нормам российского права³.

Изучение их истории в современной исследовательской практике вызывает непреходящий интерес у кавказоведов. Наиболее обстоятельные исследования истории их деятельности в отдельных субрегионах Центрального и

¹ Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. С. 106.

² Бабич И.Л. Правовая культура адыгов. Дисс. ... д-р. ист. наук. М., 2000. С. 26.

³ Там же. С. 26–27.

Северо-Западного Кавказа принадлежат Е.И. Кобахидзе¹ и А.Х. Абазову². Е.И. Кобахидзе рассмотрела историю горских словесных судов в регионе в контексте административно-судебных преобразований в 60-х гг. XIX – начале XX в. и интеграции Осетии в судебно-административную систему Российской империи, проблем реорганизации судопроизводства для горцев Центрального Кавказа, специфики и итогов реформирования судебной системы и т.п. А.Х. Абазов определил место Нальчикского суда в судебной системе Терской области наряду с Владикавказским окружным судом, мировыми судами и съездами мировых судей (на период их функционирования), а также привел сведения об учреждении и особенностях деятельности словесных судов в Терской и Кубанской областях³, исследовал материалы Нальчикского суда как источник изучения обычного права кабардинцев, проанализировал особенности отражения в них сведений социальных конфликтов кабардинского и балкарского населения региона⁴. Кроме того, основные аспекты деятельности горских словесных судов затрагивались и работах других авторов⁵. Некоторые вопросы

¹ Кобахидзе Е.И. "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных преобразований в Осетии в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.) // Кавказский сборник / отв. ред. В. В. Дегоев. М., 2010. С. 157-175; Кобахидзе Е.И. Горский словесный суд и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Центрального Кавказа // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научной конференции, 28-30 октября 2010 года, Карачаевск, 28–30 октября 2010 года. Карачаевск, 2010. С. 212-219; Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15; Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова "Горский словесный суд" и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 37-47; Кобахидзе Е.И. Специфика и итоги реформирования судебной системы на Центральном Кавказе в 60-70-х гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2010. № 2. С. 70-76.

² Абазов А.Х. Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // История государства и права. 2015. № 23. С. 58-63; Абазов А.Х. Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 239-255; Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 141-148; Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик, 2014. 108 с.; Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016. 264 с.; Абазов А.Х. Формы социальных конфликтов у кабардинцев в последней трети XIX – начале XX вв. (на материалах Нальчикского горского словесного суда) // История науки и техники. 2017. № 12. С. 37-43; Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе: обзор судебной практики Екатеринодарского суда (1871-1920 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2022. № 4-1 (55). С. 7-14.

³ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 180–192.

⁴ Абазов А.Х. Формы социальных конфликтов... С. 37-43.

⁵ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVII – XIX вв. Ростов н/Д, 2001; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: проблемы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006. С. 265-266; Гладунец А.В. Судебный процесс на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Право и политика.

получили отражение в коллективных трудах по дореволюционной истории и этнографии народов северокавказского региона¹.

Диапазон рассматриваемых проблем широк: от вопросов создания словесных судов до выявления информативной отдачи их документов для исследования особенностей применения норм обычного права и шариата в решении споров и конфликтов. Основной вопрос, который затрагивался в научных трудах современных исследований, были попытки реконструкции судебной системы Кубанской и Терской областей и определения места горских словесных судов в них. В большей мере такие исследования предпринимались в отношении судов Терской области (Ж.А. Калмыков², Х.М. Думанов³, И.Л. Бабич⁴, Е.Г. Муратовой⁵, Е.И. Кобахидзе, Д.С. Сайдумов, А.И. Хасбулатов, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов⁶ и др.). Обращалось внимание на отсутствие такого суда во Владикавказском округе Терской области⁷. В некоторых случаях на основе анализа делопроизводственной практики авторы также предпринимали попытки определить локальные особенности функционирования некоторых из них (например, Екатеринодарский словесный суд Кубанской области⁸). А.С. Кондрашева оценивала судебные преобразования рубежа 60–70-х гг. XIX в. как просчет властей, что впоследствии привело к падению авторитета словесного

2009. № 9. С. 1956–1959; Сердюк А.В. Особенности судопроизводства Северного Кавказа в составе Российской империи в середине XIX – начале XX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4(23). С. 150–153; Дарчиева С.В. Проблемы политico-административного управления на Северном Кавказе в начале XX в. (на примере Терской области) // Известия СОИГСИ. 2016. № 22 (61). С. 47–55.

¹ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах. Том 1. Грозный, 2006. 828 с.; Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик, 2017. 544 с.; История Северного Кавказа: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2017. 282 с.; Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик, 2018. 268 с.; Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. М., 2022. 870 с.

² Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. 123 с.

³ Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. Нальчик, 2000. 129 с.

⁴ Бабич И.Л. Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 17–30.

⁵ Муратова Е.Г. Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.) // Право в зеркале жизни: Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 199–214.

⁶ Прасолов Д.Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 2017. 136 с.

⁷ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 181.

⁸ Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов...

суда¹. Суждение о том, что эти преобразования не затрагивали общественную жизнь и судебно-административное устройство народов Центрального Кавказа, содержится и в работе А.Х. Борова². Определенное сравнение судебной реформы на Кавказе с судебными уставами 1864 г. проводит в своей работе А.И. Хасбулатов³. Напротив, Ж.А. Калмыков находит в этом много общего с уставами⁴. Встречаются и работы с ошибочными данными о датах учреждения горских словесных судов (например, Л.В. Бурыкина и Л.Д. Федосеева отмечали, что эти суды были учреждены в 1869 г.⁵).

Большинство авторов при характеристике деятельности горских словесных судов затрагивали вопросы их структуры, штатного расписания и предметов ведения⁶. Сведения о подсудности и объеме полномочий приводились в основном с опорой на соответствующие статьи основного регламентирующего его деятельность (в определенном смысле, учредительного) документа – «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей»⁷. Многие исследователи обращали внимание на порядок комплектования их кадрами и отмечали, что судьи и кандидаты к ним утверждались в должностях начальником Терской области на основании результатов народных выборов⁸. На отдельных примерах рассмотрены территориальные особенности проведения выборов в суды (например, в Нальчикский суд и его временное отделение на заседании Съездов доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ⁹). Данные об этом

¹ Цит. по: Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект реформирования... С. 97.

² Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном пространстве. Нальчик, 2007. С. 39.

³ Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М., 2001. С. 83.

⁴ Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (Конец XVIII – начало XX века). Нальчик, 1995. С. 27-28.

⁵ Бурыкина Л.В., Федосеева Л.Д. Реформирование нормативно-правовой системы Северного Кавказа в проектах российских военных и государственных деятелей (начало XIX в. – 1869 г.) // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Том Выпуск 26. Краснодар, 2020. С. 26.

⁶ Хасбулатов А.И. Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1 (49). С. 73; Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 37–40

⁷ Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект...

⁸ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 182.

⁹ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 2019. 208 с.; Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2022. 240 с.

восстанавливались с опорой как на нормативные (см., например, утвержденная в 1908 г. наместником Кавказа инструкция «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседания в горских словесных судах Кубанской и Терской областей»), так и делопроизводственные документы. При исследовании штатной структуры словесных судов предпринимались и попытки определения их персональных составов или указания на персоналии отдельных служащих (чаще – председателей). Однако такие данные не сопровождены просопографическим анализом. Установлено, что число судей и кандидатов к ним в округах Терской области варьировалось от 3 (Назрановский и Веденский) до 4 (Нальчикский, Грозненский, Хасав-Юртовский, Аргунский)¹.

Определенное внимание в современной историографии уделено документальному обеспечению деятельности горских словесных судов. В этом отношении наиболее подробно проработаны материалы горского суда в Нальчикской слободе, определена информативная отдача его делопроизводственной документации для исследования различных аспектов социально-политической, экономической и этнической истории народов региона². Предприняты попытки дифференциации документов на группы в зависимости от их функционала и характера внешней коммуникации³.

В некоторых исследованиях приведены сведения о финансовом сопровождении деятельности некоторых словесных судов (источниках и механизмах сбора финансовых средств⁴, размерах должностных окладов председателей и отдельных категорий работников судов и т.п.); затрагивались вопросы координации деятельности горских словесных судов с сельскими (аульными)⁵ и медиаторскими (посредническими)⁶ судами; рассматривались формы

¹ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 190.

² Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 8–15.

³ Абазов А.Х., Достова А.И....

⁴ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в политической культуре...

⁵ Сайдумов Д.Х. Сельские аульные и Горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах // Европейский журнал социальных наук. 2010. № 3. С. 132-137.

⁶ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 13, 63–70.

фиксации результатов заседаний посреднических судов в письменном виде или их отражения в подаваемых в суды апелляционных жалоб на их решения¹ и т.п.

Большое внимание в исследовательской практике уделяется направлению основной функции горских словесных судов – деятельности по решению споров и конфликтов в отношении коренных жителей подведомственных территорий. В современной историографии так или иначе затрагивались вопросы организации судебного процесса в них², изучались формы применения доказательств в судебном процессе (в том числе и очистительных присяг³) и вовлечение в процессуальную деятельность отдельных категорий участников разбирательств (например, присяжных поверенных⁴), описывались механизмы принятия решений по отдельным категориям споров и конфликтов (например, связанных с наследованием имущества⁵), рассматривались вопросы о пределах применения норм обычного права⁶ местных жителей и шариата при вынесении решений⁷ (в том числе и по определенным направлениям деятельности горских словесных судов⁸), влияния их деятельности на правовую и политическую культуру отдельных народов региона (адыгов⁹, осетин¹⁰, чеченцев¹¹,

¹ Там же. С. 13, 63–70.

² Там же. С. 40-48.

³ Хасбулатов А.И. Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1 (49). С. 73.

⁴ Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш. Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 30-38.

⁵ Арсанукаева М.С. Наследование по шариату и адатам у чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) // Евразийский юридический журнал. 2009. № 6 (13). С. 23-29.

⁶ Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х. Суд и судопроизводство по обычному праву чеченцев // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5-2 (64). С. 263-272.

⁷ Хасбулатов А.И. Суд и судебные реформы в Чечне... С. 72; Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 186

⁸ Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки и попечительства у чеченцев и ингушей (XIX – начало XX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2009. № 2 (11). С. 65-72.

⁹ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. Москва, 1999. 239 с.; Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М., 2012. 340 с.

¹⁰ Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15.

¹¹ Арсанукаева М.С. Судебный процесс по адатам чеченцев и ингушей (XIX в. – начало XX в.) // Ученые труды Российской академии адвокатуры. 2008. № 6 (11). С. 62-68; Арсанукаева М.С. Правовая культура чеченцев и ингушей: (XIX – начала XX века): монография. М., 2009. 198 с.; Сайдумов Д.Х. Суд, право и право-судие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). Грозный, 2014. 526 с.

ингушей¹ и др. народов региона), предпринимались попытки характеристики региональных особенностей их функционирования (например, временного (второго, балкарского) отделения горского словесного суда в Нальчикском округе²; наличии двух словесных судов в Грозненском округе³), рассматривались вопросы о порядке исполнения решений словесных судов по спорам и конфликтам⁴.

Некоторые современные исследователи определяли специфику деятельности горских словесных судов и их территориальной организации с учетом административно-территориальных преобразований в областях. В частности, некоторые из них обращали внимание на стабильное функционирование Нальчикского суда в 70–80-е гг. XIX в. и отнесение к его подведомственности представителей кабардинского и балкарского населения вне зависимости от того, в состав каких именно территориальных образований они были включены в это время (сначала Кабардинского, после Георгиевского, Пятигорского, Нальчикского округов)⁵. При этом видно, что территориальная организация деятельности горских словесных судов не всегда находилась в строгой зависимости от административно-территориального устройства округа, в котором она располагалась. К подсудности этих учреждений могли относиться народы (или группы народов), проживавшие за пределами округа (например, к подсудности горского словесного суда в Нальчике относилось население Малой Кабарды в период ее вхождения в состав Сунженского отдела Терской области). При этом в качестве постановки проблемы в историографии ставились вопросы о соотношении деятельности горских словесных судов с административно-территориальным реформированием региона (в том числе и на материалах деятельности специализированных комиссий⁶).

¹ Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дис. Д-ра юрид. н-к. Москва, 2010. 51 с.

² Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 48-51

³ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 191.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция": горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 914-927.

В некоторых исследованиях была дана оценка эффективности их деятельности. В частности, в исследовании А.Т. Урушадзе говорится о таковых оценках со стороны государственных служащих и общественных деятелей в начале XX в., приводятся разные точки зрения и делается вывод о низкой эффективности его работы в указанное время¹ и о необходимости их преобразования. При этом уточняется, что при всем при этом их «упразднила не реформа, а революция 1917 г.»². Оценка произведений дореволюционных авторов, в которых предпринимались попытки оценки эффективности их деятельности, даются и в трудах других современных исследователей³.

Деятельности отдельных горских словесных судов Кубанской и Терской областей были посвящены работы Е.Г. Битовой (Муратовой)⁴, П.И. Магаяевой (Абайхановой)⁵, Л.А. Карапетян⁶, И.В. Зозуля⁷, М.С.-Г. Албогачиевой⁸, Ф.Я. и Г.Х. Азашиковых⁹, Р.С. Кандор¹⁰, З.М. Блиевой¹¹, Т.Х. Малиева и С.А. Золоевой¹², Д.Н. Прасолова¹³ и др. Отдельные аспекты затрагиваются в трудах Л.Г.

¹ Там же. С. 923.

² Там же. С. 923.

³ Кобахидзе Е.И. "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных преобразований в Осетии в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.) // Кавказский сборник. М., 2010. С. 157-175.

⁴ Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик, 1997. 176 с.

⁵ Магаяева П.И. Административные и судебные реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в. Дис. канд. ист. н-к. Ставрополь, 1998. 186 с.; Магаяева П.И. Реформы 60-70-х годов XIX века в горских округах Кубанской области. Карабаевск, 2003. 230 с.

⁶ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского Горского словесного суда (1782-1920 гг.) // Голос минувшего. – 2006. – № 1-2. – С. 62-70.

⁷ Зозуля И.В. Анализ судопроизводства на Северном Кавказе в начале XX века // Культурная жизнь Юга России. – 2008. – № 2(27). – С. 73-78; Зозуля И.В., Кондрашова А.А., Трофимов М.С. Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Северного Кавказа как исторический источник по изучению российской дореволюционной судебной системы // Былые годы. – 2020. – № 58(4). – С. 2651-2660.

⁸ Албогачиева М.С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова, Санкт-Петербург, 15-17 мая 2008 года. Санкт-Петербург, 2009. С. 114-118.

⁹ Азашикова Ф.Я., Азашиков Г.Х. Трансформация традиционной судебной системы адыгов во второй половине XIX в. // Мир культуры адыгов: (проблемы эволюции и целостности). Майкоп, 2002. С. 358-371.

¹⁰ Кандор Р.С. Выборы Екатеринодарского горского словесного суда: практика упрочения российского влияния на черкесские аульные общества (начало 70-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 2 (45). С. 18-28.

¹¹ Блиева З.М. Российские судебные учреждения в Осетии: опыт, особенности организации (конец XVIII – 50-е годы XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2018. № 3. С. 31-35.

¹² Малиев Т.Х., Золоева С.А. Правонарушения и нравственность на Северном Кавказе (1911-1914 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2017. № 1. С. 44-47.

¹³ Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства в повестке дня съездов доверенных кабардинцев и балкарцев в последней трети XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3. С. 115-128.

Свечниковой¹, И.Г. Гайдабура², А.Д. Дзидзоева³ и др. Кроме того, при исследовании проблемы учитывались научные работы по различным аспектам судебно-правовой интеграции Российской империи. Например, в фундаментальном исследовании И. Верняева представлены обобщения современных научных концепций по проблемам развития и многообразия системы правосудия на окраинах Российской империи⁴. Автор продуктивно использует концепции гибридности в интерпретации судебных преобразований. Также общие проблемы судебной системы Российской империи широко представлены в иностранной литературе (например, Дж. Бурбанк⁵, С. Кирмзе⁶, П. Сартори⁷ и др.).

Таким образом, в современном кавказоведении исследование истории деятельности горских словесных судов в Кубанской и Терской областях привлекает внимание ученых, затрагивающих проблемы административно-территориальных преобразований, правовых реформ в регионе в последней трети XIX – начале XX в., трансформации институтов этнической культуры под влиянием этих преобразований и т.п. Исследователи обращали внимание на судебное устройство в областях, структуру, обеспеченность кадрами, подсудность и территориальную подведомственность отдельных горских словесных судов, документальное обеспечение и финансирование их деятельности, особенности принятия решений по разным категориям дел, эффективность их деятельности, оценки современников и т.п. При этом основное внимание уделяется выявлению локальных особенностей этих процессов и явлений.

¹ Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке. Ставрополь, 2003. 231 с.; Свечникова Л.Г. Адат, шариат и российское законодательство в праве народов Северного Кавказа (конец XVIII – первая треть XX вв.). Ставрополь, 2009. 340 с.

² Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Дисс. канд. юр. н-к. Краснодар, 2007. 217 с.

³ Дзидзоев А.Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX - первой трети XX века. Дисс. канд. юр. н-к. Санкт-Петербург, 2011. 199 с.

⁴ Верняев И.И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 396 с.

⁵ Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247). С. 188-196.

⁶ Кирмзе Ш. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России М.: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с. (Historia Rossica).

⁷ Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.

Авторы рассматривали историю деятельности отдельных горских словесных судов в судебной системе каждой из указанных областей и их взаимодействие с учреждениями власти и институтами самоуправления, определяли их как один из механизмов инкорпорации народов региона в политико-правовое пространство России, изучали их деятельность в контексте государственно-правовой политики империи в регионе, на материалах их судебной практики исследовали формы социальных конфликтов и порядок их решения у коренных народов региона, давали обзор судебной практики по нормам обычного права и шариата, характеризовали делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации у некоторых из них, исследовали особенности деятельности отдельных категорий участников судебного процесса (например, присяжных поверенных) и т.п. Все это создает прочный фундамент для дальнейшего комплексного сравнительно-исторического исследования истории горских словесных судов Кубанской и Терской областей в контексте инкорпорации коренного населения региона в политико-правовое пространство Российской империи и определения их места в ее судебной системе в 1871–1918 гг.

Источниковая база. Доступная источниковая база позволяет ставить и решать вопросы обобщающего характера по истории горских словесных судов в этих регионах, их роли в условиях интеграции проживающих в них народов в политико-правовое пространство России, их сравнительно-исторического исследования с аналогичными структурами в других регионах Большого Кавказа и т.п. Все это открывает дополнительные возможности исследования истории их деятельности. Исследование подготовлено на основе собранных материалов:

- Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва): Ф. 38 (Главное управление генерального штаба). Оп. 7 (Кавказские дела); Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства, оп. 1 «Азиатская часть»).
- Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург): Ф. 1268 (Кавказский комитет); Ф. 1405. (Министерство юстиции. 1803-1918 гг.).

– Государственного архива Краснодарского края (ГА КК, г. Краснодар): Ф. 396 (Войсковой штаб кубанского казачьего войска); Ф. 454 (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска); Ф. 660. (Екатеринодарский горский словесный суд). Помимо того, что ГА КК содержал специальный фонд Екатеринодарского суда, в нем отложились и материалы других горских словесных судов Кубанской области (Майкопского и Баталпашинского).

– Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания, г. Владикавказ): Ф. 12 (Канцелярия начальника Терской области); Ф. 262 (Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей).

– Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик): Ф. И-6 (Управление Нальчикского округа); Ф. И-22 (Нальчикский горский словесный суд); Ф. И-51 (Управление Пятигорского округа); Ф. Р-1209 (Документы по истории Кабардино-Балкарии).

– Архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН» (Архив СОИГСИ, г. Владикавказ): Ф. 1 (История Осетии (до 1917 г.)).

– Архивного управления Правительства Чеченской Республики (АУ ПЧР, г. Грозный): Ф. 236 «Коллекция копий документов по истории чеченского народа из фондов центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (на правах подлинников)»; Ф. 238 «Коллекция копий документов из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) по истории чеченского народа (на правах подлинников)»; Ф. 244 «Коллекция копий документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) по истории чеченского народа (на правах подлинников)».

Кроме того, большой корпус материалов по теме исследования опубликован в различных сборниках материалов и архивных документов¹.

Весь объем использованных в работе источников можно условно разделить на следующие группы: нормативно-правовые, делопроизводственные, статистические и картографические материалы, материалы периодической печати и т.п.

К числу нормативно-правовых актов относятся: 1) Указы императора (высочайшие указы) и приказы высшего начальства (например, Приказы об определении административной структуры того или иного региона; Высочайший указ о введении судебных уставов 1864 г. в Кубанской, Терской областях и Черноморском округе от 30 декабря 1869 г.) и т.п.; 2) общеимперские кодифицированные акты, определявшие порядок гражданского и уголовного судопроизводства в стране; 3) документы учредительного характера (например, положения об управлении административно-территориальные образованиями (Положение об управлении горцами Кубанской области от 1866 г.; Учреждение по управлению Кавказского и Закавказского края от 1876 г., Высочайше утвержденное Учреждение по управлению Кавказским краем от 26 апреля 1883 г., Учреждение управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа от 24 марта 1888 г.) и т.п.); 4) Правила, определявшие порядок деятельности отдельных учреждений (например, Временные правила для горских сло-весных судов Кубанской и Терской областей от 18 декабря 1870 г.); 5) циркуляры различного уровня организации власти (например, циркуляр кавказского наместника от 1 декабря 1870 г. начальникам Кубанской и Терской областей о введении в действие указа императора от 30 декабря 1869 г.².); 6) Инструкции,

¹ Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. Собраны под наблюдением и.о. обер-прокурора общего собрания кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.М. Рейнке, членом Московской судебной палаты Н.М. Агишевым и товарищем прокурора Тамбовского окружного Суда В.Д. Бушеном. СПб., 1912. 278 с.; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность, начало XIX – начало XX вв.: сборник. Санкт-Петербург, 2005. 719 с.; Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., comment. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ, 2014. 225 с.; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. 624 с.

² ГА КК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

определявшие порядок проведения отдельных мероприятий, связанных с деятельностью горских словесных судов (например, инструкция Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа о порядке проведения выборов депутатов суда от 25 ноября 1908 г.). В них определялась структура органов государственной власти (в том числе и судебных учреждений) и принципы местного самоуправления, устанавливавшиеся объем полномочий судов, определялся порядок проведения отдельных мероприятий (например, выборов судей-депутатов и народных кадиев) и т.п.

К числу делопроизводственных относятся постановления (решения) горских словесных судов, исполнительные листы, протоколы заседаний, отзывы областного начальства об их деятельности (в том числе, и отзывы на заочные решения), ведомости следственных дел, рапорты, апелляционные жалобы, в определенной мере – решения посреднических (медиаторских, третейских) судов, общественные приговоры (в том числе, собраний и съездов доверенных от сельских обществ). Наиболее информативную группу делопроизводственных источников составляют различные учетные книги горских словесных судов (описи находившихся в производстве гражданских, уголовных и опенкунских дел; алфавитные указатели к описям; именные списки лиц, подвергшихся денежным штрафам за правонарушения; именные списки лиц, подвергшихся наказаниям по решениям судов; именные списки сиротскому имуществу и сиротам, находящихся под опекой; настольные журналы для учета производящихся дел и записи принятых по ним решений, в том числе и журналы регистрации дел и решений по ним¹ (по утвержденным формам²); журналы учета входящей и исходящей корреспонденции, квитанционные книги для записи взимаемых пошлин и т.п.), а также алфавитные указатели жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам в качестве дополнений к настольным журналам по утвержденным формам, которые велись по годам³; книги об освобождении

¹ См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 5991. Т. 1; Т. 2.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 20.

³ Там же.

представителей зависимых сословий¹; книги для записи совершенных засвидетельствованных актов²; книги для записи штрафных денег, взысканных с разных лиц за неявки в суд³; книги записи денег, выданных взаймы из Кабардинской общественной суммы (в основном отделении Нальчикского суда)⁴; настольный журнал для записи опекунских дел⁵; книги для записи вещественных доказательств, отчеты о результатах ревизии делопроизводства отдельных судов⁶, служебные списки служащих⁷ и т.п. Большую группу источников по этой части составляет отчетная документация (в том числе, и всеподданнейшие отчеты) начальников управлений различного уровня⁸ (областного, окружного) и наместника Кавказа. А.Х. Абазов на примере деятельности Нальчикского суда подробно исследовал его делопроизводственную документацию и выделил следующие группы документов: учетные книги; документы по организации и обеспечению судебных разбирательств; документы, связанные с сопровождением отношений опекунства и попечительства; документы по деятельности суда нотариального характера; документы отчетной деятельности; документы по обеспечению внешней коммуникации и т.п.⁹ Важную группу источников составляют направляемые сельскими старшинами в суды документы (например, рапорты о правонарушениях, отражавшие суть конфликта или спора, протоколы, а также протоколы с результатами предварительного расследования дела). Материалы этой подгруппы дают возможность подробно охарактеризовать повседневную практику горских словесных судов по решению уголовных и гражданских дел, определения опекунов, заверения

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 26 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 27 об.

⁶ См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 29.

⁷ См., например: АУ ПЧР. Ф. 244. Оп. 3 эл. Д. 6.

⁸ См., например: Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска ... [по годам] / Терское казачье войско. Наказной атаман. Владикавказ, 1891-1916.

⁹ Абазов А.Х. Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда (1871-1918): дело-производство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 239.

сделок, особенности их коммуникации с учреждениями власти и институтами самоуправления и т.п.

К числу документов с элементами *статистического обобщения* относятся ведомости о деятельности отдельных горских словесных судов с указанием находившихся в их подведомственности населенных пунктов с дифференциацией сведений по видам рассматриваемых дел, количества населения, его этнического состава, отнесения их к мировым и следственным участкам и т.п. Часть таких документов опубликована в «Материалах по обозрению...» Н.М. Рейнке¹. Для уточнения их территориальной подведомственности были проанализированы статистические таблицы населенных мест и сводные данные о коренном населении Терской² и Кубанской³ областей. Это позволило дать количественные характеристики их деятельности по решению уголовных и гражданских дел, и в некоторых случаях – дать оценку эффективности их деятельности.

Такие *периодические издания*, как «Терский календарь» (содержал извлечения из Временных правил 1870 г. и расписание горских словесных судов Терской области за 1891–1915 гг.)⁴; «Сборник сведений о Терской области»⁵, газеты «Терские ведомости» и «Кубанские областные ведомости» (иногда содержали заметки и обзоры о принятых судами решений) применялись в исследованиях для изучения нормативных актов, сбора сведений об их текущей деятельности, получения информации о персоналиях (служащих судов) и т.п.

Исследование *карографических материалов* дали возможность уточнить данные о территориальной организации деятельности горских словесных

¹ Материалы по обозрению горских... С. 70–95.

² Статистические таблицы населенных мест Терской области / под ред. Е. Максимова. Владикавказ, 1890–1891. 7 т.: Т. 2. Вып. 4: Владикавказский округ. 1890. 99 с.; Т. 2. Вып. 5: Нальчикский округ. 1890. 69 с.; Т. 2. Вып. 6: Хасав-Юртовский округ. 1890. 67 с.; Т. 2. Вып. 7: Грозненский округ. 1891. 107 с.

³ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л.В. Македонова. Екатеринодар, 1906. 587 с.

⁴ Терский календарь на 1891–1915 гг. Владикавказ, 1891–1915: Вып. 4. На 1895 г. Под. ред. Г.А. Вертепова, 1894. 399 с.; Вып. 24. На 1915 г. Под ред. С.П. Гортинского, 1915. 221 с;

⁵ Сборник сведений о Терской области / под ред. Н. Благовещенского. Вып. 1. Владикавказ, 1878. Вып. 1. 1878. 382 с.

судов проверялись на материалах различных карт Терской¹ и Кубанской² областей.

Таким образом, анализ источников позволяет изучить обстоятельства учреждения и особенности организации их деятельности, рассмотреть общие тенденции и локальные особенности их правоприменительной деятельности, рассмотреть особенности внешней коммуникации и признаки кризиса в их деятельности и т.п.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые в отечественном кавказоведении на основе анализа широкого круга исторических и историографических источников предложено комплексное исследование системы горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг.;
- впервые в историографии комплексному сравнительно-историческому исследованию были подвержены обстоятельства учреждения и нормативно-правовое обеспечение деятельности горских словесных судов, проанализированы территориальная организация деятельности и особенности комплектования кадрами. Подробно изучены следующие проявления экстерриториального принципа их деятельности: когда на территории одного административно-территориального образования функционировали один или два суда в зависимости от этнического состава их населения; когда представители одного народа проживали на территории разных административных единиц области, когда один регион мог быть разделен на несколько отделений по этническому принципу;
- охарактеризована практика принятия решений по уголовным и гражданским (в том числе, имущественным и наследственным спорам) делам, подробно изучены особенности практики осуществления ими деятельности, не связанной с решением споров и конфликтов (опекунские дела, нотариальные

¹ См., например: Волости и гмины 1890 г. - СПб., 1890. - 73 т. - (Статистика Российской империи). 69. Терская область. 1892. [2], 24, [1] с., 1 л. к. С. 24.

² См., например: Карта Кубанской области, Черноморской губернии и части Сухумского округа [Карты] / сост. Н.С. Иваненков. 1:672 000, 6,72 км в 1 см. Екатеринодар: б/и, 1902. 1 л.

функции, учет рождаемости и смертности и т.п.). Установлено, что такая их деятельность регламентировалась в основном российскими нормативно-правовыми актами или (при их отсутствии) по аналогии права и являлась сферой, в которой практически не функционировали институты традиционной социо-нормативной культуры. Комплексному анализу подверглись их правоприменительные практики в этой области;

– выявлены основные направления коммуникации горских словесных судов с органами власти (как с надведомственными учреждениями и судами, в отношении которых они осуществляли полномочия апелляционной и кассационной инстанции, так и с не состоявшими с ними в иерархических связах) и с институтами самоуправления. Впервые комплексному исследованию подверглись механизмы финансового обеспечения их деятельности и рассмотрены практики их софинансирования как за счет казенных, так и общественных денежных средств. Выявлены признаки системного кризиса и установлены пути преобразования системы горских словесных судов в общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в. Даны характеристика им как низовым судебным учреждениям, отправлявшим функции правосудия и занимавшимся отдельными видами деятельности (опека и попечительство, заверение договоров и сделок и т.п.), как одного из основных механизмов включения коренных народов в юридическое поле России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В 1871 г. горские словесные суды Кубанской и Терской области создавались уже на основе сложившейся системы правосудия, в рамках которой были апробированы некоторые принципы новой формы судоустройства: решение споров и конфликтов с опорой на нормы обычного и мусульманского права, включение в состав суда на выборной основе представителей коренного населения, назначение на руководящие должности российских офицеров – помощников начальников округов или отделов. При этом в рамках новой модели судоустройства прослеживалось как минимум два уровня организации: региональный (появившийся в результате судебной реформы 1864 г. –

Екатеринодарский и Владикавказский окружные суды, мировые суды) и локальный / низовой (словесный, сельские / аульные суды, с определенной долей условности – медиаторские / посреднические суды). С течением времени нормативно-правовая основа деятельности словесных судов менялась: уточнялась компетенция, изымались из подсудности категории правонарушений, предлагались новые инструкции по проведению выборов депутатов-судей, проведению отдельных следственных и судебных действий и т.п.

2. Деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей выстраивалась с опорой на экстерриториальный принцип, когда их пространственная организация не состояла в прямой зависимости от административного-территориального устройства округов и отделов, а выстраивалась с учетом особенностей расселения подведомственных им народов (проживание одного народа на территории нескольких регионов и проживание на территории одного региона нескольких народов с принципиально отличными институтами правовой культуры). Территориальная организация их деятельности не зависела и от административного-территориальных преобразований в регионе в последней трети XIX – начале XX в.: их количество не менялось на фоне увеличения общего числе отделов и округов в этих областях. Напротив, упорядочивание и уточнение их территориальной подведомственности и необходимость оптимизации деятельности некоторых из них приводили к необходимости дробления их структуры по этническому принципу: создание на территории одного округа нескольких судов для представителей разных народов, образование основных и временных отделений в составе некоторых из них.

3. Штат горских словесных судов Кубанской и Терской областей формировался с опорой на практиковавшиеся в регионе с конца XVIII в. формы комплектования кадрами, когда в низовых или временных пограничных судах руководящие должности занимали российские офицеры (составившие как на военной, так и на гражданской службе), а базовые – представители местного населения (попадавшие в суд на основе выборов). Штаты всех судов были однотипными, представительство разных категорий общества квотировалось в

зависимости от их функции в судебном процессе: председатель суда осуществлял общее руководство деятельностью этих судов и единолично решал сложные дела, кадий – толковал нормы мусульманского права, судьи-депутаты коллегиально участвовали в решении споров и конфликтов по нормам обычного и мусульманского права. Количество судей депутатов варьировалось от 2 до 4 и зависело от численного состава коренного населения, в отношении которого создавался суд, и особенностей административного устройства региона функционирования.

4. Практику горских словесных судов Кубанской и Терской областей по разбирательству уголовных дел можно условно разделить на две группы: дела, по которым председатель принимал самостоятельное решение на основе российских нормативно-правовых актов, и дела, по которым принималось коллегиальное решение с участием избранных от коренного населения судей-депутатов по нормам обычного права. От этого зависел и характер назначаемых наказаний – тюремное заключение или материальная компенсация / штраф. При этом на протяжении всего периода деятельности в их практике при решении уголовных дел по нормам обычного права осуществлялась опора на традиционные институты народного правосудия (клятвы-присяги, материальные компенсации за преступления и т.п.). На протяжении всего периода деятельности их подсудность по уголовным делам постоянно уточнялась и менялась (в основном в сторону изъятия из компетенции некоторых категорий дел) под влиянием изменений нормативно-правовой базы в области судопроизводства. Анализ документов с элементами статистического обобщения, репрезентативных на начало XX в., в большинстве случаев выявляет отрицательную эффективность их деятельности по рассмотрению уголовных дел и накопление общего количества нерешённых дел.

5. Количество разбираемых в горских словесных судах Кубанской и Терской областей гражданских дел с течением времени увеличивалось на фоне появления и развития новых видов отношений (долговых и кредитных обязательств, трудовых отношений и т.п.), при этом эффективность их деятельности

на протяжении всего периода функционирования оставалась стабильной и была выше среднего. В последней трети XIX в. окончательно оформился и стабильно практиковался основанный на нормах обычного права коренного населения принцип ответственности по гражданским правонарушениям, когда совокупный размер материальной компенсации представлял собой сумму всех понесенных потерпевшей стороной убытков. С течением времени производство по гражданским делам в словесных судах постоянно усложнялось: усиливалась роль присяжных поверенных (в данном случае, профессиональных представителей интересов потерпевшей стороны), повышалась значимость заключаемых на досудебных стадиях примирений спорящих на взаимовыгодных условиях, расширялся круг обеспечительных мер по исполнению судебных решений в горских словесных судах и т.п.

6. Помимо исключительно разбора уголовных и гражданских дел горские словесные суды Кубанской и Терской областей были наделены широким кругом дополнительных полномочий (назначение опекунов и попечителей над малолетними и недееспособными и их имуществом и контроль за их деятельностью; фиксация некоторых актов гражданского состояния и установление фактов, имевших юридическое значение; нотариат и др.). Регулирование отношений по опекунству практиковалось во всех судах и представляло собой деятельность с элементами защиты нуждающихся групп населения. Нотариальная функция этих судов выражалась в заверении, контроле и учете сделок между представителями подведомственного населения. Деятельность некоторых из них по учету актов гражданского состояния состояла в фиксировании фактов рождения и смерти жителей - представителей подведомственного населения, установления и удостоверения фактов отцовства и т.п. Эти функции, как правило, регламентировались либо специальными российскими нормативно-правовыми актами, либо на их основе специальными инструкциями. Это, с одной стороны, сужало сферу применения институтов традиционной соционормативной культуры местных жителей, с другой, являлось одним из

важных механизмов по их инкорпорации в политico-правовое пространство Российской империи.

7. В правоприменительной деятельности горских словесных судов во взаимодействии с государственными органами и институтами самоуправления выделяются две основные линии: коммуникация с начальниками областей и областными правлениями как с вышестоящими инстанциями и с органами власти и суда, не состоявшими с ними в административной иерархии. Коммуникация с начальниками областей и областными правлениями осуществлялась по всем вопросам обеспечения деятельности судов: утверждение решений, финансовое и кадровое обеспечение деятельности, надзор за реализацией право-применительных функций, толкование норм права, оповещение о нововведении в нормативно-правовой базе и т.п. Особое влияние на эффективность деятельности горских словесных судов оказывала разъяснительная работа областных начальников и областных правлений, в том числе и по толкованию правил назначения и применения наказаний за правонарушения, оповещению об изменениях порядков проведения судебно-следственных действий, уточнению подсудности и подведомственности и т.п. Взаимодействие словесных судов с органами власти, не состоявшими с ними в административной иерархии (окружными / уездными и участковыми правлениями, другими словесными и мировыми судами, казенными и финансовыми учреждениями и т.п.), осуществлялось в определенных нормативными актами пределах и было направлено на реализацию ими функции правосудия и дополнительных полномочий. Основная часть финансирования деятельности словесных судов осуществлялась за счет казенных средств, предварительные расчеты по которым складывались из окладов судей, кадия и персонала и канцелярских расходов.

8. Взаимодействие горских словесных судов с широким кругом институтов самоуправления (сельскими старшинами, общественными сборами, посредническими судами, общественными кассами и их казначеями и т.п.), а также коммуникация с государственными органами оказывали важное значение на реализацию их функции правосудия. Старшины оказывали

обеспечительные меры в деятельности судов (отвечали за участие в процессе сельчан, оповещали население о принятых судами решениях, налаживали обратную связь по всем вопросам их деятельности и т.п.); общественные сборы отвечали за комплектования словесных судов кадрами, в исключительных случаях (Съезд доверенных сельских обществ в Нальчикском округе) были наделены расширенными полномочиями – кадровыми, нормотворческими, финансовыми и т.п. Взаимодействие с посредническими (медиаторскими, третейскими) судами позиционирует словесный суд по отношению к ним как надзорную инстанцию. Деятельность финансовых институтов самоуправления (общественных сумм и касс) и их казначеев в некоторых регионах Кубанской и Терской области было направлено на обеспечение государственного и общественного софинансирования работы горских словесных судов (частичная или полная выплата должностных окладов).

9. Признаки кризиса системы горских словесных судов в Кубанской и Терской областях начали проявляться сразу же после их учреждения в начале 70-х гг. XIX в. и проявлялись в отсутствии специального юридического образования у председателя и судей-депутатов; ограниченных возможностях применения институтов народного правосудия в их деятельности; повышенном риске наложения «двойных» наказаний за одно и то же правонарушение; недостаточном финансовом обеспечении их деятельности; медлительности принятия решений в словесных судах по разбирательству уголовных и гражданских дел; низкой эффективности приносимых сторонами в суде очистительных присяг и т.п. В общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в. были как предложения об их полной ликвидации, так и попытки наметить возможные пути преобразования, суть которых выражалась в принятии регламентов по отправлению правосудия в них по нормам мусульманского права; смене надведомственной инстанции с начальников областей на общие (Владикавказский и Екатеринодарский окружные) суды; образовании специальных областных коллегиальных апелляционно-кассационных судов и т.п. Однако специальных преобразований системы словесных судов на протяжении всего

периода их деятельности так и не состоялось; со временем (до полной ликвидации в период революции и гражданской войны) менялся лишь их объем полномочий и уточнялась компетенция на фоне общих изменений российской нормативно-правовой базы в области судоустройства и судопроизводства.

Теоретическая значимость работы состоит в изучении становления и развития горских словесных судов как временных переходных судебных учреждений с элементами народного правосудия коренного населения Кубанской и Терской областей в судебной системе Российской империи в последней трети XIX – начале XX в., изменений нормативно-правовой основы регулирования их деятельности, эндогенных (реформы и контреформы) и экзогенных (войны и вооруженные конфликты) факторов их динамики и т.п. В теоретическом плане исследование данной темы дает возможность уточнить некоторые детали становления и развития механизма российского государства в северо-кавказском регионе в относительно стабильные (пороформенные) исторические периоды, связанные с поиском оптимальной модели управления и обеспечения потребностей местного населения в правосудии, универсализации судебного процесса путем перехода от традиционных форм решения споров и конфликтов к суждению по нормам российского права, укоренения среди местных жителей признаков российского гражданского самосознания и т.п.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены для подготовки обобщающих работ по социально-политической истории коренного населения Кубанской и Терской областей в дореволюционный период, планировании и написании исторических исследований в области исторического кавказоведения, в ходе подготовки образовательных программ общего профиля по основам российской государственности, а также в качестве основы для справочников, хрестоматий, учебников и учебных пособий для образовательных организаций разного уровня и т.п.

Соответствие диссертации шифру научной специальности. Исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, т.к. в нем на примере функционирования целой группы горских

словесных судов Кубанской и Терской областей в дореволюционный период рассмотрены основные этапы и особенности развития российской государственности (п. 2 паспорта); на материалах организации и проведения выборов от местного населения судей-депутатов и народных кадиев и коммуникации с учреждениями власти и институтами самоуправления рассмотрена история взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов (п. 4 паспорта); на материалах решения споров и конфликтов среди местного населения по нормам обычного права и шариата изучена история повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития (п. 6 паспорта); на примере выявления признаков системного кризиса и поиска путей их реорганизации в общественно-политической мысли региона в последней трети XIX – начале XX в. дополнены представления об особенностях развития общественно-политической и социально-культурной жизни страны (п. 7 паспорта); на материалах поиска государством оптимальных моделей инкорпорации народов северокавказского региона в политico-правовое пространство России показаны некоторых подходы властей по реализации национальной политики на южной ее окраине (п. 10 паспорта); с учетом выявления специфики проведения судебной реформы 1864 г. на Кавказе рассмотрен один из аспектов исторического опыта российских реформ (п. 15 паспорта) и т.п.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (протокол № 02 от 30.05.2025 г.). Основные выводы диссертации опубликованы в 7 научных статьях объемом 5,2 п.л., 3 из которых – в рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ изданиях. Результаты исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (девяти параграфов), заключения, списка литературы и источников.

ГЛАВА 1. ГОРСКИЕ СЛОВЕСНЫЕ СУДЫ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.: УЧРЕЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1 Обстоятельства учреждения и нормативно-правовое обеспечение деятельности горских словесных судов

В начале 70-х гг. XIX в. в Кубанской и Терской областях начали функционировать горские словесные суды – специализированные учреждения правосудия, созданные для решения споров и конфликтов с участием коренного населения этих регионов, которые рассматривали дела на основании норм обычного и мусульманского права. Учреждение системы словесных судов в Кубанской и Терской областях в начале 70-х гг. XIX в. в частности и народных словесных судов на российском Кавказе в целом было направлено на реализацию общеимперской судебной реформы 1864 г. и требовало большой подготовительной работы. Перед властями стояла сложная задача: выработать модель судоустройства, сочетающую принципы проводимой в стране судебной реформы и реалии системы правосудия коренных кавказских народов; разработать и внедрить соответствующие нормативно-правовые акты; изыскать средства на финансовое обеспечение проводимых преобразований и последующее содержание создаваемых учреждений; обеспечить их квалифицированными кадрами и т.п. В качестве таковой модели на региональном уровне было решено создать общие суды по российскому образцу в лице Екатеринодарского и Владикавказского окружных судов и мировых судов, а на локальном – низовых судов в лице горских словесных судов для решения конфликтов по нормам обычного права коренного населения и мусульманского права. При этом в населенных пунктах этих областей сохранялось действие сельских (аульных) и медиаторских (посреднических) судов. При этом на них возлагалась задача качественного решения споров и конфликтов, возникавших внутри этнических сообществ, привычными им способами. Все это без малого на полвека

предопределило развитие судебной системы на южной окраине многонационального российского государства.

Одним из важных направлений деятельности органов российской власти в организации работы горских словесных судов в Кубанской и Терской областях в 1871–1918 гг. было создание и развитие их нормативно-правовой основы, которая постоянно трансформировалась и приводилась в соответствие с требованиями времени. При исследовании истории развития системы словесных судов в Кубанской и Терской областях следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, они учреждались взамен ранее созданных российскими властями судебных органов, практика решения споров и конфликтов в которых опиралась на традиционные институты правосудия коренных народов. Во-вторых, несмотря на критику и признаки системного кризиса с определенной долей условности функционировала почти 50 лет. В-третьих, организация их деятельности упорядочивалась и объем полномочий постоянно менялся на фоне изменения общероссийской нормативно-правовой основы в области судоустройства и судопроизводства.

Горские словесные суды были образованы в Терской и Кубанской областях в 1870 г. Так, в Кубанской области с 1 января 1871 г. функционировали Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский (состоявший из 2-х отделений) словесные суды, в Терской – Хасав-Юртовский, Грозненский, Веденский, Шатоевский, Нальчикский (впоследствии разделенный на основное и временное отделения) и Назрановский. Кроме того, «аналоги горских словесных судов под разными названиями также были учреждены в это время в разных областях Кавказского наместничества. В Дагестанской, Карской, Батумской областях и Закатальском округе – назывались окружными словесными судами»¹. Иногда для их обозначения применялся термин «народные» суды.

Суды практически сразу приступили к отправлению своих обязанностей (хотя случались и задержки начала работы, например, Хасав-Юртовский

¹ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 180.

словесный суд приступил к работе 25 января 1871 г.¹). При этом внедрению системы горских словесных судов в практических субрегионах Кубанской и Терской областей в начале 70-х гг. XIX в. предшествовало создание окружных народных (или словесных) судов, учрежденных в рамках введения системы военно-народного управления. Некоторые базовые принципы этой системы были ранее частично апробированы и на примере действовавших до этого времени в отношении коренного населения пограничных, временных и инородных судов: когда на руководящие позиции приглашались российские офицеры, а базовые должности заполнялись (в большинстве случаев на основе выборов) представителями местного населения. Однако в зависимости от места расположения и военно-политических условий эта система в Кубанской и Терской областях вводилась поэтапно. При этом к началу этих преобразований население Терской области накопило уже почти восьмидесятилетний опыт непрерывной деятельности судебных учреждений с опорой на принципы народного правосудия (Моздокский верхний пограничный суд (1793–1822)²; Кабардинский временный суд (1822–1858)³; Владикавказский инородный суд (1828–1830)⁴; Владикавказский окружной суд (1830–1836)⁵; Чеченский народный суд (1852–1858)⁶ и т.п.).

В 1858 г. в отношении населения Центрального Кавказа были образованы Кабардинский, Осетинский, Ингушевский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Кумыкский и Нагорный округа (вошедшие с 1860 г. в состав вновь

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 1105. Л. 1.

² Абазов А.Х. Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793–1822 гг. Нальчик, 2019. 124 с.; Абазов А.Х. Делопроизводственная практика Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с Главнокомандующим войсками на Кавказской линии (1793–1822) // Научная мысль Кавказа. 2022. № 2. С. 41–47; Абазов А.Х. Кавказские судьи Моздокского пограничного суда (1793–1822): каналы социальной мобильности в условиях включения региона в состав России // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 36–49.

³ Абазов А.Х. Делопроизводственная практика Кабардинского временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822–1858 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 48–63.

⁴ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в... С. 84; Коздоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. Назрань, 2006. С. 34.

⁵ Кидирнизов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник института ИАЭ. 2014. № 2. С. 30; Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): сборник документов / сост., предисл. с. 15–74, comment. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. С. 39.

⁶ АКАК. Т. 12. С. 645; Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей... С. 32;

образованной Терской области)¹, в каждом из которых по схожим принципам был образован свой окружной народный суд. А с 1864 г. в отношении них в качестве вышестоящей (апелляционной) инстанции был образован и просуществовал до 1870 г. Терский областной народный суд². Так, до реформы 1870 г. основу судебной системы Терской области составляли участковые суды в участках и наibusствах, окружные народные суды в округах и главный народный суд во Владикавказе. Забегая вперед, обратим внимание, что, в отличие от горских словесных, окружные народные суды Терской области функционировали в пределах границ своего административно-территориального образования, тогда как территориальная подведомственность словесных судов выходила за рамки такого округа, если и этническая территория конкретного подведомственного им народа располагалась на территории разных округов.

Интеграция населения Кубанской области в политico-правовое пространство началась позже чем в Терской и совпадала с завершающими этапами Кавказской войны. Здесь суды со схожими полномочиями были образованы в 1866 г. после введения соответствующего положения об управлении³. Исследованию административного устройства Кубанской области во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в. посвящено значительное количество научных работ⁴. В историографии частично разработаны вопросы организации и функционирования здесь судов до учреждения горских словесных судов. В это время судебная

¹ Глашева З.Ж. Административные преобразования в Кабардинском округе (1858–1870 гг.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 1 (56). С. 19–29.

² Абазов А.Х. Терский областной народный суд (1864–1870): из истории интеграции Центрального Предкавказья в правовую систему Российской империи // Кавказ – Прошлое – Настоящее – Будущее (KAVKAZ – PRZESZŁOŚĆ – TERAŹNIEJSZOŚĆ – PRZYSZŁOŚĆ; CAUCASUS – PAST – PRESENT – FUTURE). Rzeszów, 2015 (Польша). № 1 (2015). С. 13–26.

³ Положение об управлении горцами Кубанской области // РГВИА. Ф. 38 (Главное управление генерального штаба). Оп. 7 (Кавказские дела). Д. 494. Лл.8-22, 82-95; Материалы обозрению... С. 9.

⁴ Прохода П.В. Эволюция суда и судопроизводства на Кубани, 1793 г. – конец XIX в. Дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 223 с.; Магаева П.И. Административные и судебные реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ставрополь, 1998; Галкин А.Г. Нормативно-правовое регулирование судоустройства и судопроизводства в период проведения судебной реформы 1864 года на территории Кубанской области. Краснодар, 2004. Дис. канд. ист. наук. 239 с.; Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864–1917 гг. Дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 210 с.; Карнаух О.Д. Военно-народное управление в Российской Империи (на примере Кубанской области): теоретико-правовой аспект // Sochi Journal of Economy. 2015. № 3-1(36). С. 18-23; Фарои Т.В. Правовое регулирование государственного управления, самоуправления и суда на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Краснодар, 2017 256 с.; Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.). Дис. канд. ист. наук. Майкоп 2020. 537 с.

власть в отношении горского населения была представлена окружными словесными судами в качестве судов первой инстанции, помощником начальника Кубанской области как председателю апелляционной инстанции, и судом, образуемым из общего собрания депутатов и кандидатов окружного суда – начальником области и главнокомандующим кавказской армией¹.

В Кубанской области (как, собственно, и в Терской) их структуру и объем полномочий определили нормативно-правовые акты, регламентировавшие ее административно-территориальное устройство. Так, на основе Положения «об управлении горцами Кубанской области» (1866) и приказа военного министра Д.А. Миллютина об управлении и образовании военно-народных округов в Кубанской области от 12 января 1866 г. территория региона была разделена на 5 округов (Псекупский, Лабинский, Эльбрусский, Зеленчукский и Урупский)². А учрежденные в 1871 г. Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский суды были образованы взамен Эльборусского, Зеленчукского, Урупского, Лабинского и Псекупского окружных словесных судов.

Деятельность окружных народных (=словесных) судов в Кубанской и Терской областях выстраивалась на основании схожих принципов: председателем суда назначался окружной начальник или его помощник, в состав входило 3-4 судьи и 1-2 представителя мусульманского духовенства, которые избирались на народных выборах, основой судопроизводства выступали нормы обычного права местного населения и нормы мусульманского права. Анализ их штатной структуры и изучение особенностей комплектования кадрами обнаруживают некоторые аналогии и с созданными в 1871 г. горскими словесными судами. Среди них – назначение на должность председателя суда российского военного административным порядком, выборы членов суда среди представителей коренного населения, включение в их состав представителей мусульманского духовенства, опора при вынесении решений на нормы обычного права местного населения и шариата. Так, деятельность этих учреждений регламентировалась

¹ РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. 5 об.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 879. Д. 12. Л. 108–113.

унифицированным нормативным актом под названием «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», которые были утверждены Наместником Кавказа 18 декабря 1870 г. Л.А. Карапетян считал, что этот «нормативно-правовой акт исходил из необходимости придерживаться в деятельности судов синтеза норм обычного, мусульманского права и общероссийского законодательства»¹.

Также следует отметить, что созданию системы горских словесных судов в кавказском регионе предшествовало обсуждение разных моделей организации правосудия в отношении коренного населения. В частности, в проекте Комитета при Главном комитете иррегулярных войск положения о Кубанской и Терской областях в отношении населения Терской области предлагалось разбирательство дел, отнесенных Уставом 1864 г. к ведению мировых судов, возложить на окружных начальников². А для разъяснения сущности правовых обычаяв и традиций представителей местного населения определить к ним взамен прежних депутатов окружных народных (или горских) судов выборных от местного населения почетных лиц с назначением им постоянного жалования от государственной казны³. Однако Государственный совет внес определенные корректизы в это предложение с тем, чтобы оставить рассмотрение споров и конфликтов за ними в прежних окружных (словесных) судах, но преобразовать их, максимально приспособив под условия проведенной судебной реформы⁴. Власти посчитали нецелесообразным перекладывание судебных полномочий в отношении представителей коренного населения на административные учреждения. Поэтому в ходе судебных преобразований середины 60-х гг. XIX в. Госсовет принял решение для коренного населения временно оставить прежнюю форму судопроизводства, основанную на их обычаях и конфессиональных нормах, а разбор споров и конфликтов возложить на «окружные горские словесные

¹ Карапетян Л.А. Временные правила 1870 г. – основа деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей пореформенной России // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2 (6). С. 12.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

суды»¹, преобразовав их в соответствии с требованиями времени. Однако этот процесс занял некоторое время и требовал проведения определенных подготовительных мероприятий (сбор сведений и мнений о реализации реформы, подготовку и принятие соответствующих нормативно-правовых актов и т.п.).

Инициатива создания системы горских словесных судов принадлежала наместнику кавказскому². Вопрос об учреждении словесных судов рассматривался на заседании Государственного совета, для чего в управлении Наместника Кавказского была подготовлена соответствующая записка, к которой были приложены отношение наместника Кавказского от 6 ноября 1870 г., штатное расписание и отзыв министра финансов от 1 декабря 1870 г.³ И. Аничков, давая характеристику горских словесных судов Кубанской и Терской областей акцентировал внимание на то, что они были созданы и функционировали с опорой не на законодательную, а на инструкционную базу⁴.

30 декабря 1869 г. был принят Указ императора о введении судебных уставов 1864 г. в Кубанской, Терской областях и Черноморском округе. В указе устанавливалось, что в отношении коренного населения определение времени введения общих с остальным населением страны судебных учреждений вменялось в обязанность наместника кавказского. До этого времени решение споров и конфликтов между ними должно было осуществляться специализированными судебными учреждениями (горскими словесными судами), порядок деятельности которых должен был определить наместник кавказский. В основу определения подсудности горских словесных судов были также заложены отсылки к общеимперским нормам в области судопроизводства. Изначально было определено, что к их подведомственности отнесены гражданские и уголовные дела, причисленные Судебным уставом от 20 ноября 1864 г. к ведению мировых судов⁵, что в определенной мере позволяет соотнести их уровни в судебной иерархии Российской империи последней трети XIX в. Сверх того, к ведению горских

¹ Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Т. 2. Тифлис, 1907. С. 86.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Аничков И. Мировой суд... С. 18–19.

⁵ Эсадзе С.С. Историческая записка... С. 89.

словесных судов были отнесены некоторые проступки и преступления, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1866) и отнесенные к ведению окружных судов¹ (однако, их перечень в Кубанской и Терской областях рознился, о чем будет сказано ниже).

В последующем Указ 30 декабря 1869 г. послужил основанием для разработки и принятия основного документа, регламентировавшего деятельность горских словесных судов на протяжении всего периода их существования – «Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей», утвержденных наместником Кавказа 18 декабря 1870 г. и введенных в действие 1 января 1871 г.

1 декабря 1870 г. начальникам Кубанской и Терской областей был направлен циркуляр кавказского наместника о введении в действие указа императора от 30 декабря 1869 г., в котором говорилось об учреждении Екатеридарского и Владикавказского окружных судов и давалось начало преобразования окружных (словесных) народных судов этих областей в словесные². И. Аничков относил словесные суды Кубанской и Терской областей наряду с народным судом в Дагестанской области, сословным судом в Закатальском округе Тифлисской губернии и народным судом для туземцев Закаспийской области к низшим российскими судам, действовавшим по правилам, которые были установлены в административном порядке³. В качестве общих для всех низших российских судов принципов он называл сословность в кругу сельских обывателей или их этнографическая обособленность⁴. Словесные суды были подведомственны военно-народным властям регионов и решение жалоб на деятельность этих судов в порядке надзора возлагалась на наказных атаманов этих регионов⁵. Все это прекращало действие принятых до этого времени нормативно-правовых актов по судоустройству и судопроизводству в Терской и Кубанской

¹ Там же.

² ГА КК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Галкин А.Г. Внутреннее устройство и специфика деятельности окружных судов пореформенной России (на примере Екатеринодарского окружного суда) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 19-30.

³ Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов... С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

областях. А право объявления о начале деятельности горских словесных судов передавалось начальникам областей без обязательного согласования с вышестоящим начальством. Начальникам областей также вменялось в обязанность руководствоваться в деятельности Уложением о наказаниях (1866), а не действовавшими до этого инструкциями Главнокомандующего войсками на Кавказе¹. Все это говорит о том, что принятие Временных правил (1870) в определенной мере перестраивало сложившуюся систему судоустройства.

Так, основной нормативный документ, регламентировавший деятельность горских словесных судов в Кубанской и Терской областях за весь период их существования (Временные правила 1870 г.), был утверждён кавказским наместником и состоял из 84 статей. В них был определен перечень подсудных им дел (по которым принимались решения судьями / депутатами как единолично, так и коллегиально), а также правонарушения против общественного порядка, благоустройства, народного здравия, уставов (о паспортах, строительстве, путей сообщения, пожарной безопасности, почтового и телеграфного сообщения). В Правилах (1870) устанавливались принципы судоустройства в этих областях, территориальная подсудность и подведомственность, формы доказывания и механизмы примирения, источники права при принятии решений по уголовным и гражданским делам (обычное и мусульманское право), оглашение и обнародование принятых решений, порядок их обжалования, регламентировались дополнительные функции (опекунство, нотариат) и т.п.

Основу судопроизводства в горских словесных судах Кубанской и Терской областей составляли нормы обычного права коренных народов и нормы мусульманского права. Причем они могли применяться в их правоприменительной практике только в той форме, в которой это не противоречило действовавшему на тот момент российскому законодательству. На эту деталь в одном из своих исследований обращала внимание и М.С. Арсанукаева, которая отмечала, что в их деятельности применялись лишь те правовые обычай и традиции

¹ Эсадзе С.С. Историческая записка... Т. 2. С. 90.

местных жителей, которые «предварительно изучались и получили одобрение у представителей местной администрации»¹. В.А. Кумпан связывал введение словесных судов в отношении коренного населения Кубанской и Терской областей с языковым барьером, отсутствием возможности фиксировать материалы по разбирательству споров и конфликтов в письменном виде и различием российских правовых норм и институтов соционормативной культуры местных жителей². Поэтому одним из основных мотивов введения этих судов в регионах, по его мнению, было в том числе и то, что «складывающаяся система наказаний и поощрений преследовала своей целью введение в горское общество понятий о должном поведении, выработанном в России и соотносимом с системой принятых ценностей»³. Т.В. Фарои, говоря об ограничении сферы действия норм адата и шариата в горских обществах Кавказа на примере их деятельности, называла формирующуюся систему комбинированной, включавшую, помимо этих регуляторов, и нормы российского права⁴. При этом следует учитывать, что как бы ни соотносились между собой нормативные источники принятия ими решений и какие бы ни принимались властями решения по изменению их подсудности, соционормативной плюрализм был одной их основных характеристик этой системы вплоть до их ликвидации в 1918 г.

В проанализированном выше Высочайшем указе о введении в Кубанской, Терской областях и Черноморском округе (1869) говорилось о возможном преобразовании горских словесных судов на основании особого распоряжения властей⁵. Также в нормативных документах устанавливался характер их внешней коммуникации, что даёт возможность определить их место в системе административных и судебных учреждений кавказского региона. Надведомственными должностными лицами по отношению к ним были начальники областей. Они выполняли по отношению к горским словесным судам функции

¹ Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 65.

² Кумпан В.А. Национальная политика на Северо-Западном Кавказе... С. 32.

³ Там же. С. 39.

⁴ Фарои Т.В. Правовое регулирование системы государственного управления, самоуправления и суда на Кубани в конце XVIII – начале XX в. 2-е изд., доп. и испр. Краснодар, 2017. С. 70.

⁵ Между централизмом и регионализмом... С. 77.

правоустанавливающей и апелляционной инстанции. Словесные суды были обязаны ежегодно отчитываться о своей деятельности перед областными начальниками. Их приговоры направлялись на утверждение начальников областей. Неудовлетворенные их решением стороны имели возможность подавать на имя начальника области соответствующие объяснения или возражения. Начальник области был вправе оставить решение суда без изменения, направить на дополнительное (повторное) рассмотрение (как правило, в тот же суд, в отношении которого поступила жалоба), отменить постановление суда и предложить собственное решение по делу. Примечательно, что начальник Терской области был апелляционной и правоустанавливающей инстанцией и по отношению к временному отделению Нальчикского словесного суда¹. Кроме того, это взаимодействие выражалось в том, что в отношении горских словесных судов Кубанской и Терской областей фактически не предусматривалось второй (вышестоящей непосредственно) судебной инстанции, поэтому жалобы на их решения подавались именно начальникам областей. Это дало основание П.И. Магаяевой заключить, что для горского населения Кубанской области второй судебной инстанции не было². При этом дела, в которых одной стороной являлись представители коренного населения области, а другой – лица, не относящиеся к ним, изымались из подсудности словесных судов и разбирались на общих основаниях. В свою очередь, начальник Терской области мог как оставить его решение без изменений, так и отменить или направить на новое рассмотрение. Устанавливался месячный срок для обжалования их решений перед начальником области. Пропуск этого срока служил основанием для оставления апелляционной жалобы без рассмотрения, а решения суда – в силе (без изменений). Однако иногда это правило не соблюдалось. Н.М. Рейнке по этому поводу писал: «У меня есть целый список решений горских словесных судов Терской области, отмененных начальником области, несмотря на их вступление в законную силу»³. Ниже будут рассмотрены функции начальников

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 974. Л. 26

² Магаяева П.И. Реформы 60-70-х годов... С. 122.

³ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 26.

областей по утверждению принятых судами решений, комплектованию их составов кадрами, участие в принятии решений о финансировании их деятельности и т.п.

Однако анализ нормативных актов позволяет говорить о том, что высшей надзорной инстанцией по отношению к словесным судам был наместник Кавказский в качестве главнокомандующего Кавказской армией. Кроме того, в особых случаях апелляционные жалобы на решения горских словесных судов Кубанской и Терской области направлялись и на имя Наместника Кавказа как главнокомандующего Кавказской армией. Н.М. Рейнке характеризовал его как последнюю по отношению к ним инстанцию, рассматривавшую дела «то в апелляционном порядке, то в кассационном, то в порядке надзора»¹. Дела на его рассмотрение поступали через Штаб Кавказского военного округа². К нему на рассмотрение поступали жалобы на решения самих словесных судов на основании соответствующих постановлений начальников областей. Порядок рассмотрения жалоб на их действия был аналогичным тем, что применялся в отношении народных судов, функционировавших в Закавказском крае. Жалобы на решения словесных судов направлялись в штаб Кавказского военного округа, где они рассматривались канцелярией и направлялись обратно в область для заключения при сопровождении соответствующей надписи дежурного генерала³. На основании заключения канцелярия штаба готовила доклады на имя Главнокомандующего, резолюция по делу которого сообщалась начальнику области.

В дальнейшем статус горских словесных судов в нормативных актах учредительного характера определялся почти схожими формулировками. Например, в Учреждении управления Кавказского и Закавказского края от 1876 г. право определять их правовой статус, проводить необходимые преобразования в этой сфере передавалось кавказскому наместнику⁴. С этого времени он получал возможность принимать соответствующие нормативные акты без

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 14.

² Лучинский Ю. Становление судебной системы на Кубани // Краснодарский краевой суд: 135 лет образования. Краснодар, 2006. С. 32.

³ Материалы по обозрению горских... С. 163.

⁴ Между централизмом и регионализмом... С. 95.

согласования на высочайшем уровне. Также ему вменялось в обязанность разработать и снабдить судебные учреждения региона (в том числе и словесные суды) соответствующими инструкциями. Эти же нормы почти дословно были продублированы в утвержденном Императором Учреждении управления Кавказского края от 26 апреля 1883 г.¹ и аналогичном документе от 1886 г.²

Спустя 17 лет после учреждения горских словесных судов их статус был вновь уточнен в учредительном нормативно-правовом акте, определявшем основы административно-территориального устройства региона. Так, некоторые аспекты организации их деятельности были регламентированы в Учреждении управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа, высочайше утвержденном 24 марта 1888 г. Например, в ст. 37 документа закреплялась обязанность помощника начальника отдела председательствовать в словесном суде (если таковой в отделе существует)³. Такое же правило было принято и в отношении младших помощников начальника округа⁴. При этом в п. 42 документа подчеркивалось, что словесные суды были образованы и функционировали на основании особых временных правил⁵. На это обращалось внимание и в опубликованных работах современников. Так, в работе Г.П. Баева за 1905 г. отмечалось, что «через своих помощников по гражданской части они [атаманы отделов] имеют ближайший надзор за Назрановским горским словесным судом, в котором сосредоточены судебные дела ингушского племени»⁶. При этом сами помощники начальников округов и атаманов отделов назначались на должность наказным атаманом Кавказских казачьих войск и командующим войсками Кавказского военного округа на основании представления начальника области⁷, что дополнительно подчеркивает особенности иерархии

¹ Между централизмом и регионализмом... С. 132.

² Там же. С. 151.

³ Терский календарь на 1896 год. Вып. 5 / под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1895. С. 181.

⁴ Терский календарь на 1896 год... С. 182.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Баев Г. О присоединении Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. 1905. № 336. С. 2; № 337. С. 2; № 342. С. 1–2; № 343. С. 2; Цит. по: Прасолов Д.Н. «Вся Кабарда встретит этот акт с чувством великого нравственного удовлетворения...». Статья Г. Баева «О присоединении Малой Кабарды к Большой» // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 99.

⁷ Терский календарь на 1896 год... С. 185.

административных и судебных учреждений на Кавказе и определяет в ней место словесных судов.

Правоприменительную деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей на протяжении всего периода функционирования постоянно сопровождало внедрение нововведений, связанных с изменениями имперской нормативной основы в области судопроизводства. Они во многом были связаны с реализацией реформ Александра II и контрреформ Александра III, уточнением компетенции действовавших судебных учреждений, толкованием нормативных актов и т.п. К этому времени сложилась практика доведения сведений о принятии новых и изменении действовавших правил суждения по уголовным и гражданским делам до низовых учреждений имперской судебной системы. Так, горские словесные суды были получателями сведений о нововведениях в нормативных актах и их толкованиях из соответствующих инстанций (в основном, в форме копий или выписок) о результатах правотворческой деятельности в области судопроизводства для учета в своей деятельности. Среди них были сведения из указов Императора из Правительствующего Сената¹; протоколов общих собраний Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената²; предписаний Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе³; утвержденных кавказским наместником инструкций⁴; циркулярные предписания начальников Кубанской и Терской областей⁵; копий с отзывов прокуроров Екатеринодарского и Владикавказского окружных судов и т.п. Для словесных судов некоторых округов и отделов Терской области в числе нормативной документации поступали для учета в работе на исполнение локальные акты, принятые и утвержденные в установленном порядке институтами самоуправления (например, некоторые приговоры Съезда доверенных сельских обществ направлялись в Нальчикский суд⁶).

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 1–5 об.

² Там же. Л. 19–20 об.

³ Там же. Л. 21–22.

⁴ Там же. Л. 58–61.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Там же. Л. 71.

Словесные суды накапливали и вели учет этих документов. Некоторые из них, напрямую относившиеся к их деятельности, обсуждались в каждом отдельном суде на предмет применения в практике. Анализ документов показывает, что в суды направлялись в основном сведения об изменениях в законодательстве по тем вопросам, которые относились к их подсудности (например, изменения в Уложении о наказаниях, налагаемых мировыми судами¹).

В целом, с течением времени накопился определенный объем нормативных документов, в определенной мере регламентировавших те или направления деятельности горских словесных судов. И объем регламентируемых отношений уже выходил за рамки определенных Временными правилами 1870 г. положений. Случалось, что определенная часть отношений в отдельных судах могла регламентироваться на основе сложившейся практики. Например, в деятельности не имевшего учредительного документа Съезда доверенных сельских обществ в Нальчикском округе по выборам членов основного и временного отделения Нальчикского суда. Эта деталь попадала и в поле зрения высших имперских служащих, инспектировавших деятельность горских и народных судов в Кавказском крае. Например, это отмечалось в работе Н.М. Рейнке, который подчеркивал, что пределы ведомства этих судебных учреждений не одинаковы (т.е. могли иметь определенные локальные особенности) и что в каждом регионе формы судопроизводства могли определяться административным порядком и во многом зависели от усмотрения должностного лица, принимавшего соответствующее решение².

В обязательном порядке в деятельности горских словесных судов должны были учитываться любые изменения общимперского законодательства. Так, принятые в 1892 г. и уточненные в 1906 г. общимперские кодифицированные

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 1–5 об.

² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 2.

нормативные акты в области гражданского¹ и уголовного² судопроизводства отчасти затрагивали и вопросы решения споров и конфликтов в судах Кубанской и Терской областей. Например, в комментарии к ст. 1481 (об изъятии из ведения мировых судов вопросов, связанных со спорами о праве собственности на земельные участки) Устава гражданского судопроизводства говорилось о том, что по вопросам определения подведомственности в отношении судов Кубанской и Терской областей в этой части необходимо было руководствоваться общими правилами по этому предмету³ (т.е. эти вопросы также изымались и из подведомственности). А в примечании к ст. 1256 устава Уголовного судопроизводства, в которой определялась подсудность судебных учреждений Северного Кавказа по уголовным делам, говорилось о том, что в Терской и Кубанской областях определение подсудности по уголовным делам выставилась с опорой на статью устава, регламентировавшую подсудность мировых судов по этой группе дел⁴. К подсудности горских словесных судов Теской области были отнесены производства по делам о неумышленном причинении ран и телесных повреждений, нарушении пределов необходимой обороны, кражах со взломом или применением оружия и о похищении женщин⁵. К подсудности таких судов Кубанской области были отнесены лишь производства по делам о кражах со взломом или применением оружия и о похищении женщин⁶. Кроме того, еще раз подчеркивалось, что к подсудности горских словесных судов Кубанской и Терской областей не относились представители православной части осетинского населения⁷. Все это дало основание для Н.М. Рейнке говорить о том, что суды Кубанской и Терской областей имеют свою особенную подсудность⁸.

¹ Устав гражданского судопроизводства (Св. зак. т. 16 ч. 1, изд. 1892 г., по Прод. 1906, 1908 и 1910 гг.): с законодат. мотивами разъяснениями Правительствующего сената (Гражд. кас. деп., Общ. собр. 1, 2 и Кассац. деп. и Соедин. присутствия 1 и Гражд. кас. деп. по 1 марта 1912 г.) и коммент. рус. юристов, извлеч. из науч. и практ. трудов по гражд. праву и судопр-ву (по 1 февр. 1912 г.). Санкт-Петербург, 1912. 1984 с.

² Устав уголовного судопроизводства (с позднейшими узаконениями, законодат. мотивами, разъясн. Правительствующего сената и циркуляра М-ва юст.). Санкт-Петербург, 1909. 1192 с.

³ Устав гражданского судопроизводства... С. 1668.

⁴ Там же. С. 1080.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 38.

Кроме того, Н.М. Рейнке по этому поводу отмечал, что этим исчерпывается законодательная регламентации их деятельности¹. Это уточнение их подсудности было основано уже на сложившихся и применявшимся принципах разграничения предметов их ведения, о чем ниже будет дана более подробная характеристика².

Примечательно, что современник описываемых процессов и явлений Н.М. Рейнке, в начале 10-х гг. XX в. оценивая массив накопившейся нормативно-правовой базы по регулированию деятельности горских словесных судов и других народных судов региона, высказывался о ней, как о неудачной попытке властей привить этим судам начала русского судопроизводства³. Кроме того, он пришел к выводу, что этот массив нормативных актов не позволяет дать достаточно четкую характеристику о правовом статусе этих учреждений, и считал, что это возможно лишь при подробном ознакомлении с их деятельностью на местах⁴. Это отчасти может отражать проблему накопления в разных нормативных актах правил, регламентировавших разные направления их деятельности, на фоне того, что во Временные Правила 1870 г. эти изменения не вносились, росло общее количество нормативных актов, затрагивавших их деятельность, из-за сложности их учета иногда возникали ошибки в правоприменительной практике.

Иногда на заседаниях горских словесных судов на основании информации, исходившей от вышестоящих органов (инструкций, предписаний (в том числе и циркулярных), отзывов и т.п.), принимались решения об упорядочении форм участия в разбирательствах представителей различных категорий участников процесса (присяжных свидетелей, поверенных и т.п.). Как правило, инициаторами таких акций были представители областного начальства. Судьи могли уточнить действовавшие или предложить новые толкования практик применения тех или иных традиционных форм отправления правосудия⁵. И после их

¹ Там же. С. 9.

² См. п. 1.2 настоящей диссертации.

³ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 10.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2175. Л. 10–11.

утверждения начальником области они внедрялись в практику и становились обязательными при вынесении решений.

При этом в историографии остается открытым вопрос относительно точной даты их ликвидации. Считается, что в Терской области они просуществовали до 1918 г. и упразднялись структурами, созданными в итоге событий 1917 г. в регионах. Так, например, в историографии встречаются мнения о том, что Нальчикский суд был ликвидирован на основании решения Нальчикского окружного народного совета от 26 марта 1918 г.¹ Вместе с тем, материалы их деятельности на разных территориях показывают, что это могло быть не единовременной акцией. В Кубанской области 13 июля 1919 г. правопреемником Екатеринодарского суда стал соответствующий горский мировой суд на основании решения краевого правительства об утверждении специального Положения². Положение частично опиралось на нормы Временных правил 1870 г., а частично закрепляло новые правила. Например, новаторством было включение судов Кубанской области в состав судебно-мировых округов, образование для первых апелляционной инстанции в лице судебного, а не военно-административного учреждения, усиление самостоятельности горских судов и независимости от административных структур и т.п. Из сложившихся практик в новых горских судах сохранились принципы комплектования их кадрами (например, избрание судей-депутатов и представителя мусульманского духовенства от местного населения на трехлетний срок; коллегиальность принятия решений по определенным категориям дел; сохранение в составе суда вспомогательных должностей – переводчика, письмоводителя, канцелярского служащего и т.п.), порядка и графика работы³ и т.п. 31 октября 1919 г. кубанский войсковой атаман утвердил в должности председателя нового горского мирового суда к.с. Капустина, долгое время возглавлявшего до этого Екатеринодарский суд⁴. Также дифференцированно следует относиться и к датировкам

¹ Теунов М.К. Шариатские суды в советской Кабардино-Балкарии (1918–1929 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик, 2007. С. 12;

² Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 64.

³ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Л. 58 об.

⁴ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 64.

ликвидации других горских словесных судов, но при этом можно предположить, что все они состоялись между 1918 и 1920 гг.

1.2 Территориальная организация деятельности горских словесных судов

Ранее подчеркивалось, что специфика территориальной организации деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей заключалась в том, что к их подведомственности относились представители местного населения, этническая территория которых не всегда совпадала с административно-территориальными границами округов и отделов областей. Другой особенностью функционирования этих судов было то, что на фоне постоянных преобразований административного устройства региона (перекраивание административных границ, создание новых округов и отделов, переименование существовавших) территориальная подведомственность судов практически не менялась и всегда соотносилась с территорией расселения подведомственных народов. Кроме того, это накладывало дополнительные сложности для властей в организации их деятельности, т.е. в некоторых случаях (организация выборов депутатов-судей, сбор средств от населения на дополнительное финансирование их деятельности и т.п.) во взаимодействие вступали представители власти, которые напрямую не находились в иерархической связи друг с другом. Т.к. к их подведомственности относились местные жители того или иного округа или отдела этих областей, то исследование вопросов территориальной организации их деятельности представляется важной научной задачей. Ее решение в последующем даст возможность определить локальные особенности деятельности этих судов в Кубанской и Терской областях, выявить механизмы адаптации традиционных обществ Северного Кавказа к российской правовой системе, описать специфику применения унифицированных правил судебных разбирательств в том или ином субрегионе Кавказа и т.п.

Проблемы определения их территориальной подведомственности в сравнительно-историческом плане не становились предметом специального исследования, тогда как такое исследование возможно с опорой на сохранившиеся до наших дней материалы по их деятельности в разных российских архивах Кавказа и опубликованных источниках¹. Поэтому для наиболее полного исследования особенностей функционирования судебной системы кавказского региона исследование территориальной организации деятельности горских словесных судов Терской и Кубанской областей и определение круга подведомственных им народов имеет важное значение.

Несмотря на то что круг полномочий горских словесных судов определялся единым унифицированным нормативным актом («Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» от 1870 г.), их деятельность выстраивалась с опорой на экстерриториальный принцип (когда их территориальная подведомственность в определённом смысле совпадала с этническими границами того или иного народа и могла выходить за пределы границ политico-правового образования, в рамках которого они создавались и функционировали). Такая ситуация приводила к появлению локальных особенностей их правоприменительной практики, что еще во многом зависело и от особенностей функционирования институтов традиционной соционормативной культуры коренных народов этих областей. Поэтому исследование локальных особенностей деятельности отдельных горских словесных судов Кубанской и Терской областей имеет определенную научную перспективу, т.к. может сформировать достаточную теоретическую основу для последующего их сравнительно-исторического исследования, что свою очередь существенно расширит наши представления об особенностях интеграции народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в политico-правовое пространство России, трансформации их институтов достижения социальной справедливости в новых правовых реалиях и т.п.

¹ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 5. Памятники права адыгов (чекесов). Ростов н/Д, 2013. 812 с.; Между централизмом и регионализмом...; Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.): учебное пособие. Нальчик, 2015. 268 с.

Экстерриториальность деятельности горских словесных судов выражалась еще и в том, что к их подведомственности относилось не все население Кубанской и Терской областей, а только коренное «горское». А это составляло лишь часть от общего количества, которая за все время его функционирования могла незначительно меняться. Так, по данным начальника Кубанской области, репрезентативным на начало XX в., в Терской области на 934 тыс. жителей коренное население, находившееся в подведомственности горских словесных судов, составляло 507 тыс. человек¹ (т.е. примерно 54 % от общей численности населения области). Тогда как в Кубанской в это время проживало почти 2 млн человек, а к подведомственности функционировавших в области словесных судов относилось 108 тыс.² (т.е. примерно 5,5 % от общей численности населения области). В целом же, по подсчетам А.Т. Урушадзе с опорой на данные первой переписи населения Империи (1897) при общей численности населения Кавказского края в 9,3 млн. чел. реформа по внедрению горских судов была достаточно масштабной и охватила 1,7 млн. чел.³ (т.е. примерно 18,2 % от общей численности населения макрорегиона). Территориальная организация деятельности словесных судов и административно-территориальное устройство Терской области не совпадали. Все это позволяет оценить масштаб проведенной реформы и объясняет подходы властей по поиску оптимальных моделей инкорпорации местного населения в политico-правовое пространство Российской империи в пореформенный период.

Для исследования особенностей территориальной организации важно сформировать представление об административно-территориальном устройстве Кубанской и Терской областей. При этом следует учитывать, что она не была статичной и с течением времени менялась. Так, на момент образования горских словесных судов в начале 70-х гг. XIX в. Кубанская область состояла из 5 уездов: Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Майкопский и Баталапашинский, а Терская – из 7 округов: Владикавказский, Георгиевский,

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 51.

² Там же.

³ Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция"... С. 915.

Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский¹. Можно определить, что в Кубанской области 4 суда были образованы в 3 уездах из 5; а в Терской – в 6 округах из 7. С течением времени административно-территориальное устройство областей менялось. В середине 90-х гг. Кубанская область состояла из семи отделов (Ейского Темрюкского, Екатеринодарского, Майкопского, Кавказского, Лабинского и Баталпашинского)². Такое административное деление было установлено с 1 июля 1888 г.³ В середине 90-х гг. XIX в. Терская область делилась на 3 отдела (Пятигорский, Кизлярский и Сунженский) и 4 округа (Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский)⁴. А с 1905 г. она делилась на 4 отдела (Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский) и 6 округов (Владикавказский, Назрановский, Хасав-Юртовский, Нальчикский, Грозненский и Веденский). «Такое деление области вполне соответствует распределению в ней главнейших национальностей коренного населения, так как казаки занимают в ней все четыре отдела, а туземцы – округа: Владикавказский – осетины, Назрановский – ингуши, Нальчикский – кабардинцы и болгары⁵, Грозненский и Веденский – чеченцы, Хасав-Юртовский – кумыки, кочевья же караногайцев, образуют свое Караногайское приставство, входящее в состав Кизлярского отдела»⁶.

По данным на начало 1917 г. в составе Кубанской области числились Баталпашинский, Екатеринодарский, Ейский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Таманский отделы⁷. Накануне ликвидации горских словесных судов в Терской области в ее состав входили Сунженский, Пятигорский, Моздокский, Кизлярский отделы и Владикавказский, Назрановский, Грозненский, Хасав-

¹ Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления... С. 62.

² Терский календарь на 1896 год. Вып. 5 / под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1895. С. 176.

³ Отчет Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1914 год. Екатеринодар, 1915. 374 с.

⁴ Терский календарь на 1896 год... С. 176.

⁵ М.Х.: так в источнике.

⁶ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1914 год. Владикавказ, 1915. С. 2.

⁷ Алфавитный список дач и населённых пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 г. Екатеринодар: б/и, 1917. 111 с.

Юртовский, Веденский и Нальчикский округа¹. Т.е. незадолго до ликвидации в Кубанской области 4 словесных суда были образованы в 3 отделах из 7; а в Терской – в 6 административно-территориальных единицах из 10. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что если в начале 70-х гг. Назрановский суд относился к Владикавказскому округу и его председателем был помощник начальника этого округа, то к моменту ликвидации этот суд относился к Назрановскому округу. По сути, к разбирательству в словесных судах Терской области из числа коренных жителей не относились только представители осетинского населения².

В историографии встречаются сведения об образовании в 1870 г. Владикавказского словесного суда³. Однако он был сразу же упразднен, а вместо него в Терской области был образован дополнительный мировой суд для разбора дел между представителями осетинского населения региона⁴. При этом начальник Терской области полагал, что введение в отношении осетинского населения мировых судов, а не Владикавказского суда, не встретило бы препятствий и принято было бы населением как полагается⁵. В отчете кавказского наместника от 1872 г. отмечается, что Владикавказский (Осетинский) словесный суд был упразднен Высочайшим повелением от 28 октября 1871 г. на основании ходатайств осетинского населения Владикавказского округа⁶. Была отчасти и перестроена судебная иерархия – апелляционной инстанцией для сельских (аульных) судов осетинских населенных пунктов стал Владикавказский окружной суд⁷, для чего был разработан особый порядок подачи апелляционных жалоб⁸, тогда как в отношении других коренных народов региона это были словесные суды. Несмотря на это, другой начальник Терской области С.В. Каханов неоднократно и безрезультатно ходатайствовал у вышестоящего начальства о

¹ Список населенных мест Терской области: (по данным к 1-му июля 1914 г.) / под ред. С.П. Гортинского. Владикавказ, 1915. 15-459 с. Прил. к «Терскому календарю» на 1915 г.

² Материалы по обозрению горских... С. 142.

³ Эсадзе С.С. Историческая записка... Т. 2. С. 91.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 71. Д. 4217. Л. 5; Между централизмом и регионализмом... С. 46–47.

⁵ Архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 1;

⁶ Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления... С. 63.

⁷ Между централизмом и регионализмом... С. 51.

⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 158.

восстановлении Владикавказского словесного суда¹. Также в историографии встречаются сведения о поступлении аналогичных ходатайств и от представителей других народов региона (в частности, кабардинцев)². Однако они не были удовлетворены. Примечательно, что С.С. Эсадзе связывает появление таковых ходатайств от представителей местного населения как от наименее подготовленной «к гражданской жизни» части населения кавказского региона³. Однако некоторые современные исследователи видят в этом отрицательные эффекты, т.к. это ограничивало возможности осетинского населения решать споры и конфликты на основании традиционных институтов правосудия и спровоцировало увеличение количества правонарушений⁴. Поэтому эти сведения дополняют наши представления о том, что в рамках одного административно-территориального образования могли создаваться и функционировать несколько горских словесных судов (например, в 1871 г. во Владикавказском округе были образованы Владикавказский и Назрановский суд, т.е. один для осетинского населения, другой для ингушского). Примечательно, что с 1871 по 1905 г. председателем Назрановского суда был помощник начальника Владикавказского округа⁵. Это определялось спецификой административного устройства Терской области, т.к. на основании преобразований 1870 г. Ингушский округ был преобразован путем объединения с Осетинским и образованием единого Владикавказского округа с центром в г. Владикавказ. Так продолжалось до 1905 г., когда временно был образован Назрановский округ Терской области (а само узаконивание этого преобразования состоялось в 1909 г.).

Еще раз подчеркнем, что специфика деятельности горских словесных судов в определенной мере зависела от их территориальной подведомственности и этнической территории того или иного коренного народа, в пределах

¹ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891, 1892 гг. С. 6–7; Кобахидзе Е.И. Горский словесный суд и проблема реорганизации судопроизводства... С. 217.

² Эсадзе С.С. Историческая записка... Т. 2. С. 91.

³ Там же.

⁴ Кобахидзе Е.И. Горский словесный суд ... С. 217;

⁵ Албогачиева М. С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда... С. 117; Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. – СПб., 2011. С. 63.

которой функционировали институты традиционной соционормативной культуры. Поэтому на практике она выстраивалась в большей мере с опорой на этнический, нежели на административно-территориальный компонент. При этом за каждым из горских словесных судов закреплялся строго определенный перечень народов. Иногда к одному суду относился один народ, иногда – несколько. Так, например, в Кубанской области к подведомственности Екатеринодарского словесного суда относились в основном представители черкесского населения (темиргоевцы, бжегуди, шапсуги и натухаевцы), проживавшие в г. Екатеринодаре, 33 селениях Екатеринодарского отдела и 1-м селении Темрюкского отдела¹. Майкопского – представители черкесского (кабардинцы, абадзехи, темиргоевцы) и абазинского населения, проживавшие на территории 13 аулов Майкопского отдела Кубанской области². Баталпашинского – черкесы (преимущественного, кабардинцы, частью – бесланеевцы, абадзехи³), абазины, карачаевцы и ногайцы. Это дает возможность говорить о том, что в Кубанской области наиболее широко в территориальном и этническом плане был представлен именно Баталпашинский суд, в подведомственности которого находились 34 населенных пункта Баталпашинского отдела. Причем для каждого из отделений Баталпашинского суда устанавливалась своя этнотерриториальная подсудность: один для карачаевцев, другой для горского населения бывших Урупского и Зеленчукского округов⁴.

Территориальная организация горских словесных судов Терской области (Хасав-Юртовского, Грозненского, Веденского, Шатоевского и Назрановского) выстраивалась по такому же принципу, что и в Кубанской: они учреждались в административных центрах округов или в крупных населенных пунктах и отправляли правосудие в отношении коренного населения региона по нормам обычного и мусульманского права. К их подсудности относились представители кабардинского, балкарского, чеченского, ингушского и кумыкского

¹ Материалы по обозрению горских... С. 32.

² Там же. С. 39.

³ Уточнено по: Список аулам Баталпашинского отдела с указанием какого племени горцы проживают в каждом из аулов. 15 января 1892 год // ЦГА РСО-Алания Ф. 262. Оп. 1. Д. 43. Лл. 28, 28 об.

⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 6.

населения Терской области. Среди основных отличий, определявших территориальную организацию их деятельности, было то, что в начале 10-х гг. XX в. в Назрановском, Веденском и Хасав-Юртовском округах Терской области функционировало по одному суду, а в Грозненском округе два – соответственно, Грозненский и Шатоевский словесные суды¹. А в Нальчикском округе функционировал словесный суд, который имел два отделения – основное и временное.

Грозненскому суду было подведомственно чеченское население Терской области. Хасав-Юртовскому суду – кумыкское население Терской области. Назрановскому – ингушское население, т.к. это было коренное население округа. В Терском календаре за 1891–1915 гг. содержалось расписание горских словесных судов Терской области. Например, в календаре за 1915 г. отмечалось следующее территориальное устройство области: Назрановский суд в местности Назрань (подведомственно ингушское население Назрановского округа); Нальчикский суд с временным отделением в слободе Нальчик (кабардинское и балкарское население Нальчикского округа, а также жители горского еврейского поселка); Грозненский суд в городе Грозном² (местное население 1-го и 2-го участка Грозненского округа и коренное население Веденского округа: Истису, Кади-Юрт, Энгел-Юрт, Амир-Ажди-Юрт, Азамат-Юрт, Устар-Гордой, Цацан-Юрт, Элисхан-Юрт, Мискер-Юрт, Новые Атаги и Беггатой); Шатоевский суд в слободе Шатой (подведомственно все местное население 3-го и 4-го участков и хутора 2-го участка Грозненского округа с селениями: Дуба-Юрт, Урус-Мартан, Гойты, Гехи, Шаложи, Катыр-Юрт, Валерик и селения 5-го участка Веденского округа); Веденский суд в Ведено (подведомственно все местное население Веденского округа за исключением селений, подведомственных Грозненскому и Шатоевскому судам); Хасав-Юртовский суд в слободе Хасав-Юрт (подведомственно все местное население Хасав-Юртовского округа)³. Такая территориальная организация горских словесных судов позволяла охватить деятельность всего коренного населения региона, а властям –

¹ Материалы по обозрению горских... С. 138.

² Сборник сведений о Терской области: Вып. 1 / под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. С. 91.

³ Терский календарь на 1915 год. Вып. 24 / под ред. С.П. Гортинского. Владикавказ, 1915. С. 127–128.

контролировать вопросы подсудности, территориальной подведомственности и т.п.

Некоторая часть коренного населения Терской области не была охвачена деятельностью горских словесных судов, в этом случае правосудия по-прежнему отправлялось с опорой на традиционные институты народного правосудия. Так, например, в отношении караногайского населения Терской области такие функции правосудия в период функционирования словесных судов выполняли «маслагатные суды». При этом караногайцы были частично вовлечены в деятельность мировых судов и Владикавказского окружного суда. При этом представители местного населения иногда обращались к начальству с просьбой учредить у них суды по аналогии со словесными судами. Так, например, такие обращения были направлены в 1905 и 1910 гг. в адрес кавказского наместника от представителей части караногайского народа, проживавшего на территории Терской области. Однако на это обращение 24 января 1910 г. последовал отказ, т.к. словесные суды имели «значение временной меры, так как они введены только потому, что коренные обитатели покоренной части Кавказа были не готовы на первых порах к усвоению более культурных правовых понятий»¹, хотя и готовились предложения властей по учреждению в их отношении должности мирового судьи. До 1918 г. в этой части Терской области горских словесных судов так и не были введены.

Случалось, что к подведомственности одного словесного суда могло частично относиться население одного народа, но проживавшего на территории разных административно-территориальных единиц области. Это дополнительно характеризует экстерриториальный принцип пространственной организации деятельности горских словесных судов. В частности, в суде Нальчикского округа разбирались споры и конфликты с участием малокабардинского населения в период его вхождения в состав Сунженского отдела Терской области (с 1888 по 1905 гг.). С другой стороны, к одному суду могли относиться представители разных этнических групп (например, Баталпашинского,

¹ Материалы по обозрению... С. 172.

Майкопского, Нальчикского). Иногда объединение в рамках деятельности одного горского суда нескольких этнических групп с качественно отличными институтами правосудия приводило к определённым сложностям и увеличению сроков рассмотрения жалоб и исковых заявлений. Для нивелирования этих сложностей в структуре, например, Нальчикского суда в 1884 г. было создано временное отделение для решения споров и конфликтов с участием балкарского населения округа. В исключительном случае в одном округе создались и функционировали 2 словесных суда (Грозненский округ Терской области – Грозненский и Шатовский словесные суды¹; Баталпашинский уезд Кубанской области – два отделения Баталпашинского суда в разных населенных пунктах).

Как выше отмечено, Нальчикский суд состоял из двух отделений. Основному отделению были подсудны представители кабардинского населения Нальчикского округа, а временному – балкарского (собственно, балкарцы, безензиевцы, хуламцы, чегемцы, урусланцы и балкарцы, проживавшие в с. Гунделен и Хасаут)². В историографии отмечалось несколько причин выделения временного отделения Нальчикского суда в самостоятельную структуру: загруженность и медлительность в рассмотрении дел основного отделения, качественные отличия норм обычного права кабардинцев и балкарцев, применявшимся для урегулирования споров и конфликтов и т.п.³

При этом еще раз обратим внимание на то, что к подведомственности Нальчикского суда с 1888 по 1905 гг. относились представители одного народа, но проживавшего в разных административно-территориальных образованиях Терской области: кабардинское и балкарское население Нальчикского округа и малокабардинские жители Сунженского отдела. Примечательно, что подобная экстерриториальность отражалась и в нормативных актах, регламентировавших административно-территориальные преобразования. Например, в учреждении по управлению Кубанской и Терской областей и Черноморского округа от 21 марта 1888 г., на основании которого малокабардинские населенные пункты

¹ Материалы по обозрению горских... С. 138

² Там же. С. 103.

³ Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд... С. 48.

были переданы в подведомственность атамана Сунженского отдела, отмечалось об их отнесении к Нальчикскому суду¹. Этот сюжет находит частичное отражение и современной историографии².

Разделение в 1884 г. Нальчикского суда на два отделения состоялось по этническому принципу. Учреждение второго отделения словесного суда в Нальчикском округе было вызвано различиями в правовых обычаях кабардинского и балкарского населения, что во многом снижало скорость и качество принятия решений. При этом его учреждение повлекло за собой необходимость принятия органами власти и самоуправления целого ряда решений: назначение председателя отделения, формирование его состава, определение каналов финансирования деятельности и т.п. Временное отделение Нальчикского суда на основе норм обычного права балкарцев разбирало дело по всему спектру правонарушений, отнесенных к подсудности горских словесных судов: убийствах и причинении ран и телесных повреждений, кражах имущества и скота, долговым обязательствам, имущественным и наследственным спорам и т.п. Все это подчеркивает важность исследования основных направлений его работы во второй половине 80-х гг. XIX в., т.к. открывает дополнительные возможности для понимания особенностей включения кабардинского и балкарского населения в правовую систему России, специфики складывания институтов российской государственности на южной окраине империи, учета локальных особенностей жизни местного населения при выстраивании властями стратегий поиска и внедрения в практику оптимальных моделей управления и т.п. Кроме того, именно в это время сложились основные принципы функционирования временного отделения НСГГ, на которые оно опиралось вплоть до упразднения.

Вместе с тем доступные источники по деятельности Нальчикского суда дают возможность исследования особенностей деятельности временного отделения суда на разных этапах его функционирования. Основной массив

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII: 1888: от № 4933–5685 и дополнения. СПб., 1890. С. 105.

² Прасолов Д.Н. «Вся Кабарда встретит... С. 97.

документов временного отделения суда отложился в Ф. И-22 Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (г. Нальчик). Кроме того, некоторые документы содержатся в сборниках опубликованных архивных материалов¹. Эти документы позволяют ставить и решать такие задачи, как выявление обстоятельств и причин образования временного отделения суда, характеристика его штатной структуры и кадрового состава, описание круга решаемых споров и конфликтов, рассмотрение особенностей документирования его деятельности и взаимодействия с другими учреждениями по подведомственности и т.п.

Однако в историографии нет общего мнения относительно конкретной даты образования временного отделения Нальчикского горского словесного суда. А.Х. Абазов отмечал, что оно было образовано в 1885 г.² Д.Н. Прасолов считал, что учреждение временного отделения суда было инициировано на Съезде доверенных сельских обществ и в качестве подтверждающего документа в одном из своих исследований приводит выдержки из решения Съезда от 10 октября 1885 г.³ Кроме того, этот автор полагает, что «учреждение временного отделения стало одним из главных достижений Съездов в реорганизации судебного управления округом»⁴. Е.Г. Муратова считала, что доверенные от балкарских населенных пунктов в 1887 г. приняли решение ходатайствовать перед начальником Терской области об открытии отделения суда за счет общественных средств населения⁵. При этом полагаем, что к дате основания временного отделения суда не следует относиться однозначно. Это был продолжавшийся во времени процесс, начавшийся в 1882 г. на основании просьб местных жителей, продолжившийся в 1884 г. после принятия начальником Терской области соответствующего решения⁶ и завершившийся в 1885 г. после решения на Съезде доверенных вопросов о комплектовании его

¹ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16...

² Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд в судебной системе... С. 49.

³ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного... С. 111.

⁴ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного... С. 115.

⁵ Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе: XVII – начало XX века. Автореф. дис... д-ра ист. н-к. Нальчик, 2006. С. 20.

⁶ Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд в судебной системе... С. 49.

кадрами, определении размеров должностных окладов его служащим, принятием решения о включении расходов на его содержание в структуру земских раскладок и т.п.¹

Кроме того, анализ документов по деятельности Нальчикского горского словесного суда позволяет уточнить, что еще в мае 1884 г. временное отделение не фигурировало в документах² и все вопросы по решению споров с участием представителей балкарского отделения решались в еще неразделенном суде. А уже августом 1884 г. датировано ходатайство начальника Нальчикского округа перед начальником Терской области об учреждении временного отделения суда³. В этом прошении говорились и о возможном расширении компетенции сельских (аульных) судов округа⁴. О том, что временное отделение Нальчикского горского словесного суда функционировало еще 25 августа 1884 г., свидетельствуют документы материалы дела «о смертельном ранении жителя Чегемского общества Ж. односельцем его Д.»⁵. Позже на заседаниях Съездов доверенных уточнялись компетенции, территориальная подведомственность и каналы финансирования деятельности временного отделения этого суда (см., например, решения Съезда от 3 июля 1886 г.⁶, 27 июля 1887 г.⁷, 21 декабря 1888 г.⁸ и т.п.). Но все это позволяет однозначно говорить о том, что временного отделение как самостоятельный субъект принятия решений по разбирательству споров и конфликтов среди балкарского населения округа функционировало с октября 1884 г.

Полным наименованием этого учреждения, зафиксированным в документах, было «Временное отделение Нальчикского горского словесного суда по горским делам»⁹ (иногда «Временное отделение Нальчикского горского

¹ Там же. С. 50.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 849. Л. 20.

³ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16... С. 398.

⁴ Там же.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 7.

⁶ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного... С. 112.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 4–4 об.

словесного суда Терской области по горским делам»¹). Наименование отражает основную его сущность: создавалось оно как самостоятельное структурное подразделение суда, носило временный характер, предназначалось для решения подсудных горским словесным судам в отношении балкарского населения Нальчикского округа. В практике встречались и другие его наименования: второе отделение Нальчикского горского словесного суда², балкарское отделение суда и т.п.

Деятельность временного отделения Нальчикского горского словесного суда сразу же после его создания выстраивалась с опорой на ту же делопроизводственную документацию, что и основное отделение, а также на документацию горских словесных судов других округов Терской и Кубанской областей. Основным документом, исходящим из временного отделения суда председателям сельских правлений, были отношения, которые составлялись по общей для горских словесных судов форме. Анализ практики показывает, что с 1884 г. отношения временного отделения подготавливались на печатном фирменном бланке, содержавшем его наименование, дату издания, регистрационный номер и т.п.³ Также принятые решения подлежали обязательной фиксации в журналах. В случае необходимости на основе журнальных записей готовились выписки⁴. В практике суда встречались случаи, когда по затяжным спорам выдавалась единая выписка из журналов как основного, так и его временного отделения⁵. Жалобы с инициированием судебных разбирательств поступали в устной или письменной формах от жителей подведомственных ему территорий в виде прошений⁶. Все сведения о поданных жалобах и прошениях фиксировались в настольном журнале суда⁷. А.Х. Абазов установил, что если поначалу прошения в основном подавались на имя начальника округа (или атамана отдела), а после передавались в функционировавшие на их территории

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 841. Л. 9

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 8

³ Там же.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 15

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 950. Л. 20–22

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 940. Л. 3

⁷ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 243.

словесные суды, то в последующем они подавались уже напрямую в суд¹. Нередко на рассмотрение членов временного отделения Нальчикского горского словесного суда поступили документы, составленные с использованием арабоязычной графической основы. В их составлении, как правило, принимали участие представители мусульманского духовенства на местах (сельские эфендии). Документы были разными по видовой принадлежности и смысловой нагрузке (доверенности, свидетельства, решения медиаторских судов и т.п.)². Зачастую на рассмотрение судей временного отделения суда предлагались переводы этих документов на русский язык. Переводы могли изготавливаться как на отдельных документах, так и помещаться в виде надписей на оборотах оригиналов. Само же устное производство (подача жалоб и исковых заявлений, проведение разбирательства) отправлялось на языке местного населения. Н.П. Тульчинский видел в этом один из сдерживающих факторов (незначительное количество обучающихся от народа лиц в горской школе, локализация) распространения и развития русской грамоты в регионе³.

Все это приводило к появлению локальных особенностей правоприменительной практики горских словесных судов. Иногда это обуславливало дополнительные сложности в их деятельности, т.к., например, в Баталпашинском суде служащим суда приходилось выстраивать межэтническую коммуникацию с опорой на кабардино-черкесский, карачаевский, абазинский и ногайский языки⁴. Кроме того, Баталпашинский суд объединял под своей подведомственностью наибольшее в Кубанской области число местных коренных жителей (в 1910 г. более 71 500 человек⁵). Примечательно, что Баталпашинский суд имел 2 присутственных места, которые менялись в зависимости от времени года. Так, в зимнее время он располагался в Хумаринском укреплении, а в летнее – в ауле Эльбурдан (юрт аула Вибердовского)⁶. Причем, в Хумаринском укреплении он

¹ Там же. С. 244.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 953. Л. 7

³ Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды: I. Этнографически-экономический очерк. II. Горские поэмы, песни, легенды, сказки и пословицы. Владикавказ, 1903. С. 198.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 49.

⁵ Материалы по обозрению горских... С. 48.

⁶ Там же. С. 49.

располагался в казенном помещении, а в Эльбурбане – в общественном. Это обстоятельство скорее всего было основанием об упоминании в документах двух Баталпашинских судов – первом и втором¹. Причем в них предположительно работали разные составы. В источниках отмечалось о наличии двух кадиев в разных отделениях Баталпашинского суда (так, в августе 1886 г. кадием первого Баталпашинского суда числился У. Мекеров, второго – М. Байрамуков²). Скорее всего, по этой причине этот суд испытывал наибольшую делопроизводственную загруженность по отношению к своим аналогам в других регионах области. Дополнительную сложность создавало то, что часть его документов находилось в одном присутственном месте, часть – в другом. Кроме того, суды работали неполную неделю. Например, по наблюдению Л.А. Карапетяна, некоторые суды (в частности, Екатеринодарский) выстраивали свою деятельность с учетом праздников религиозного цикла (например, заседания не проводились по пятницам и в дни, которые совпадали с мусульманскими праздниками)³. Также разбирательства не проводились во время летних полевых работ⁴.

В историографии отложились противоречивые сведения о порядке работы временного отделения Нальчикского суда. Так, современник описываемых событий Б.К. Далгат отмечал, что основное и временное отделение Нальчикского суда работали попеременно. Причем основное отделение работало в течение 3-х недель в месяц, тогда как временное – 1 неделю⁵. Напротив, исследователь советского периода Ж.А. Калмыков полагал, что и основное, и временное отделения работали по 15 дней месяц, сменяя друг друга⁶.

Исследование вопросов территориальной организации деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в начале XX в. осложняется наличием широкого многообразия форм правосудия в регионах,

¹ ГА КК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 30.

² Там же.

³ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 63.

⁴ Там же.

⁵ Далгат Б.К. Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // Живая старина. 1991. № 1. С. 148.

⁶ Калмыков Ж.А. Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890-1917 гг.) // Известия северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1975. № 1. С. 89.

основанного на сочетании официальных судов (окружных, мировых) и судов с элементами народного правосудия (горских словесных, сельских, медиаторских). Только в Терской области представители местного населения в зависимости от этнической принадлежности и места жительства, помимо горских словесных судов, были так или иначе вовлечены в деятельность *сельских / аульных* (официальные суды, разбиравшие споры между представителями сельских общин коренного населения), *медиаторских / посреднических* (институты традиционного народного правосудия, разбиравшие споры между представителями коренного населения), *аймачных* (институты традиционного народного правосудия, разбиравшие споры между калмыками), *маслагатных* (институты традиционного народного правосудия, разбиравшие споры между караногайцами) судов. Помимо этого, в регионе функционировали *слободские* (споры между жителями, проживавшими в слободах на территории Терской области), *станичные* (споры между представителями проживавшего в станицах области терского казачества) и *волостные* (споры между представителями крестьянского населения области) суды. Все это определяет многообразие практик правосудия в отношении кавказского населения в целях поиска оптимальной модели достижения социальной справедливости на этапах их интеграции в политico-правовое пространство России, а также в определенной мере подчеркивает место горских словесных судов в этой системе как учреждений народного правосудия, пространственная организация деятельности которых выстраивалась с опорой на экстерриториальный принцип.

Таким образом, территориальная организация деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в 1870–1917 гг. выставилась с опорой на принципы этнического представительства, когда один суд отправлял функции правосудия в отношении представителей определенных народов, проживавших на относившейся к их подсудности территории округа или отдельного дела. Дела в них рассматривались в том случае, если обе стороны разбирательство принадлежали к одной этнической группе. В исключительных случаях интересы представителей одного народа могли быть представлены в

нескольких словесных судах в рамках одного административно-территориального образования (округа). И наоборот, случалось, что один суд был разделен на несколько отделений, т.к. на подведомственной ему территории проживали представители нескольких этнических групп с отличными правовыми обычаями и традициями. Помимо этого, горские словесные суды функционировали в некоторых областях параллельно наряду с другими официальными и народными судами и отправляли правосудие исключительно в пределах своей подведомственности. В случае необходимости (как, например, в Нальчикском округе) принимались нестандартные для сложившейся системы решения по оптимизации процесса отправления правосудия. Это привело к тому, что временное отделение Нальчикского суда в качестве самостоятельного субъекта принятия решения по разбирательству споров и конфликтов среди балкарского населения Нальчикского округа начало функционировать с августа 1884 г. Причинами его образования были невысокая скорость решения споров и конфликтов основного отделения и отличия институтов соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев. Косвенное управление и контроль за деятельностью временного отделения осуществлялся в пределах своих полномочий административными органами (начальник Терской области, начальник Нальчикского округа) и институтами самоуправления (Съезд доверенных).

Экстерриториальный принцип деятельности горских словесных судов как Кубанской, так и Терской областей в последней трети XIX – начале XX в. проявлялся в разных вариациях: когда к подведомственности одного суда относились представители разных народов, проживавших на территории одного округа; когда к подведомственности одного суда относились представители одного народа, проживавшего на территории разных округов (отделов); когда на территории одного округа создавалось более одного суда. При этом административно-территориальное устройство округов Терской области и территориальная организация деятельности горских словесных судов не совпадали. Кроме того, на фоне частых административно-территориальных преобразований в области (изменение границ округов и отделов, смена их наименований

и т.п.) территориальная подведомственность горских словесных судов практически не менялась. А в целях оптимизации их деятельности в структурах некоторых горских словесных судов по этническому признаку создавались отделения.

1.3 Комплектование кадрами горских словесных судов

Комплектование кадрами горских словесных судов Кубанской и Терской областей в последней трети XIX – начале XX в. является одной из важных характеристик их деятельности, т.к. во многом выступает определяющим компонентом функционирования всей системы низовых институтов народного правосудия в кавказском регионе в пореформенный период. Кроме того, кадровый вопрос подчеркивает особенности функционирования системы военно-народного управления в регионе, когда на основные (ведущие) должности административных и судебных учреждений в регионе назначались российские военно-служащие в офицерских званиях, а на базовые (подчиненные) должности – представители местного населения (зачастую на выборных началах). Вопросы определения и уточнения компетенции судов дополняют их характеристику как учреждений народного правосудия и позволяют уточнить сведения о формировании и развитии правовой ситуации, в рамках которой большинство институтов традиционной соционормативной культуры местного населения подверглись определенной трансформации и если и применялись в решении споров и конфликтов, то в той форме, в которой это не противоречило действовавшему российскому праву. При этом, несмотря на то что принципы комплектования горских словесных судов кадрами и основания применения норм обычного права и шариата в их деятельности регламентировались унифицированными нормативными актами, правоприменительная практика в разных субрегионах этих областей могла приобретать локальные особенности. Все это дает дополнительную возможность уточнить место этих судов в судебной системе

российского Кавказа и расширить представления об особенностях их деятельности в дореволюционный период.

Н.М. Рейнке писал, что «горские суды Кубанской и Терской областей... составляют первую судебную инстанцию и являются по своему строю установлениями судебно-административными»¹. Это во многом определяло подходы властей к комплектованию их кадрами и определению штатной расстановки. Эти вопросы обсуждались на высшем уровне до начала преобразований. Так, штаты горских словесных судов были согласованы 6 ноября 1870 г. на основании отношения наместника Кавказского Кавказским комитетом и Министерством финансов². Такие же сведения были направлены из Кавказского комитета Государственному секретарю для последующего рассмотрения на Государственном совете³. Они обсуждали количественный и качественный состав судов, определяли объем и механизмы финансирования их деятельности и т.п.

Словесные суды в Кубанской и Терской областях комплектовались по схожим принципам. Суды состояли из председателя (назначаемого в административном порядке из числа российских офицеров, состоявших, как правило, на административной должности в качестве помощника начальника округа или отдела, в котором функционировал суд) и выборных от населения судей (депутатов) и мусульманского судьи (кадия / эфенди). Штат этих судов также составлял вспомогательный персонал (переводчики, секретари, письмоводители и т.п.), работники которого назначались на должности в административном порядке. Такой принцип комплектования кадрами горских словесных судов на примере Екатеринодарского суда дал основание Л.А. Карапетяну охарактеризовать его как смешанный суд⁴. Скорее всего, исследователь под их «смешанным» составом понимал именно квотирование мест в штате от

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 13.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. 1-1 об.; АУ ПЧР. Ф.-238. Оп. 1 мф. Д. 279.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. 2-2 об.

⁴ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 63.

представителей российской военной администрации в регионе и от местного населения.

Назначение на должность председателя горского словесного суда помощника начальника административно-территориального образования, в котором он создавался и функционировал, регламентировалось нормативно-правовыми актами (Временные правила 1870 г.). Исключение составляло назначение председателя временного отделения Нальчикского суда с момента его образования в 1884 г. В остальном это было схожей характеристикой в деятельности всех судов регионов. Так, в словесных судах Кубанской области председателями назначались офицеры, младшие помощники атаманов отделов, в которых они создавались и функционировали¹. Такие же правила отчасти функционировали и в Терской области. Например, в 1911 г. председатель Нальчикского суда состоял одновременно и в должности младшего помощника начальника округа². Причем отмечалось, что председатели этих судов нередко совмещали свою деятельность по управлению судом с исключительно административными и судебными функциями³. Однако были зафиксированы и другие отклонения от этой нормы. Например, по данным Н.М. Рейнке, в Грозненском суде на рубеже в начале 10-х гг. XX в. неоднократно председательствовал подпоручик мусульманского вероисповедания, помощник командира сотни милиционеров⁴.

Предполагалось, что председатель словесного суда должен был подробно осведомлен об особенностях быта и соционормативной культуры подведомственного населения (хотя нередко несоответствие на практике этому критерию некоторых председателей судов вызывало определенную критику у специалистов и общественности). Кроме того, бывали и случаи открытого выражения недовольства деятельностью председателя суда. Например, 12 октября 1910 г. судьи-депутаты и кадий Хасав-Юртовского суда подали заявление на

¹ Материалы по обозрению... С. 10.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 138.

⁴ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 14.

имя начальника Терской области, в котором говорили о затруднительности деятельности суда, недостаточном уделении председателем суда внимания исполнению своих прямых обязанностей в этой должности, отсутствии у него специального юридического образования¹ и т.п. Эта деталь комплектования горских словесных судов кадрами подчеркивалась и некоторыми современными исследователями², а также отчасти рассматривалась современниками (специалистами и представителями общественности) как признак системного кризиса низовых народных судов и как одно из оснований для инициирования вопросов их реорганизации как неэффективных и не соответствовавших требованиям времени учреждений³.

В качестве судей (депутатов) назначались представители местного населения на основе выборов по установленной процедуре, определенной во Временных правилах (а с 1908 г. на основе специальной инструкции, утвержденной наместником Кавказа). Количество членов конкретного суда варьировалось от 2 до 4 и определялось в штатном расписании правлений округов и отделов на основе утвержденного на стадии обсуждения и согласования Министерством финансов империи Кавказского комитета и наместника Кавказа. А.Х. Абазов установил, что в начале 70-х гг. XIX в. в горских словесных судах Терской области общее количество судей (депутатов) было 22 и столько же кандидатов к ним⁴: в Нальчикском, Грозненском, Хасав-Юртовском, Аргунском судах их было по 4, в Назрановском и Веденском, соответственно, по 3. С течением времени их количество незначительно менялось. Так, на основании выписки из штата управления Терской области от 1909 г. в судах региона числилось 24 выборные должности: 6 кадиев и 18 судей-депутатов (по 3 в каждом суде)⁵. Исключение составлял Нальчикский суд, в составе которого было

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 15.

² Харсиев Б. М-Г. Социально-экономические и политические условия развития некоторых народов Северного Кавказа в составе Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. Владикавказ, 2014. С. 46.

³ См. подробнее п. 3.3 настоящей диссертации.

⁴ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 382.

⁵ Материалы по обозрению... С. 61.

5 судей-депутатов (3 в основном отделении и 2 – во временном¹). Кроме того, в составе Нальчикского суда было 2 представителя мусульманского духовенства: один от кабардинского населения для работы в основном (кабардинском) отделении, другой – от балкарского для работы во временном (балкарском) отделении. Кадий от балкарского населения не учитывался в штатном расписании, т.к. финансирование его деятельности полностью осуществлялось за счет собранных от населения средств. В составе Екатеринодарского суда был председатель (начальник уезда или его помощник), кадий, 2 депутата и переводчик. Такой же штатный состав предусматривался для Майкопского суда и для каждого отделения Баталпашинского суда².

Анализ документов показывает, что при определении численности судей-депутатов от местного населения в большинстве случаев власти придерживались определенных принципов (например, особенности административно-территориального устройства – когда количество судей и кандидатов к ним равнялось количеству административных участков в округе, в которых проживали представители коренного населения). Например, содержание выписки из отчета о результатах ревизии делопроизводства нальчикского окружного правления, основного и временного отделения Нальчикского суда, проведенной по распоряжению начальника Терской области 20 августа 1896 г., показывает, что в штате основного отделения суда числились председатель суда (старший помощник начальника округа), народный кадий, три депутата-судьи (один от Малой Кабарды, два от Большой), письменный переводчик, словесный переводчик и писарь³.

Временное отделение Нальчикского суда имело свою штатную структуру. В его штате числились председатель (подполковник), кадий (от 5-ти горских обществ), два судьи-депутата, словесный переводчик и писарь⁴. Возглавлял отделение председатель, который вел самостоятельную переписку с

¹ М.Х.: далее по тексту будет доказано, что финансирование деятельности 2 судей-депутатов осуществлялось дополнительно за счет собранных с балкарского населения округа средств по мирским раскладкам.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 6.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 27 об.

⁴ Там же.

основными участниками судебных разбирательств. Председателя временного отделения назначал начальник Терской области. Первым председателем был военный в чине подполковника¹ (Есентукский участковый пристав подполковник Ловен²), позже (с 1887 г.) – другой председатель временного отделения состоял в чине штабс-капитана³. Судьи во временное отделение избирались отдельно на заседаниях Съезда доверенных от балкарского населения округа⁴. Д.Н. Прасолов отмечает, что первый состав отделения был избран решением Съезда доверенных балкарских обществ в 1888 г.⁵ Во временное отделение избирали по два судьи (депутата) и по два кандидата к ним. Отдельно для работы во временном отделении избирали кадия (эфендия)⁶. Кроме того, в состав суда входил и переводчик⁷.

Штатная численность горских словесных судов Кубанской области практически не менялась со времени их образования и до момента ликвидации. В 1910 г. в штате Екатеринодарского суда, помимо председателя, состояло 2 судьи-депутата⁸. Столько же судей было в Майкопском⁹ и каждом из двух отделений Баталпашинского¹⁰ суда. Кроме того, в Майкопском и Баталпашинском суде числилось и по 2 кандидата в судьи, избранных аналогичным с судьями-депутатами способом¹¹.

Еще раз обратим внимание на то, что судьи-депутаты назначались на должности по результатам народных выборов. Следует отметить, что введение принципа выборности при комплектовании кадров местных народных учреждений правосудия на Кавказе в том числе и горских словесных судов не являлось новаторством в системе локального судебно-административного контроля. Так, судьи-депутаты от местного населения избирались в составы

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 8

² Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд... С. 50

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 841. Л. 4

⁴ Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд... С. 43

⁵ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного... С. 113

⁶ Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд... С. 46

⁷ Там же. С. 47

⁸ Материалы по обозрению... С. 33.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 40, 49.

окружных народных судов Терской области в 60-е гг. XIX в., временных судов – в региональных управлениях Кавказской линии в 20–50-е гг. XIX в. (Кабардинского временного суда, Владикавказского инородного и окружного судов, народного суда в крепости Грозной – «макхама чачани»), Моздокского верхнего пограничного суда в 1793–1822 гг. и родовых судов и расправ в Большой и Малой Кабарде в 1793–1807 гг. Так, функционировавшие в регионе в 60-е гг. XIX в. народные суды закрепили право выбирать «баллотировкой» в свои составы судей на основании регламента (инструкции) кавказского наместника кн. Барятинского от 23 марта 1860 г.¹ В функционировавший в 1822–1858 г. Кабардинский временный суд на общественных собраниях представителей кабардинского населения региона выдвигалось по 2 кандидата от 4 знатных фамилий в регионе, из которых начальник Центра Кавказской линии выбирал и утверждал в должности по одному². В это время по схожим принципам в части судей-депутатов и представителей от духовенства комплектовался штат Владикавказского инородного суда (1828–1830)³, Владикавказского окружного суда (1830–1836)⁴ и учрежденного в 1852 г. Чеченского народного суда (мехкеме). Однако впервые принципы комплектования кадрами учреждений локального судебно-административного контроля на Кавказе путем избрания в судьи от представителей местного населения были апробированы властями еще в 1793 г. после учреждения Моздокского верхнего пограничного суда⁵. Следует отметить, что введенный в 1793 г. порядок комплектования административно-судебных учреждений с выборными элементами народного управления оставался во многом схожим с тем, что применялся при организации деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей с 1871 по 1920 гг.

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1195.

² Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 72; Абазов, А. Х. Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. Т № 9 (41). Москва, 2015. С. 150-170.

³ Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Абазов А.Х. Моздокский верхний пограничный суд... С. 29; Абазов А.Х. Делопроизводственная практика Моздокского...; Абазов А.Х. Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3. С. 77-95.

Видимо, это и предопределило то обстоятельство, что после 70-х гг. XIX в. выборы судей – депутатов судов в разных субрегионах Кубанской и Терской областей проходили уже на основании схожих принципов, сформировавшихся на основе уже устоявшейся и апробированной в регионе политической традиции. Организация и проведение выборов судей-депутатов горских словесных судов, их увольнение или отстранение от работы, а также представление жалоб и объяснений по работе судов возлагалась на начальников округа или атаманов отдела, в котором они функционировали¹. Так, например, выборы первого состава Екатеринодарского суда среди бжедугских и шапсугских аулов Екатеринодарского уезда состоялись в начале июня 1871 г.² Выборы проводились открытой баллотировкой (т.е. гласно). На должности депутатов-судей было выдвинуто 24 соискателя, кандидатов к ним – 32, на места кадиев – 8 представителей мусульманского духовенства. Документально было зафиксировано, что все они были с положительной репутацией и не подвергались взысканиям за правонарушения³. Процедура выборов тщательно протоколировалась. Сохранились протоколы выборов (например, протоколы выборов судей и кадия Екатеринодарского суда содержат информацию о количестве «избирательных шаров», поданных за того или иного соискателя⁴). Результаты выборов утверждались начальниками областей. Так, результаты состоявшихся в июне 1871 г. выборов судей и кадия Екатеринодарского суда были утверждены начальником Кубанской области спустя 2 месяца после их проведения⁵. После проведения выборов и утверждения их результатов начальниками областей избранники для допуска к работе должны были принять соответствующую присягу.

В источниках сохранились описания некоторых выборов в горских словесных судах Кубанской и Терской области, которые дают возможность

¹ Баев Г. О присоединении Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. 1905. № 336. С. 2; № 337. С. 2; № 342. С. 1–2; № 343. С. 2.

² Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 225.

³ ГА КК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 87. Л. 3 об.; Цит. по: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 319; Кандор Р.С. Выборы Екатеринодарского... С. 22.

⁴ ГА КК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 87.

⁵ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 319.

установить локальные особенности их проведения. Например, определенную специфику имели выборы членов Назрановского суда до образования в 1888 г. Сунженского отдела Терской области. Выборы в словесные суды проходили на сходах делегатов от 3 участков (Назрановского, Пседахского и Горского) Владикавказского округа с преимущественным ингушским населением¹, составлявшим до 1870 г. Ингушский округ Терской области. Так, в состав Назрановского суда в 1871 г. были избраны 3 депутата-судьи и кандидата к ним, т.е. по одному от каждого административного участка с ингушским населением от округа: депутат поручик Ч. Мальсагов и кандидат Э. Аджигов от Назрановского участка, депутат прапорщик А. Тадегиев и кандидат У. Везежев от Пседахского, депутат М. Марзиев и кандидат Г. Гатиев от Горского². В свою очередь, предполагалось, что выборы во Владикавказский суд должны были пройти по схожей процедуре от представителей тех участков Владикавказского округа, в которых проживало преимущественно осетинское население. По такой схеме должны были проходить выборы в тех областях, в которых функционировали по 2 суда.

Нередко кандидатами на должность судей становились представители привилегированных сословий коренного населения. Например, в 1871 г. на должность кандидата при депутате Майкопского суда выдвигался представитель черкесской знатной фамилии Келемет Болотоков³. Кроме того, поначалу (до середины 70-х гг. XIX в.) для выборов депутатов-судей Нальчикского суда предлагалось делегировать доверенных от сельских обществ, квотировав их представительство по сословном принципу. А.Х. Абазов установил, что в 1874 г. начальник Терской области рекомендовал начальнику Пятигорского округа комплектовать Нальчикский суд таким образом, чтобы из 4 судей (депутатов) один был представителем привилегированных сословий Большой Кабарды, другой – Малой, третий – горских (балкарских) обществ, четвертый –

¹ См., например: Список населенных мест Терской области: По сведениям к 1 янв. 1883 г. Владикавказ, 1885. С. 15–21.

² Терские ведомости. 1871. 16 января; Цит. по: Абазов А.Х. Дис. д.и.н. С. 383.

³ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 328.

от простого населения всего округа¹. Т.е. начальство тем самым нормировало количество представителей от привилегированных сословий и от простого населения.

Линейку примеров об избрании в словесные суды от местного населения представителей знатных фамилий можно продолжать. Например, в январе 1909 г. на основании выборов Съезда доверенных пяти горских обществ Нальчикского округа балкарец хаджи Д. Этезов был заменен представителем знатной фамилии этого народа Д. Балкарковым². Примечательно, что этот выбор был инициирован местными жителями, т.к. по сложившейся традиции во временном отделении Нальчикского суда должно было заседать 2 депутата от балкарского народа – один из знатных родов, другой – от простого народа³. Этим и была обусловлена замена судьи–депутата. Перечень примеров об избрании на должности судей представителей знатных фамилий широкий и разнообразный, поэтому подробное изучение этого вопроса требует отдельного внимания и может стать предметом специального исследования.

На определенных этапах деятельности горских словесных судов предпринимались попытки регламентировать порядок проведения выборов депутатов (судей) путем принятия отдельного нормативно-правового акта. Например, 25 ноября 1908 г. главнокомандующим войсками Кавказского военного округа была принята Инструкция «о порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов к ним для присутствия в заседаниях Горских словесных судов Терской и Кубанской областей»⁴. В ней, по сути, были нормативно закреплены апробированные до этого практики. Так, выборы судей – депутатов судов должны были быть инициированы начальниками округов или атаманами отделов путем издания соответствующих предписаний сельским (аульным) старшинам об избрании из своей среды доверенных. Выборщиками становились по 2

¹ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 43.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 40 об.; Прасолов Д.Н. Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 4 (54). С. 171.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 40 об.

⁴ Материалы по обозрению горских и народных судов... С. 59–60.

доверенных от сельских обществ, наделенных специальными доверенностями (приговорами сельских обществ). Доверенными не могли быть сельские старшины, их помощники и все служащие сельских администраций. Выборы должны были проводиться в местах функционирования соответствующих судов, но уже закрытой баллотировкой. Срок полномочий избранников исчислялся с 1 января года, следовавшего за выборным.

В большинстве случаев доверенные сельских обществ собирались исключительно для проведения выборов судей. Однако в Нальчикском округе выборы членов Нальчикского горского словесного суда (как его основного отделения, так и временного) возлагались на постоянно действующий Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Впоследствии в Нальчикском округе организация и проведение выборов членов судов было одной из основных функций Съезда доверенных¹. Выборам могла предшествовать предвыборная агитация.

Инструкция предъявляла требования к кандидатам в судьи и кадии. Так, «должны быть выбраны люди безукоризненного поведения, не подвергавшиеся ни административным, ни судебным взысканиям, знающие азаты, а избираемый кадием кроме того – Коран и шариат»². Л.А. Карапетян связывал эффективность деятельности судов с авторитетом его членов³. Инструкция также нормативно закрепляла практиковавшееся ранее правило о том, что по окончании выборов начальники округов и отделов направляли начальникам областей выборные производства на утверждение. Начальники областей утверждали выбранных в должностях приказами по области. Например, приказом Начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска от 25 января 1912 г. утверждены для участия в горском словесном суде на трехлетие 1912-1914 гг. кадием житель сел. Атажукина З. эфенди Хаджи Амирхан Шогенов; кандидатом к нему житель сел. Нальчикско-Клишбиевского Хаджи Махмуд Барсоков, депутатами: житель сел. Муртазово Н...

¹ Прасолов Д.Н. Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений... С. 167.

² Материалы по обозрению... С. 59.

³ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 63.

Муртазов, житель сел. Докшоково Пшеахо Докшоков и житель сел. Наурузово Таусултан Наурузов и кандидатами к ним: житель сел. Куденетово I Айтек Алтудоков, житель сел. Булатово Астмурза Индаров и житель сел. Шалушкинского Мурад Шарданов¹. Другой пример заключается в том, что приказами начальника Кубанской области от 9 января и 16 июня 1912 г. судьями-депутатами Екатеринодарского суда по результатам народного голосования были утверждены А. Тлехас, Ш. Чеслебиев, а кадием М. Совмиз². Причем начальник области имел право утвердить кандидатуры «тех из них, коих признает соответствующими своему назначению»³. Круг этих примеров можно расширить, но большинство из них подтверждает данную сущность. Это обстоятельство позволило К.-С.А.-К. Кокурхаеву утверждать, что, несмотря на проведение народных выборов по выдвижению кандидатур судей и кадия в суд, по сути, они назначались на должность административным порядком⁴. Т.е. в инструкции были определены основные этапы и порядок проведения таких выборов. Однако в источниках и литературе нередко отмечалось о злоупотреблениях со стороны различных участников избирательного процесса, перебаллотировок (т.е. признание результатов первичных выборов недействительными и проведение повторных выборов)⁵.

По аналогичной процедуре в горских словесных судах на должности кадиев (мусульманских судей) избирались от местного населения и представители мусульманского духовенства. Они также избирались на сходах (Съездах) доверенных и по итогам выборов утверждались приказом начальника области. По общему правилу в одном суде (или его отделении) предусматривалась должность только одного мусульманского судьи. При этом присутствие более одного кадия (представителя мусульманского духовенства) в составе суда считалось исключением⁶. Но формы участия мусульманского судьи в решении

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 843. Л. 109–109 об.

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 25. Л. 31, 96, 97; Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 63.

³ Материалы по обозрению... С. 50.

⁴ Кокурхаев К-С.А-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 47–48.

⁵ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 17.

⁶ Материалы по обозрению... С. 11.

споров и конфликтов в разных регионах этих областей могло отличаться: в одних случаях они толковали нормы мусульманского права по определенным делам для последующего принятия судьями решений; в других - имели возможность принимать самостоятельные решения (например, по бракоразводным делам). В любом случае, мнение представителя мусульманского духовенства подлежало записи в настольный журнал суда. Включение в состав суда представителей мусульманского духовенства позволило Р.С. Кандору сделать обобщение, что это оказало значительное влияние на работу этих судов¹. При этом он обратил внимание на нерешенность вопроса о создании духовного управления мусульман Кубанской области².

В практике горских словесных судов фиксировались разные формы участия представителей мусульманского духовенства в разбирательстве споров и конфликтов: в некоторых случаях принимали самостоятельное решения по делам, отнесенным к их предмету ведения, в некоторых случаях толковали нормы мусульманского права применительно к той или иной ситуации, на основе чего судьи в последующем принимали решение. А.Х. Абазов установил, что в этом случае результат такого толкования заносился в специальный журнал при суде и являлся основанием для вынесения судьями вердикта по делу³. Кроме того, в некоторых случаях деятельность кадиев суда могла выходить за рамки обязанностей решения споров и конфликтов по нормам мусульманского права. Иногда представители мусульманского духовенства в судах давали заключения в адрес вышестоящего начальства об общественной ситуации в регионе. Такие сведения, например, направлялись в 1880 г. народным кадием Майкопского суда в адрес начальника Кубанской области, где он писал о повышении популярности и интереса среди местной молодежи к изучению грамоты с использованием арабоязычной графической основы, о повышении

¹ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм управления... С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Абазов А.Х. Дис. д.и.н. С. 380.

престижа деятельности служителей культа¹ и возможном социальном расколе по итогам такой их деятельности. Он также сообщал о рисках в обществе, которые впоследствии могут стать причиной конфликтов. Принимались и попытки предложить меры по урегулированию деятельности представителей мусульманского духовенства в регионе (например, заявления кадия 1 Баталпашинского суда У. Мекерова в 1880 г.²; кадия Екатеринодарского суда А. Яхутль в тоже году о совершении верующими мусульманами пятничных молитв, строительстве в каждом ауле большой мечети³). С похожими предложениями в 1907 г. в адрес начальника Нальчикского округа выступили кадии основного и временного отделений Нальчикского суда А. Шогенов и М. Энеев⁴. Кроме того, кадии горских словесных судов Кубанской области нередко входили в состав специализированных комиссий или совещательных структур по обсуждению актуальных вопросов организации общественной жизни в регионе, например, комиссии по составлению записки о состоянии мусульманского духовенства в регионе (Екатеринодар, август 1886 г.⁵). Кроме того, социальный статус кадиев судов Кубанской области возводил их в ранг высших духовных лиц в регионе (уезде)⁶. Р.С. Кандор по этому поводу отмечал, что в их лице «мусульманское духовенство получило контролирующую их духовную деятельность власть, и без такой административно-организующей меры нельзя было привести в порядок духовно-нравственную жизнь мусульман в уездах Кубанской области»⁷.

За свою деятельность члены горских словесных судов поощрялись различными наградами и знаками отличия со стороны представителей российских властей. Например, в источниках сохранилась информация о

¹ Кандор Р.С. Политика органов власти Кубанской области в этноконфессиональной сфере: опыт регулирования деятельности мусульманского духовенства (1880-е гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 3. С. 53.

² Кандор Р.С. Политика органов власти... С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 57-58.

⁵ Кандор Р.С. Политика органов власти... С. 55.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

награждении в 1878 г. серебряными медалями «За усердие» для ношения на шее на Анненской ленте кадия А. Яхутль и депутата И. Бекух – членов Екатеринодарского суда¹, представлен к награждению медалью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте Х. Шовгенов – кадий Майкопского суда².

Таким образом, при комплектовании кадрами власти опирались на уже сложившиеся в регионе механизмы рекрутования должностных лиц: возглавлял суд состоявший на гражданской службе офицер российской армии, судьями избирались представители коренных народов. В составе суда работала группа служащих, назначавшаяся на должности в административном порядке (председатель и персонал: переводчики, секретари, письмоводители и т.п.) и на основе выборов от местного населения (судьи-депутаты и кадии). И тех, и других утверждали в должностях начальники областей, что дополнительно подчеркивало их место как надведомственной инстанции в отношении горских словесных судов. Поэтому и процедура комплектования кадрами этих судов в определённой мере опиралась на принципы государственно-общественного соучастия, когда, например, судьи и кадии выбирались уполномоченными от населенных пунктов, а в Нальчикском округе на заседании специфичного органа местного самоуправления – Съезда доверенных сельских общин. С течением времени (в 1908 г.) апробированная процедура выборов судей-депутатов горских словесных судов нашла нормативно-правовое закрепление в специальной инструкции. Установленный властями количественный состав судов определялся по совокупности параметров, среди которых учитывались численность населения (представителей той или иной этнической группы), особенности административно-территориального устройства региона и т.п. В Кубанской области общее число подведомственного населения значительно уступало аналогичному показателю в Терской области. Поэтому

¹ ГА КК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2436. Л. 6-6 об.; Цит. по: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 377.

² ГА КК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2436. Л. 6-6 об.; Цит. по: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 378.

в судах Кубанской области было по 2 судьи-депутата, а в Терской – от 3 до 4. При этом установленное властями количество судей в штатах не было строго фиксировано. В практике были случаи изменения/увеличения количества судей-депутатов в составе суда (например, в Нальчикском округе после 1884 г.). Однако таковое изменение не сопровождалось увеличением размера бюджетных ассигнований на их содержание, и недостающие средства покрывались за счет общественных средств. Несмотря на то что социальный состав суда не оговаривался в документах, в практике сложилась ситуация, когда на должность судей-депутатов избирались преимущественно представители знатных фамилий. Однако встречались и случаи, когда локальные власти устанавливали квоту в горских словесных судах для представителей непривилегированных сословий.

В целом, учрежденные в начале 70-х гг. XIX в. в Кубанской и Терской областях горские словесные суды завершали череду судебных преобразований в рамках реформы 1864 г. и были максимально адаптивны для уровня развития правовой культуры коренных народов региона. С течением времени их деятельность менялась на фоне принятия новых нормативно-правовых актов в области правосудия. Еще одна особенность организации их деятельности состояла в том, что их территориальная подведомственность связывалась в большей мере не с административными границами, а с этническими. Не менее сложными были и механизмы комплектования их кадрами, которые основывались на сочетании государственного и общественного взаимодействия. Такая форма организации горских словесных судов на начальном этапе представлялась властям отвечавшей сложившимся социально-политическим и экономическим условиям в регионе, но с течением времени обнажала признаки системного кризиса.

ГЛАВА 2. ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.

2.1 Локальные особенности рассмотрения уголовных дел горскими словесными судами

Несмотря на то что деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей в последней трети XIX – начале XX в. была урегулирована унифицированными (едиными) нормативными актами, анализ их правоприменительной практики позволяет выявить как общие тенденции их развития, так и локальные особенности функционирования. Причем эти особенности хорошо поддаются выявлению на основе анализа их делопроизводственной документации по основным направлениям деятельности: в области разбирательства уголовных дел и урегулирования конфликтов, решения гражданских споров и других видов их деятельности в пределах установленной компетенции (отношения в целях определения и контроля опеки над малолетними и недееспособными и их имуществом, отправление некоторых натуральных функций и т.п.). В орбиту горских словесных судов по принципу территориальной подведомственности были включены представители адыгского (кабардинцы, абадзехи, темиргоевцы, темиргоевцы, бжегуди, шапсуги, натухаевцы и др.), абазинского, карачаево-балкарского, ногайского, ингушского, чеченского, кумыкского, частично осетинского населения региона, каждое из которых к этому времени сформировало функциональную самобытную соционормативную традицию. Вместе с тем деятельность этих судов выстраивалась с опорой на унифицированный нормативный акт («временные правила»), утвержденный наместником Кавказа 18 декабря 1870 г. Это привело к складыванию и развитию двух линий правоприменительных практик при разборе уголовных дел, гражданских и наследственных споров, назначении опекунов и попечителей, отправлении некоторых нотариальных функций и т.п. С одной стороны, это применение общих для всех

словесных судов моделей принятия решений по типологически схожим спорам и конфликтам и их документирования; с другой, с учетом специфики их традиционных институтов соционормативной культуры появление локальных особенностей решения споров и конфликтов в разных судах. Это делает актуальным изучение особенностей деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей по решению разных по видовой принадлежности споров и конфликтов. Такое исследование позволит глубже изучить особенности распространения российской правовой системы на Кавказе и адаптации к ней местных жителей, а также обстоятельства и условия появления общих и локальных особенностей в решении у них споров и конфликтов.

Одним из основных направлений деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей был разбор уголовных дел и связанных с ними конфликтов по нормам обычного права подведомственного населения. Нормативными актами были определены пределы их подведомственности по этой части. При этом обязательным условием их деятельности в этом направлении было то, чтобы сторонами конфликта были именно представители коренного населения региона, преступления не носили тяжкий характер или не являлись политическими, наказание по ним могло ограничиться назначением материальной компенсации. Временные правила 1870 г. определяли, что эти суды могли рассматривать дела уголовной направленности аналогично мировым судам (за исключением отнесенных к подведомственности сельских/аульных судов), гражданские (имущественные) споры, связанные с обеспеченными залогами долговыми обязательствами, с наследственными отношениями; а также правонарушения против порядка управления, общественного спокойствия, благоустройства и народного здравия, нарушение уставов о паспортах, строительстве, путях и сообщении, пожарах, почты, телеграфа и т.п.¹ Это направление в кавказологии является наиболее обеспеченным источниками (делопроизводственная документация судов в фондах Государственного архива Краснодарского края, Центрального государственного архива Республики Северная

¹ Хрестоматия по истории... С. 93–105.

Осетия – Алания, Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР, Государственной архивной службы Республики Ингушетия и т.п.) и разработанной исследователями. Однако научные разработки исследователей касались в основном деятельности отдельных горских словесных судов, а сравнительные исследования практически не проводились. Между тем, для такого исследования к настоящему времени накоплен большой массив информации. Исследователи подробно изучили деятельность словесных судов по делам о кражах людей, чужого имущества и денег, причинении ран и телесных повреждений, преступлений против власти и должностных лиц на местах, гражданских и семейных споров, делах об опекунстве, вопросах, связанных с религией и т.п. Далее рассмотрим специфику деятельности словесных судов Кубанской и Терской областей по решению уголовных дел.

Коллегиальные решения в словесных судах (в том числе и по уголовным делам) с участием председателя, судей-депутатов и представителей мусульманского духовенства принимались большинством голосов присутствовавших на заседании. Право решающего голоса (в случае равенства голосов) принадлежало председателю¹. Приговоры словесных судов по уголовным делам подлежали утверждению начальником области². Причем начальники областей, как отмечалось, принимали решения и по уголовным делам, по которым на их рассмотрение поступали апелляционные жалобы. Это говорит об ограниченном доступе избранных из среды коренного населения судей-депутатов к участию в решении дел уголовной направленности. Это дало основание П.А. Бурменскому заключить, что «устраняя депутатов от рассмотрения целого ряда дел, составители Временных правил тем самым ограничили... и область применения адатов»³. С чем в определенной мере можно согласиться и дополнительно отметить, что тем самым подчеркивалось переходное положение этих судов в судебной системе Российской империи и стремление российских

¹ Временные правила для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 137.

² Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 245.

³ Горские словесные суды Кубанской области...

властей максимально приспособить традиционные формы правосудия представителей коренного населения этих регионов к российской правовой действительности.

Перечень уголовных дел, отнесенных к компетенции горских словесных судов, был определен в ст. 7 Временных правил. Примечательно, что для судов Кубанской и Терской областей он не был одинаковым. Так, в отношении коренного населения Терской области к их подсудности относились дела, связанные с неумышленными убийствами и причинением смерти по неосторожности, нанесением ран и телесных повреждений, превышение пределов необходимой обороны, кражи или вооруженные грабежи, если размер ущерба превышал 300 руб. (совершенные впервые или повторно)¹, похищение женщин и дела, решения по которым направлены на превенцию или примирение кровной вражды, а также дела, по которым не удавалось установить личность преступника. Словесные суды Кубанской области из этого перечня рассматривали исключительно дела, связанные с кражами имущества и похищения женщин. И. Аничков по этому поводу писал, что «суд происходит по обычаю и ему подведомственны в силу примеч. I к ст. 1256 Уст. Уг. Суд. не только некоторые проступки по Уставу о наказания, но и по Уложению о Наказаниях (ст. 1465, 1485, 1467, 1493, 1647, 1649, 1653, 1651, 1529 и 1530) при условии, если смерть или поражение произошли без намерения совершить убийство, и, если цена похищенного не превышает 300 руб.»². При этом решения судов считались окончательными и не подлежали пересмотру, если присужденное денежное взыскание не превышало 30 руб., арест не более 1 месяца, если материальная компенсация за ущерб не превышала 100 руб.³ На остальные решения в срок не более 1 месяца со дня вынесения могли быть поданы кассационные жалобы. Споры, выходившие за эти пределы, подлежали разбирательству во Владикавказском или Екатеринодарском судах.

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1477. Л. 20.

² Аничков И. Мировой суд... С. 19.

³ Материалы по обозрению... С. 20.

При этом встречались и локальные практики определения и закрепления по этой категории дела. Например, примечательно, что на определение подсудности горских словесных судов Терской области по делам уголовной направленности в начале 70-х гг. XIX в. повлияло мнение начальника области о необходимости временно оставить в их ведении некоторые дела по неумышленным убийствам, причинении ран и телесных повреждений в драках и ссорах, которые хотя и не относились к подсудности мировых судов, но которые «впредь до времени признавалось неудобным изъять из ведомства судов по местным обычаям»¹. Это нашло видимое отражение в их практике, о чем будет сказано ниже.

Основанием для отнесения производства по делу уголовной направленности к компетенции горских словесных судов было, чтобы преступление было совершено представителем коренного населения против местного жителя того же региона. При этом суды принимали к производству жалобы по этой категории дел как на основании искового заявления потерпевшего или его родственников, так и на основании рапорта, например, сельского старшины².

Еще раз подчеркнем, что поначалу горские словесные суды Кубанской и Терской областей решали дела уголовной направленности в большинстве случаев на основании норм обычного права местных жителей. Решения по ним принимались коллегиально с участием председателя суда, судей-депутатов и, в случае необходимости, кадия. По общему правилу, по спорам, в отношении которых не сложилось соответствующего народного обычая, применялось российское законодательство. При этом на закате их истории служащие обращали внимание на снижение доли уголовных дел, решаемых на основе норм обычного права местных жителей. Например, в материалах комиссии Н.М. Рейнке отмечалось, что к началу 10-х гг. XX в. нормы обычного права в отношении местного населения сохранились лишь в сфере гражданских отношений³. Как было ни было, в их правоприменительной практике некоторые традиционные процессуальные обычай продолжали применяться и при решении уголовных

¹ Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления... С. 63.

² Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 38.

³ Материалы по обозрению горских... С. 18.

конфликтов и в начале ХХ в. вплоть до времени их ликвидации (например, очистительные присяги)¹. В начале ХХ в. принятие очистительных присяг по-прежнему практиковалось в горских словесных судах².

В последней трети XIX – начале ХХ в. для большинства присяг сохранялась привычная для правового сознания местных жителей форма, которая обладала целым рядом типологически схожих характеристик для большинства представителей коренного населения этих областей: личная присяга или при участии соприсяжников, участие в проведении присяги представителя мусульманского духовенства и т.п. В начале ХХ в. в практике все чаще встречалась фиксация присяг в письменной форме (в основном на русском языке). Например, в Майкопском суде был разработан и применялся в практике текст присяги на «понятном населению черкесском языке»³. Кроме того, сведения о приведении к присягам разных категорий участников уголовных разбирательств фиксировались и журналах судов.

Присяжники на языках коренных народов имели разные обозначения, но схожую семантику. Например, в подготовленных комиссией Н.М. Рейнке материалах по обозрению горских словесных судов в Грозненском суде по обычаям чеченского населения число присяжников и «махацных» определялось для каждого случая по-разному (по делам о кражах лошадей – двух присяжников и трех мацацных; краже быка – одного присяжного и одного мацацного; по некоторым категориям дел количество присяжников могло достигать 17)⁴. У них в присяжники могли быть избраны только самые близкие родственники обвиняемого (до 3 колена); мацацными могли быть лица, не связанные с ним родственными узами⁵. В случае, если обвиняемый приносил присягу о своей невиновности, а присяжники и мацацные подтверждали это под собственными присягами, Грозненский суд получал возможность вынести оправдательный приговор. У кумыкского населения роль присяжников выполняли тусевы, которые были

¹ Материалы по обозрению горских... С. 18.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же.

«обязаны представить суду удостоверение сельского правления о своем одобрительном поведении»¹. Однако в практике деятельности судов мы также не находим характерных для всей системы низовых судов конкретных попыток регламентирования количества присяжников, привлекаемых к судебному разбирательству. Хотя существовали другие общие правила. Например, у представителей большинства народов исключалось участие женщин в качестве присяжников, или непринятие кем-либо из них присяги влекло за собой разные последствия: принятие судом обвинительного приговора, дознание или допрос отказавшегося принять присягу и т.п.

Областные власти постоянно мониторили вопросы, связанные с применением очистительных присяг в горских словесных судах, расположенных на подведомственных им территориях. Например, 27 мая 1892 г. по инициативе начальника Терской области комиссия в составе председателя, судей-депутатов и народных кадиев основного и временного отделений Нальчикского суда рассматривала вопрос о порядке назначения присяжников за лиц, привлеченных к уголовной ответственности по обычаям (на примере соответствующих институтов соционормативной культуры кабардинского населения региона)². В протоколе заседания было отмечено, что у этого народа издревле существовал обычай, по которому лицо, подозреваемое в совершении известного преступления, и обвиняемый имели возможность через специального доказчика принести очистительную присягу. Для этого была выработана определенная процедура ее проведения в рамках заседаний суда. Например, присягатели назначались потерпевшим в присутствии суда из «равноправных» односельчан обвиняемого. Причем ему представлялось право отвода присягателя по следующим основаниям: вражда или родство с потерпевшим, внесение в «список порочных» жителей аула, находившиеся в длительном отсутствии или под стражей к моменту совершения преступления³. Обвиняемому предлагалось выбрать таким порядком не менее двух присяжников. Непредоставление

¹ Материалы по обозрению горских... С. 154.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 10.

³ Там же. Л. 10 об.

присяжника влекло за собой обвинение в совершении преступления и привлечение к уголовной или гражданской ответственности. Уважительными причинами непредоставления присяжников были тяжкая болезнь, умственное расстройство (невменяемость) или смерть потенциального присягателя, уличение его в подкупе для дачи ложной присяги, получение угрозы со стороны заинтересованных лиц¹ и т.п. За исключением приведенных выше обстоятельств обвиняемый не имел права делать заявления суду о неправомерном назначении присяжников и давать против них отводы с момента внесения сведений о присяжниках в журнал заседания суда². Схожий протокол был составлен и во временном отделении Нальчикского суда в отношении норм обычного права балкарского населения³. При этом в протоколе дополнительно уточнялось, что присягателями могли быть назначены и родственники сторон – участниц разбирательства, но с согласия обвиняемого или ответчика⁴. При этом действовало правило, по которому присяжником мог быть назначен представитель того общества (народа), что и обвиняемый⁵.

Вопрос об эффективности этой меры остается открытым, т.к. в информационном поле о горских словесных судах встречались разные отношения к этой форме доказывания вины преступников. Есть свидетельства о том, что с течением времени в практике судов снижалась значимость очистительных присяг, как формы доказательства по разбирательствам споров и урегулированию конфликтов. Хотя встречались и другие мнения на этот счет. Например, кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков допускал ее применение в судопроизводстве, отмечая во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем в 1907 г., что для производства судебных разбирательств «в качестве доказательств могла бы быть сохранена, где она существует по обычаям, очистительная присяга и даже с участием соприсягателей для подтверждения факта»⁶.

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 11.

² Там же.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 130.

Нередко отмечалось, что «при падении в настоящее время святости присяги в понятиях горцев, присяга эта, по большей части принимается ложно, с целью лишь выручить обвиняемого; поэтому она не только бесполезна, но и вредна и пора ее упразднить»¹. В.А. Кумпан объяснял значимость клятв-присяг (свидетельских показаний) в деятельности судов в большей мере с отказом от проведения следственных мероприятий на досудебной стадии решения споров и конфликтов². П.И. Магаяева также критично характеризовала применение таких институтов народного правосудия в их практике. Она писала: «Широко были распространены в суде такие пережитки родового быта, как соприсяжничество, очистительные присяги, материальная ответственность родственников за нанесенный ущерб и прочее»³. При этом она считала, что эти суды не были популярными у представителей подведомственного им населения, обращая внимание на то, что участники разбирательств нередко избегали необходимости взаимодействия с ними⁴. Этот пример говорит о том, что с течением времени сфера применения традиционных институтов соционормативной культуры сужалась, а опора на российские правовые нормы становилась крепче.

Основным условием принятия к разбирательству дел в горских словесных судах уголовной направленности было отнесение сторон конфликта к представителям одной этнической группы местного населения. Поэтому на протяжении всего периода функционирования к подсудности судов относились дела, обеими сторонами которых выступали представители коренного населения (за исключением православной части осетинского народа). Примечательно, что Н.М. Рейнке по этому поводу обращал внимание на то, что это причисление было номинальным и быт осетин практически не отличался от быта остальных представителей коренного населения региона⁵. Тем не менее случаев на

¹ Материалы по обозрению горских... С. 38.

² Кумпан В.А. Национальная политика на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: административная система // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: Сборник научных статей. Москва; Краснодар, 2015. С. 32.

³ Магаяева П.И. Реформы 60-70-х годов... С. 124.

⁴ Там же.

⁵ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 40.

выражение представителями осетинского населения недовольства по поводу такого изъятия не было¹.

Подсудность горских словесных судов по делам уголовной направленности определяла ст. 11 Временных правил. Временные правила также устанавливали принципы определения судами наказаний за преступления уголовной направленности. Так, устанавливалось, что по уголовным делам они должны были определять степень виновности преступника «по совести», на основании норм обычного права устанавливать размер материальной компенсации («количество вознаграждения»), а по российским правовым нормам – форму и вид наказания (ареста, тюремного заключения и т.п.). При этом денежные штрафы были основной формой наказаний, назначаемых словесными судами по этой категории дел. Н.М. Рейнке отмечал, что «нередки случаи, когда уголовное дело оканчивается присуждением виновного к возмещению причиненного им материального вреда или дело, например, о краже, прекращается за примирением сторон»². Однако некоторые современники неоднозначно толковали такое право словесных судов. Так, П.А. Бурменский по результатам деятельности судов Кубанской области определил, что в уголовном судопроизводстве их роль с опорой на обычное право местных жителей сводилась лишь к установлению количества «убытков, следуемых потерпевшему от преступления»³. Также нормы российского права должны были применяться и по тем категориям дел, по которым соционормативная культура местного населения не выработала соответствующего обычая. Хотя анализ их правоприменительной практики показывает, что в большинстве таких случаев разбирательство дел передавалось на рассмотрение посреднических (медиаторских) судов.

К этой группе правонарушения Временные правила 1870 г. относились проступки «против порядка управления, против благочиния, порядка и

¹ Там же.

² Рейнке Н.М. Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 4–71; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 3. Памятники права черкесов (адыгов). Ростов н/Д, 2011. С. 473.

³ Горские словесные суды Кубанской области. Доклад товарища прокурора П.А. Бурменского, прочитанный недавно в Екатеринодарском юридическом обществе // Южный телеграф. 1903. № 226;

спокойствия, против общественного благоустройства, против народного здравия и все нарушения уставов: о паспортах, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного»¹.

Анализ правоприменительной практики горских словесных судов Кубанской и Терской областей показывает, что по этой части они решали дела о побоях², нанесении ран и телесных повреждений³, нарушении пределов личной обороны⁴, кражах лошадей и крупного домашнего рогатого скота, о похищении девушек с целью вступления в брак⁵ и т.п. Однако в разных судах количество рассматриваемых уголовных дел могло по-разному распределяться по видовой принадлежности. Например, А.Х. Абазов установил, что в Екатеринодарском суде чаще рассматривались уголовные дела о кражах скота, имущества и денег⁶. В этом же суде по вопросам, связанным с причинением ущерба здоровью, больше дел рассматривалось о нанесении побоев и о покушении на жизнь⁷.

При этом на протяжении всего периода деятельности горских словесных судов их подсудность по уголовным делам постоянно уточнялась и корректировалась. Иногда в специальных нормативных актах содержались ссылки к отнесению к их подсудности тех или иных правонарушений уголовной направленности. Так, например, во Всеподданнейшем повелении «О привлечении к отбыванию воинской повинности...» (1886) отмечалось, что «в местностях, где действуют горские словесные суды, участвовавшие в вынуждении жеребья лица, приговоренные сими судами в временном удалению из общества (канлы), подлежат немедленному освидетельствованию и назначению на службу в войсках; удаление же сих лиц из общества отлагается до перечисления их с действительной службы в запас»⁸. Или так, например, с 6 июня 1909 г. дела о кражах лошадей и рогатого скота были изъяты из компетенции

¹ Временные правила... С. 135;

² Материалы по обозрению горских... С. 52.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2166.

⁶ Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории... С. 9.

⁷ Там же.

⁸ О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей [Всеподданнейшее повеление]. Тифлис, 1886. С. 4.

словесных судов Терской области и были переведены в подсудность Владикавказского окружного суда¹.

В практике в большинстве случаев основной формой ответственности по делам уголовной направленности по решениям горских словесных судов становились материальные компенсации, которые представляли собой возмещение фактически нанесенного преступлением ущерба и сопутствующих расходов потерпевшей стороны (на лечение раненого, на организацию примирительных угощений, связанные с производством следственных действий издержки² и т.п.).

Однако в практике горских словесных судов встречалось применение и других видов наказаний за правонарушения уголовной направленности, например, тюремные заключения, несмотря на то что круг принимаемых судами по этой категории дел решений регламентировался Временными правилами 1870 г. Однако некоторые из них иногда практиковали решения о назначении преступникам наказаний в виде лишения свободы (заключения под стражу, тюремного заключения и т.п.). При этом эти наказания по данной категории правонарушений налагались судами на основании Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами³. Так, в 1892 г. Нальчикский суд постановил подвергнуть кабардинцев Д. и К. тюремному заключению сроком на 1 год, а кабардинцев Г. и К. – сроком на 6 месяцев (в связи с их чистосердечным раскаянием) за кражу лошади у жителя Чегемского общества (балкарца) Д.⁴ 28 ноября 1900 г. начальник Терской области, рассмотрев апелляционную жалобу на решение Нальчикского суда по делу о нанесении оскорблений женщине, постановил признать подозреваемого виновным и назначить ему наказание в форме тюремного заключения на 2 месяца на основании ст. 135 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами⁵. В 1895 г. начальник Терской

¹ Материалы по обозрению горских... С. 143.

² Сборник сведений о Терской области... Вып. 1... С. 317.

³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. Санкт-Петербург, 1867. 45 с.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3455. Л. 10 об.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 4305. Л. 1.

области утвердил решение Нальчикского суда и отклонил апелляционную жалобу по делу о краже лошади, виновные были приговорены к тюремному заключению на срок от 4 до 5 месяцев с возмещением нанесенных кражей убытков¹. Другой пример – Грозненский суд в 1908 г. принял решение о назначении наказания в виде тюремного заключения (лишения свободы) сроком на 1 год в отношении нескольких лиц, признанных виновными в совершении кражи са-мовара². В 1910 г. в Баталпашинском суде по делу о вооружённом похищении девушки с неблагородными целями было принято решение «к отдаче [преступников], по лишении всех особенных прав и преимуществ, в исправительные арестантские отделения, на полтора года каждого»³. Круг этих примеров можно продолжить, суды нередко назначали такие наказания за уголовные правонарушения. Кроме того, по некоторым категориям дел уголовной направленности (по которым полагалось наказание на основании Устава о наказаниях, налагаемых мировым судом) решения принимались председателем суда самостоятельно (т.е. без участия избранных от местного населения судей-депутатов). Примечательно, что решения по таким вопросам вступали в законную силу после их утверждения начальником области на основании соответствующего предписания⁴. Получается, что правоприменительную деятельность горских словесных судов по решению уголовных дел можно условно в двух основных направлениях: 1) по делам, решение по которым принималось с участием судей-депутатов от представителей местного населения по нормам обычного права; 2) по делам, решение по которым принималось председателем суда самостоятельно на основании Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами.

В практике горских словесных судов встречались назначения «двойных наказания»: по российским нормам (заключение под стражу, тюремное заключение и т.п.) и нормам обычного права местных жителей (назначение

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3233. Л. 2–2 об.

² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 50.

³ Материалы по обозрению горских... С. 54.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3816. Л. 1–1 об.

материальной компенсации). Частно встречались случаи применения двойного наказания по делам, связанным с бытовыми или неумышленными убийствами, когда по российскому праву назначалось тюремное заключение на определенный срок, а по нормам обычного права – материальная компенсация, в том числе и по принципу круговой поруки¹. Бывали наказания и по другим категориям правонарушений. Например, в 1890 г. начальник Терской области утвердил решение Нальчикского суда, котором отмечалось, что подсудимый Д. был признан виновным в совершении преступления и на основании ст. 1531 Уложения о наказаниях и подвергнут тюремному заключению сроком на 1 год и уплате в пользу потерпевшей материальной компенсации в размере 350 руб. (из которых 300 руб. – сумма калыма и 50 руб. – на воспитание ребенка)². В некоторых случаях разбирательству по этой категории дел предшествовало частичное решение спора медиаторами (посредниками), например, по вопросам определения размера материальной компенсации по нормам обычного права³.

С течением времени в разных регионах Терской и Кубанской областей проявлялись разные формы применения традиционных институтов соционормативной культуры коренных народов при решении споров и конфликтов. Среди них встречались и институты с глубокой архаикой. Так, например, Н.М. Рейнке отмечал, что в практике горских словесных судов Кубанской и Терской областей не встречались случаи наказаний в виде кровной мести и не применялась ссылка во внутренние российские губернии кровников⁴. При этом он не отрицал сохранение кровной мести за убийство у представителей коренного населения этих областей в то время (особенно, у чеченского населения Терской области)⁵. В практике и других судах встречались дела, связанные с вопросами примирения кровников. Причем они практиковали разные формы примирения по этой категории конфликтов. Так, в начале 90-х гг. XIX в. в суды Терской области в письменном виде фиксировали решения, содержащие

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2510. Л. 13.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2102. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 50.

⁵ Там же.

предписания по ограничению взаимодействия кровников или их обязательства прекратить вражду¹. Суды принимали решения о назначении «платы за кровь»², которая включала в себя всю совокупность понесенных потерпевшей стороной расходов (например, связанных с организацией и проведением похорон, воспитанием оставшихся без старших малолетних детей и т.п.). А.Х. Абазов выявил и охарактеризовал случаи назначения материальной компенсации за убийство по принципу круговой поруки, когда она подлежала взысканию с нескольких человек (родственников убийцы) в равных долях³. Также в начале XX в. ответственность за правонарушение по принципу круговой поруки практиковалась и в деятельности других учреждений с элементами народного правосудия (например, в деятельности осетино-ингушского и других смешанных судов присяжных в 1908-1910 гг.⁴).

Наказания за причинение ран и телесных повреждений (одной из наиболее распространённых разбиравемых в горских словесных судах категорий правонарушений уголовной направленности) также в большинстве случаев назначались в виде материальных компенсаций. При этом само производство по этим делам дополнялось новыми методами установления вины преступников, что в определенной мере влияло и на определение размера их ответственности (как правило в форме материальной компенсации). А.Х. Абазов установил, что для определения степени потери трудоспособности и установления размера материальной компенсации по делам о причинении ран или телесных повреждений суды принимали к рассмотрению акты медицинских освидетельствований⁵. Они подготавливались лекарями на основании соответствующего

¹ См.: например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2345.

² См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2510. Л. 2; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 979. Л. 1;

³ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 38.

⁴ Абазов А.Х., Дзамихов К.Ф., Зумакулов Б.М., Цолоев Т.С. Осетино-Ингушский смешанный суд присяжных (1908-1910 гг.): место в судебной системе Терской области и особенности правоприменительной практики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 16-24; Абазов А.Х. Проекты и практики учреждения смешанных судов присяжных в Нальчикском округе в 1907-1908 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 6 (110). С. 275-283; Абазов А.Х., Жиров Р.М., Жугов А.А. Осетино-ингушский смешанный суд присяжных: институционализация народного правосудия в политико-правовом пространстве Российской империи // Научный диалог. 2019. № 2. С. 159-173.

⁵ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 245.

распоряжения начальника округа¹ или атамана отдела. Т.е. материальная компенсация для преступления включала и совокупный размер понесенного потерпевшей стороной ущерба.

В практике горских словесных судов разбирались дела об изнасиловании женщин. В большинстве случаев производства по этой категории дел возбуждались на основании рапортов старшин населенных пунктов, в которых произошло правонарушение, в соответствующий суд. В большинстве зафиксированных в судах делах этой направленности причиненный ущерб сопровождался другим физическим ущербом (убийствами, причинением ран и телесных повреждений и т.п.). Как правило, решения судов в этом случае в обязательном порядке подлежали утверждению на уровне начальства области².

К этой категории дел, решаемых в горских словесных судах, можно условно отнести и похищения девушек (в том числе и с целью вступления в брак), что также нашло частичное отражение в современном кавказоведении³. В этом плане инициаторами разбирательств также становились старшины селений, которые подавали в соответствующие суды рапорты с сообщением о правонарушении⁴. Однако первичным документом, в котором фиксировался факт правонарушения, были составленные сельскими старшинами протоколы.

К рассматриваемой группе правонарушений с определенной долей условности можно отнести и нарушения против общественного порядка, которые выражались в явном нарушении установленных правил, нарушении уставов и других специальных нормативных актов. Например, одним из новых видов нарушений против установленного режима, для решения которых привлекались суды, было рассмотрение дел, связанных с самовольным

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 32. Л. 8–8 об.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2102.

³ Абазов А.Х. "Умыкание невесты" в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // Российская гендерная история с "юга" на "запад": прошлое определяет настоящее : Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Нальчик, 03–06 октября 2013 года. Том 2. Нальчик, 2013. С. 160–162; Абазов А.Х. "Брак умыканием" как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 3-9.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2345.

(несанкционированном) переселением жителей из одного населенного пункта в другой¹. Дела решались в судах самостоятельно по инициативе окружных (или участковых) правлений, если таковое переселение происходило на подведомственной ему территории. Другим нетрадиционным видом правонарушений, которые принимались к разбирательству, была незаконная разработка земляных недр (в том числе и раскопки старинных курганов)². Встречались дела о поджоге и несанкционированной (самовольной) порубке леса³. Нередкими (особенно в начале XX в.) были разбирательства дел за нарушение Лесного устава⁴.

С течением времени появлялись новые виды правонарушений, которые условно относились к этой группе. Например, привлечение к ответственности за перегон скота через карантинные посты⁵ (или самовольный проезд по карантинным местам⁶), нарушение противочумных правил⁷ и т.п. Нарушение противочумных правил, как правило, выражалось в несанкционированном и необеспеченном достаточными документами перегоне скота через разные территории. Основанием для возбуждения рассмотрения дел по этой категории были рапорты старшин селений, подкрепленные составленными в установленном порядке протоколами⁸. Примечательно, что наказание по решению словесных судов налагались на основании п. 11 Временных правил (1870) с опорой на соответствующие нормы Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами⁹. В большинстве случаев наказания по этой категории правонарушений налагалось в форме заключения под стражу (арест) на срок от 2-х недель¹⁰. Наказание по ним принималось председателем самостоятельно.

¹ См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3801.

² См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3812.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3787.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 1. Л. 6 об.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3018. Л. 1.

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3291. Л. 1.

⁷ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3489. Л. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3294.

⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3294. Л. 3.

⁹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3291. Л. 2.

¹⁰ Там же.

В каждом суде практиковались определенные формы сбора и учета средств от собранных штрафов. Однако некоторые исследователи выявляли разные особенности реализации данных практик в разных судах. В частности, П.И. Магаяева обратила внимание на то, что в Майкопском суде, в отличие от Екатеринодарского, не велась книга для записи налагаемых штрафов, т.к. в этом регионе штрафы за преступления подлежали уплате в управление атамана отдела¹.

Несмотря на ряд ограничений в определении подсудности горских словесных судов правонарушений уголовной направленности (стороны конфликта – представители коренного населения региона, суженный круг правонарушений и т.п.), в количественном измерении они занимали значительную долю правоприменительной деятельности судов. Так, анализ данных с элементами статистического обобщения показывает, что в 1884 г. в Нальчикском суде (до образования временного отделения) числилось 198 уголовных дел². После образования временного отделения Нальчикского суда ему были переданы поступившие ранее в основное отделение и нерешенные до 1884 г. дела с участием представителей балкарского населения Нальчикского округа. Наиболее раннее дело, переданное на рассмотрение временного отделения, датируется 1881 г.³ Круг вопросов, решаемых во временном отделении, ограничивался пределами компетенции. Анализ его делопроизводственной практики показывает, что во второй половине 80-х гг. XIX в. он принимал к рассмотрению уголовные дела о бытовых убийствах (смертельных ранениях)⁴, о краже лошадей⁵, о несанкционированной порубке леса⁶ и т.п.

Кроме того, после образования временного отделения Нальчикского суда учет количества находившихся в производстве уголовных дел велся отдельно по основному отделению и отдельно по временному. Так, по состоянию на 1

¹ Магаяева П.И. Реформы 60-70-х годов... С. 120.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1063. Л. 4.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 7

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 7

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 841. Л. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 849

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 940.

января 1896 г. в основном отделении Нальчикского суда числилось 166 уголовных дел, за год поступило 219 новых дел, по состоянию на 23 ноября 1896 из них было решено 288, оставались нерешенными – 97¹. Т.е. материалы показывают, что в это время решалось больше дел, чем поступало. Аналогичные данные за ??? во временном отделении Нальчикского суда следующие: на 1 января 1896 г. числилось 58 уголовных дел, за год поступило 95 новых дел, по состоянию на 23 ноября 1896 г. из них было решено 99, оставались нерешенными – 59². Т.е. фактически за отчетный период нерешенные дела почти не накапливались и количество поступивших за год дел было сопоставимо с количеством решенных. Вместе с тем, по сравнению с данными по состоянию на начало 80-х гг. XIX в. количество разбираемых в судах дел возросло.

В 1908 г. в основное отделение Нальчикского суда поступило на рассмотрение 400 уголовных дел, а было решено 390; в 1909 г. поступило – 404 дел, решено – 296; в 1910 г. поступило 269, решено 433 дел³. Т.е. за счет активизации деятельности была получена положительная динамика в решении поступивших уголовных дел. Соответственно, на рассмотрение временного отделения Нальчикского суда в 1908 г. поступило 238 уголовных дел, решено – 136; в 1909 г. поступило 201 дел, решено 247 дел; в 1910 г. поступило 107 дел, решено – 153⁴. Т.е. налицо незначительная отрицательная динамика и накопление нерешенных дел.

В 1909 г. в Назрановском суде находилось на рассмотрении 505 уголовных дел, решено – 132. В Нальчикском суде (обеих отделениях), соответственно, находилось на рассмотрении 1662 дела, завершено производство по 543 делам. В Грозненском, соответственно, находилось в производстве – 497; положительно решено 422; в Шатоевском находилось в производстве – 596; положительно решено 547; в Веденском находилось в производстве – 367; положительно решено 279; в Хасав-Юртовском находилось в производстве –

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 39.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 39–39 об.

³ Материалы по обозрению горских... С. 105.

⁴ Там же.

596; положительно решено 547¹. Т.е. в абсолютных величинах в горских словесных судах Терской области в начале XX в. наблюдалась общая отрицательная динамика в решении уголовных дел.

Схожая тенденция наблюдалась и в словесных судах других регионов Терской и Кубанской областей. Например, по состоянию на 1 января 1910 г. в производстве Екатеринодарского суда состояло 239 уголовных дел, за год поступило еще 266. Было решено 303 дела, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 149 дел². Т.е. количество решенных дел было больше поступивших. Помимо распространенных категорий уловных дел в Екатеринодарском суде, в этой группе рассматривались дела о незаконном хранении и несанкционированном ношении оружия, дела об оскорблении служащих сельских (аульных) сельских администраций, клевета, неподчинение полиции, нарушении правил Лесного устава, присвоение и растрата народных (общественных) денежных средств, умышленные срываы сельских (аульных) сходов³ и т.п.

Аналогичные показатели в отношении Майкопского суда были представлены следующим образом: на 1 января 1910 г. в производстве состояло 72 уголовных дел, за год поступило еще 134. Было решено 151 дело, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 55 дел⁴. Здесь также наблюдается снижение общего количества нерешенных дел. С 1901 по 1911 гг. в Майкопском суде решалось в среднем по 212 уголовных дел в год⁵. Т.е. приведенные данные показывают, что этот суд демонстрировал стабильную и эффективную деятельность на протяжении длительного периода.

Например, в производстве Баталпашинского суда (обеих отделений) на 1 января 1910 г. состояло 1443 уголовных дел, за год поступило еще 324. Было решено 176 дело, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось уголовных 1789

¹ Там же.

² Материалы по обозрению горских... С. 32.

³ Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории... С. 10.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 39.

⁵ М.Х.: Данные получены нами самостоятельно путем вычисления среднеарифметического показателя на основе данных за 10 лет (См.: Материалы по обозрению горских... С. 86–87).

дел¹. Здесь была зафиксирована общая отрицательная динамика в решении уголовных дел.

Следует отметить, что контроль за скоростью разбирательства уголовных дел осуществлялся со стороны областного начальства. Первичный контроль осуществлялся за счет анализа в судном отделении областного правления ведомостей о движении дел в конкретном суде или его отделении (при наличии). В случае выявления застоя в рассмотрении дел областной начальник направлял в соответствующий суд предписание с предложением принять меры по ускорению их рассмотрения². В некоторых случаях областноеправление предлагало председательствующему суда предоставление отчета о движении дел по суду с приложением ведомости с указанием причин накопления нерешенных дел (в том числе, отдельно по независящим от суда причинам с их перечислением³).

Таким образом, горские словесные суды Кубанской и Терской областей разбирали уголовные дела по преступлениям, степень общественной опасности от которых была ниже тех, что были отнесены к разбирательству по нормам российского права в общих судах и сторонами которых были исключительно представители коренного населения этих регионов. При этом круг разбираемых дел был достаточно широк (убийства, причинения ран и телесных повреждений, кража скота и имущества, похищение людей, изнасилования женщин, преступления против общественного порядка и т.п.). При этом их подсудность по уголовным делам представляла собой динамичное явление, т.к. перечень категорий разбираемых дел постоянно менялся: некоторые из них с течением времени изымались из их компетенции (например, изъятие из подсудности горских словесных судов Терской области в 1908 г. дел о кражах лошадей и рогатого скота и передачи их на рассмотрение Владикавказского окружного суда), на смену приходили новые (нарушение уставов – Лесного). Переходное состояние этих судов подчеркивало то обстоятельство, что по

¹ Материалы по обозрению горских... С. 49.

² См., например: УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 7.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 13 об.

некоторой категории уголовных дел они принимали коллегиальное решение с участием председателя, судей-депутатов и кадия о назначении наказаний по нормам обычного или мусульманского права. При этом право решающего голоса (в случае равенства голосов) оставалось за председателем, что со временем в определенной мере сужало сферу применения традиционных институтов соционормативной культуры коренного населения. Дополнительными издержками переходного периода в развитии системы горских словесных судов были факты назначения «двойных» наказаний за одно и то же преступление (тюремного заключения на основании Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами, и штрафа / материальной компенсации по нормам обычного права). Их применение ограничивало и правило, по которому по российскому праву решались те дела представителей местного населения, по которым адаты не выработали соответствующей нормы. Это в итоге приводило к снижению эффективности их деятельности (по прямому назначению), одним из выразителей которой была отрицательная динамика решения уголовных дел в начале XX в. в большинстве судов этих областей (т.е. когда число поступавших на рассмотрение дел было выше, чем решенных).

2.2 Общее и особенное в решении имущественных и наследственных споров

Другим значимым направлением деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей в последней трети XIX – начале XX в. было рассмотрение гражданских дел (в большинстве своем – имущественных споров), решения по которым в основном принимались на основе норм обычного права местных жителей. Равно как и в случае с уголовными правонарушениями – разбирательство гражданских споров следует рассматривать как динамичное явление, т.к. их подсудность и пределы компетенции также со временем менялись по мере совершенствования российской правовой основы в сфере судопроизводства, развития имущественных и производственных

отношений в регионе, перестраивании системы финансовых и налоговых отношений и т.п. Гражданские споры у представителей коренного населения этих областей возникали по вопросам владения, пользования и распоряжения движимым и недвижимым имуществом, а со временем – долговых и кредитных обязательств, трудовых отношений и т.п. Вместе с тем очевидно, что отличия в нормах обычного права представителей коренного населения приводили к появлению локальных особенностей решения гражданских дел в словесных судах. Рассмотрим некоторых из них в этом параграфе исследования.

Так, в сфере решения гражданских дел также были подсудны дела между представителями коренного населения (за исключением, православной группы осетинского народа). Временные правила 1870 г. относили к гражданским делам, подведомственным словесным судам, споры о движимом имуществе, сумма иска по которым не превышала 500 руб.; иски о направлении права владения недвижимым имуществом, сроки давности по которым не превышали 6 месяцев со дня обнаружения; установление размера материальной компенсации по делам, связанным с оскорблением и обидами; наследственные споры и конфликты¹. Подсудность по гражданским спорам расширяло правило, согласно которому цена иска могла превышать установленные Временными правилами переделы, если обе стороны спора добровольно и обоюдно выражали желание решить его в суде. Иски, выходившие за рамки этих правил, направлялись на рассмотрение во Владикавказский и Екатеринодарский окружные суды. И. Аничков по этому поводу писал, что судам «подсудны дела, как в пределах компетенции мировых учреждений, так и свыше того по силе примеч. к 761 ст. т. XVI ч. 2. зак. о суд. гр. изд. 1892 г. до 2000 руб., а ведению Нальчикского горского словесного суда и до 4000 руб.»². В практике Нальчикского суда встречались случаи, когда производство по делу прекращалось в связи с тем, что сумма иска превышала 4000 руб. и оно не относилось к его подсудности³. А.Х. Абазов установил, что словесные суды «могли принять к

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1477. Л. 20;

² Аничков И. Мировой суд... С. 19.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 1. Л. 81 об.

рассмотрению от горского населения любой гражданский иск в том случае, если стороны давали письменное заявление об отказе» разбирать его в общих или мировых судах¹. Споры, давность подачи исков по которым превышала 10 лет, не могли быть приняты к рассмотрению в словесных судах.

Анализ правоприменительной практики показывает (в основном ведомостей о движении гражданских дел по отдельным судам²), что это были гражданские дела, отнесенные к ведению мировых судов; споры, сумма иска которых не превышала 2000 руб. (по необеспеченным формальными актами долговым обязательствам, наследственные споры в отношении недвижимого имущества, оспаривание духовных завещаний) за исключением исков, отнесенных к ведению сельских (аульных) судов, размер материальной компенсации по которым не должен был превышать 30 руб.; некоторые вопросы регулирования семейно-брачных отношений (споры, связанные с заключением и расторжением браков; законности рождения детей; вытекающих из брачных отношений личных и имущественных правах) и т.п.

Однако правила о подсудности гражданских дел не были одинаковыми для всех горских словесных судов Кубанской и Терской областей. Нальчикскому суду была предложена расширенная компетенция. Его ведению подлежали «гражданские иски по долговым обязательствам, когда такие иски не основаны на формальном акте, и о наследстве, хотя бы в состав оного входило недвижимое имущество, о разделе наследств и спорах наследников между собой и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям, но на сумму до четырех тысяч, а не двух, как в других судах»³. В целом, наследственные споры были одними из распространённых в деятельности большинства словесных судов Кубанской и Терской областей. Так, для Нальчикского суда, например, было установлено исключение, здесь цена иска могла достигать 4000 руб. При этом следует обратить внимание на то, что

¹ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 29.

² См., например: Ведомости движения гражданских дел по Аргунскому, Грозненскому судам (1876–1877) (АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 2 кс. Д. 81).

³ Материалы по обозрению горских... С. 104.

увеличение суммы иска для Нальчикского суда могло повлечь за собой и увеличение судопроизводственной нагрузки на суд. Власти области уже в первое десятилетие после учреждения суда отмечали о проблеме накапливания нерешиенных дел и пытались отыскать механизмы ее решения. Одним из таких предложений была инициатива Съезда доверенных о передаче на решение сельских (аульных) судов гражданских споров с суммой иска до 100 руб.¹, вместо прежних 30. Однако таковое ходатайство было отклонено начальством Терской области², т.к. аналогичных просьб из других регионов не поступало. Такие инициативы исходили и в середине 80-х гг. XIX в.³ Все это говорит о гибкости системы определения подсудности судов по гражданским делам и возможностях властей корректировать ее по запросам самих обществ и в зависимости от складывавшейся в этой сфере ситуации.

Помимо норм обычного права, юридической основой решения некоторых гражданских споров в судах были и нормы мусульманского права. Временными правилами 1870 г. были определены пределы их применения в судопроизводстве, что определяло и формы участия представителей мусульманского духовенства в судебном процессе. Так, по шариату решались дела о заключении и расторжении брака, личных и имущественных правах, бракоразводных (в том числе и со спорами, связанными с уплатой калымов) и наследственных спорах и вопросов, связанных с законностью рождения детей. При этом существовал ряд исключений, по которым дела изымались из практики решения споров в словесных судах по шариату. Так, во-первых, не подлежали решению по шариату семейно-брачные споры с признаками уголовных правонарушений; во-вторых, когда по делам о супружеских изменениях одна из сторон настаивала на судопроизводстве на основании уголовного закона. При этом в практике горских словесных судов встречались случаи, когда нормы по типологически схожим спорам по-разному квалифицировались представителями духовенства, и

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

² ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 7 об.

³ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16... С. 398.

на основании этих толкований могли применяться разные решения¹. Все это дополнительно характеризует сложившийся плюрализм применяемых в судопроизводстве нормативно-правовых источников и подчеркивает толковательный (догматический) характер норм мусульманского права, на которых основывались решения определенной группы гражданских споров.

Основанием для начала (возбуждения) производства в горских словесных судах, как правило, были иски представителей подведомственного им населения с заявлениями о нарушении имущественных и некоторых личных неимущественных прав. Анализ правоприменительной практики судов показывает, что иски подавались потерпевшими как самостоятельно, так и через посредство присяжных поверенных² или в качестве приложений при рапортах сельских старшин. Исковые заявления подавались как в письменной, так и в устной (словесной) формах. И в том, и в другом случае они подлежали регистрации в книгах поступавших жалоб.

Анализ правоприменительной практики горских словесных судов показывает, что основные вопросы, которые решились ими по этой категории споров, были дела об уменьшении размеров калымов³, иные вопросы, связанные с калымом (претензии по своевременно неуплаченным калымам по бракоразводным делам⁴); бракоразводные дела⁵; дела по спорам, связанным с пользованием земельными участками; дела по долговым и договорным обязательствам (в том числе и по обеспеченным векселями⁶); всевозможные виды наследственных споров (признание права на наследство⁷, утверждение наследников в правах⁸, выдел части имущества умерших наследодателей⁹, признание совершеннолетних наследниками¹⁰ и т.п.); оспаривание договоров купли-продажи и

¹ См., например: Материалы по обозрению горских... С. 25.

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1469. Л. 2-10.

³ Материалы по обозрению горских... С. 25.

⁴ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1533.

⁵ Материалы по обозрению горских... С. 52.

⁶ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1469. Л. 2-10.

⁷ ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 173.

⁸ ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 181.

⁹ ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 178, 440.

¹⁰ Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории... С. 10.

т.п. Примечательно, что приведенный во Временных правилах 1870 г. перечень гражданских дел не подлежал пересмотру, однако на практике эти суды по аналогии принимали типологически схожие, но не упомянутые в их основном учредительном документе.

Примечательно, что после образования временного отделения Нальчикского суда в 1884 г. на него были распространены все правила определения подсудности по гражданским делам. Судьи активно приступали к выполнению своих обязанностей, и с течением времени ими была накоплена богатая практика решения гражданских дел. Поэтому анализ его делопроизводственной практики, с одной стороны, позволяет углубить наши представления о круге разбираемых дел этой категории, а с другой, - позволяет в определенной мере экстраполировать эти сведения и на суды других регионов. Так, документы свидетельствуют, что временное отделение Нальчикского суда по гражданским делам решало следующие категории споров: о неуплате калыма (в том числе, споры о взыскании неуплаченного (недоплаченного) калыма¹, возвращении (части) калыма при расторжении семьи и т.п.)², о неправомерной продаже земельных участков³, по наследственным спорам и о разделе наследственного имущества⁴, по спорам о принадлежности земельных участков⁵, по спорам об исполнении долговых обязательств⁶, дела о взыскании долгов по непогашенным выкупным платам⁷ и т.п. Этот перечень подтверждает наши предположения о сопоставимости категорий гражданских споров, разбираемых в горских словесных судах Кубанской и Терской областей.

В некоторых словесных судах преобладало решение земельных споров, что отчасти было обусловлено особенностями географического расположения этнической территории подведомственного им населения. Например, во временном отделении Нальчикского суда большинство дел составляли именно

¹ ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 428; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 4094.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 820.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 7.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 950.

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 953; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3173.

⁷ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 974. Л. 3.

споры за право пользования земельными участками¹. Причем большинство из них возникали между представителями разных (как правило, антагонистических) социальных групп. Дополним, что этим отчасти и объяснялась потребность в представительстве в их составе судей-депутатов как от привилегированных сословий, так и от простого населения.

Решение споров по земельным спорам иногда занимало много времени. Особенно затяжными были споры (иногда более 10 лет), объектом которых были земельные участки. Анализ многочисленных документов по деятельности горских словесных судов Кубанский и Терской областей показывает, что основной причиной затягивания разбирательств споров и конфликтов во времени были сложности организации участия в процессе сторон и третьих лиц. Еще раз отметим, что наиболее часто (по сравнению с другими судами) такие споры решались в Нальчикском суде. Например, 5 августа 1897 г. временное отделение Нальчикского суда отказалось в иске Х. в отношении У. о восстановлении нарушенных прав пользования земельным участком. На что Х. 8 марта 1898 г. подали апелляционную жалобу на рассмотрение начальника Терской области, которая была оставлена без удовлетворения. Спустя 10 лет, после назначения нового начальника Терской области, Х. вновь подали апелляционную жалобу (9 июня 1908 г.) на решение Нальчикского суда, на что начальник области решил отменить решение Нальчикского суда от 5 августа 1897 г. в порядке надзора, а оспариваемый участок оставить в пользовании тех лиц, которые фактически владели им все это время².

Одной из сложностей при решении наследственных споров в словесных судах было определение круга наследников, т.к. анализ материалов правоприменительной практики показывает, что таковыми могли быть не только родственники, но и бывшие владельцы наследников (если таковые в прошлом находились в крепостной зависимости). Например, в 1911 г. в Майкопском суде решался наследственный спор, в котором в числе претендентов на

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 27. Т. 1. Л. 40 об.

² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 26.

наследство умершего З. были, помимо дочери и тети, еще и его бывший владелец (претендовавший на половину имущества наследодателя)¹. В материалах дела содержится информация об обязательстве получившего личную свободу подвластного в случае отсутствии прямых наследников по мужской линии признать в числе наследников его имущества бывшего владельца (в качестве доказательства в суде бывшем владельцем была представлена составленная в письменной форме «вольная» с указанием на отмеченное обязательство)². Однако суд не признал представленный документ в качестве доказательства и для установления его подлинности обратился за помощью в Закавказское духовное суннитскоеправление. По заключению правления со ссылкой на соответствующие нормы мусульманского права дочь наследодателя могла быть полноправным наследником имущества отца. А бывший владелец не мог претендовать на наследство, т.к. акт предоставления личной свободы в свое время был составлен по добной воле и получивший свободу внес выкупную плату в полном объеме. После длительных обсуждений Майкопский суд отказал бывшему владельцу в иске³.

В это время наиболее типичными были дела о выделе части из отцовского (наследуемого) имения. Также часто встречались дела о наследстве имущества после смерти наследодателя. В тех случаях, когда отсутствовало выданное в установленном порядке духовное завещание, при определении долей наследственного имущества применялись нормы шариата. Так, в Екатеринодарском суде в начале XX в. суд признавал 2/3 доли имущества в отношении наследника мужского пола и 1/3 – женского⁴. Это были не единичные примеры. Их круг можно расширить с привлечением материалов и по другим судам.

Вопросы, связанные с уплатой калыма, встречались в практике горских словесных судовплоть до 1917 г. (например, Екатеринодарского суда⁵). Причем Л.А. Карапетян на основе анализа практики Екатеринодарского суда

¹ ГА КК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5469; Цит. по: Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев... С. 73.

² ГА КК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5469; Цит. по: Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев... С. 73.

³ Там же.

⁴ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1804. Л. 6, 9; ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1436. Л. 1-6.

⁵ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1804. Л. 37, 37 об.

сделал заключение о том, что калым в это время по факту принадлежал женщине, а не ее семье, как это было закреплено в нормах обычного права¹. А споры по этой категории дел решались с опорой на нормы мусульманского права.

Основной формой ответственности по этой категории споров были материальные компенсации, размер и порядок назначения которых зависел от специфики норм обычного права народов, представители которых выступали сторонами конфликта. Но при этом, как правило, итоговая цена компенсации состояла из двух компонентов: стоимости ущерба и затрат, связанных с решением спора (сумма всех понесенных потерпевшей стороной убытков). Этот принцип применялся и при решении дел о возмещении ущерба по долговым обязательствам, обеспеченным векселями, когда сумма иска включала как размер фактически понесенного ущерба, как и проценты (годовые) на сумму долга². Как правило, общая сумма годовых начислялась за период со времени образования долга до момента принятия судом соответствующего решения³. Поэтому как в этом случае, так и в других гражданских спорах процедура установления итогового размера материальной компенсации была сложной, требовала тщательной проверки всех понесенных потерпевшей стороной расходов и подтверждающих документов по ним. Однако следует отметить, что такой подход словесных судов к определению итоговой суммы материальной компенсации по гражданским спорам не был новаторским, а применялся еще до их учреждения другими низовыми судами или учреждениями локального судебно-административного контроля в регионе, отправлявшими правосудие в том числе и по нормам обычного права и шариата.

В некоторых случаях словесные суды разбирали споры по долговым обязательствам подведомственного им населения, потерпевшим по которым признавались общественные кассы. По ним ответственность также налагалась по принципу компенсации всех видов нанесенного в результате правонарушения

¹ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 66.

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1506. Л. 2, 3, 15.

³ Там же.

имущественного ущерба. Наиболее распространённой по этой категории дел была практика Нальчикского суда, т.к. в Нальчикском округе функционировала Кабардинская общественная сумма¹. Анализ правоприменительной практики показывает, что инициатором рассмотрения споров по долгам населения в КОС был ее казначей, который подавал в суд соответствующее прошение со сведениями о личностях должников (и месте их проживания), суммах долгов, времени, на который был взят заем, сведения о поручителях и т.п.² Отдельно подготавливался и расчет процентов по непогашенным займам, а также общая сумма (заем + штраф + проценты), которая подлежала взысканию. Суд как правило (через сельского старшину) вызывал повесткой каждого должника для разбирательства и в отношении каждого принимал персональное решение. Иногда по такой категории споров на имя начальника Терской области направлялись апелляционные жалобы (в большинстве случаев от поручителей, на которых налагался штраф по принципу круговой поруки за неисполнение должником своих обязательств)³. Начальник области принимал самостоятельное решение по таким вопросам (например, освободить поручителей от уплаты штрафов⁴, возложить полную сумму штрафа непосредственно на должника и т.п.).

Новаторством для этой категории дел, разбираемых в судах, были исковые заявления работников институтов самоуправления о взыскании за счет народных средств невыплаченной заработной платы за выполнение определенной работы (или замещение должностей в сельскихправлениях и других органах). Например, в 1896 г. Нальчикский суд решал спор по иску Седакова к обществу селения Касаево об уплате заработной платы за службу в должности старшины селения⁵. Для разбирательства дела суд предложил

¹ Бербекова М.Х. Правовой статус и объем полномочий казначея Кабардинской общественной суммы в условиях интеграции народов Кавказа в экономическую систему России во второй половине XIX века // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1 (113). С. 88-93; Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В. Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 4. С. 352-365.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3143. Л. 2-3 об.

³ См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4122. Л. 1.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4122. Л. 1.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3526. Л. 7.

действующему старшине селения направить от общества двух доверенных и предоставить выписки из хранившихся в сельском правлении книг о состоянии финансовых операций за период работы просителя в должности старшины¹.

Решения по гражданским искам в словесных судах могли приниматься как в очной форме, так и в заочной² (в случае неявки одной из сторон процесса на разбирательство). На решения судов, принятые в заочной форме, также в установленном порядке могли подаваться апелляционные жалобы³. Апелляционные жалобы на решения судов по гражданским делам, принятые в заочном форме, рассматривались начальниками областей по аналогичной с очными решениями форме.

Власти разработали меры по усилению качества исполнения принятых по гражданским делам решений. В качестве обеспечительных мер по исполнению судебных решений в горских словесных судах практиковались наложение арестов на имущество ответчиков⁴, в некоторых случаях продажа имущества должников с публичных торгов (аукционов)⁵. Аресты имущества ответчика чаще практиковались в деятельности горских словесных судов Кубанской области по делам об обеспечении долговых обязательств, вытекавших из подтвержденных векселями договоров⁶. Векселя, как правило, приобретали юридическую силу после их утверждения соответствующими сельскими (аульными) правлениями⁷. В некоторых случаях в функции этих судов входило оповещение населения о принятых окружными (Владикавказским или Екатеринодарским) судами⁸ решениях. Исполнение принятых решений возлагалось на местную (окружную) полицию.

¹ Там же. Л. 9.

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1469. Л. 2-10.

³ Дышеков М.В., Кулиев М.М. Особенности применения российского уголовного права на Кавказе во второй половине XIX в. на примере Горского словесного суда // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2012. С. 88.

⁴ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1469. Л. 2-10.

⁵ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1820. Л. 20.

⁶ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1469. Л. 2-10.

⁷ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1497. Л. 3-8.

⁸ Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 41.

Основаниями для досрочного прекращения словесным судом производств по гражданским дела были фактическое исполнение долговых обязательств до даты судебного разбирательства¹, мировые сделки² (досудебное примирение спорящих на взаимовыгодных условиях). Во Временных правилах 1870 г. был очерчен круг дел, по которым можно было достичь примирения на досудебной стадии: оскорблениe, клевета, насилие, присвоение чужого имущества и приведение его в негодность, захват недвижимого имущества без применения силы, кража, мошенничество, имущественные споры между супругами, родителями и детьми, прелюбодеяние, нанесение не тяжких ран и телесных повреждений по неосторожности³. Эти действия подлежали тщательному документированию в суд. Для каждого акта практиковалась определенная форма, хотя названия документов могли отличаться. Так, акты добровольного примирения конфликтующих сторон до вынесения судом решения, фиксировались в форме «мировых сделок», «мировых сказок», «полюбовных сказок»⁴, «примириительных сказок»⁵ и т.п. Временные правила 1870 г. устанавливали, что перемирие могло быть достигнуто исключительно по делам о клевете, оскорблении личности, несанкционированном пользовании чужим имуществом, захватом имущества без применения насилия, другими имущественными правонарушениями между родственниками, прелюбодеянии, причинения нетяжких телесных повреждений или телесных повреждений по неосторожности⁶. Существовало правило, что решенное перемирием дело не могло быть в последующем возобновлено и принято к новому разбирательству. Иногда для исполнения достигнутого примирения и реализации условий мирного соглашения стороны избирали медиаторов, в числе которых состояли и члены соответствующего суда⁷.

¹ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1506. Л. 2, 3, 15.

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1414. Л. 1-8.

³ Временные правила...

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2407. Л. 3; Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 246–247.

⁵ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 413–422.

⁶ Хрестоматия по истории государства и права... С. 96.

⁷ Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик, 2003. С. 60;

Материалы по деятельности горских словесных судов показывают, что в начале XX в. стала усиливаться роль присяжных поверенных в решении гражданских споров. В основном поверенные участвовали в решении большого круга имущественных споров¹, в некоторых случаях – по делам об изнасиловании². Помимо подачи исковых заявлений (прошений) и участии в разбирательствах от имени своих доверителей, поверенные принимали участие и в других судебных и следственных мероприятиях, например, в продаже имущества должников на публичных торгах³ и т.п. Поверенные принимали участие на всех стадиях судебного разбирательства как полноправные субъекты процесса. Доверителями могли быть как мужчины, так и женщины⁴. Встречались случаи, когда поверенными были неграмотные и передоверяли свое право подготовить письменные прошения и поставить подписи под ними другим лицам⁵. Поверенные действовали от имени своего доверителя на основании доверенности, подготовленной в письменном виде по установленной форме. Доверенность готовилась в соответствующем сельском правлении и вступала в законную силу с момента ее подписания сельским старшиной⁶. Исследования различных форм участия поверенных в судебном процессе в низовых судах на материалах деятельности учреждений кавказского региона может стать предметом самостоятельного исследования.

Аналогично со статистикой решения уголовных дел в судах одним из основных показателей эффективности их деятельности в начале XX в. было количественное соотношение решенных, поступивших и нерешенных гражданских дел за определенный период времени. Для этого рассмотрим некоторые материалы с элементами статистического обобщения по деятельности некоторых судов в разных субрегионах Кубанской и Терской областей на разных

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3046. Л. 1.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2590. Л. 13.

³ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1820. Л. 20.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3046. Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3.

этапах их функционирования, которые, по нашему мнению, отражают общую тенденцию по разбору ими гражданских дел.

Так, в 1884 г. в Нальчикском суде (до образования временного отделения) значилось 198 гражданских дел¹. По состоянию на 1 января 1896 г. в основном отделении Нальчикского суда числилось 171 гражданское дело, за год поступило 456 новых дел, по состоянию на 23 ноября 1896 г. из них было решено 477, оставалось нерешенными – 150². Т.е. решалось больше дел, чем поступало. Аналогичные данные за 1896 г. во временном отделении Нальчикского суда следующие: на 1 января 1896 г. числились 65 гражданских дел, за год поступило 257 новых дел, по состоянию на 23 ноября 1896 г. из них было решено 254, оставалось решенными – 68³. Т.е. было незначительное накопление нерешенных дел. В целом за 13 лет общее количество разбираемых гражданских дел в Нальчикском суде выросло более чем в 3 раза.

В последующем количество разбираемых гражданских дел в Нальчикском суде продолжало расти. Так, в 1908 г. в основном отделении Нальчикского суда поступило на рассмотрение 687 гражданских дел, а было решено 505; в 1909 г. поступило – 659 дел, решено – 476; в 1910 г. поступило 622, решено 679 дел⁴. При этом в разрезе трех лет была зафиксирована отрицательная динамика в решении поступавших гражданских дел. Соответственно, на рассмотрение временного отделения Нальчикского суда в 1908 г. поступило 386 гражданских дел, решено – 318; в 1909 г. поступило 447 дел, решено 427 дел; в 1910 г. поступило 347 дел, решено – 276⁵. Также налицо отрицательная динамика и накопление нерешенных дел. Такая ситуация отчасти объяснялась и расширенной подведомственностью, и спецификой поземельных отношений в округе (незавершенностью процесса обмежевания земель; нерешенность земельного вопроса на законодательном уровне; существование крупной

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1063. Л. 4.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 39.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 39–39 об.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 105.

⁵ Там же.

земельной собственности и наличие целой системы правовых земельных институтов).

В остальных горских словесных судах Терской области складывалась разная ситуация по эффективности разбирательства гражданских дел. Так, в 1909 г. в Назрановском суде находилось на рассмотрении 349 гражданских дел, решено – 232. В Нальчикском суде (обеих отделениях), соответственно, находилось на рассмотрении 2245 дел, завершено производство по 901 делу. В Грозненском, соответственно, находилось в производстве – 502; положительно решено 461; в Шатоевском находилось в производстве – 416; положительно решено 416; в Веденском находилось в производстве – 383; положительно решено 399; в Хасав-Юртовском находилось в производстве – 1064; положительно решено 849¹. В целом, в этом году по Терской области находилось в производстве – 4959; положительно решено 3258 дел, что в общей сложности составило 65,6 % от общего количества находившихся на рассмотрении дел. При этом этот показатель по отдельным судам Терской области составлял в Назрановском – 66,4 %, Нальчикском – 40,1 %, Грозненском – 91,8 %, Шатоевском – 100 %, Веденском – 104,17 %², Хасав-Юртовском – 79,7 %.

Анализ материалов с элементами статистического обобщения дает возможность определить соотношение количества поступавших и положительно решенных дел за год и в отношении словесных судов Кубанской области. Так, например, С 1901 по 1911 гг. в Майкопском суде решалось в среднем по 262 гражданских дела в год³ (при этом количестве нерешенных дел за это десятилетие только нарастало). В Майкопском суде данные представлены следующим образом: на 1 января 1910 г. в производстве состояло 103 гражданских дела, за год поступило еще 449. Было решено 443 дела, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 109 дел⁴. Т.е. соотношение поступивших и решённых за

¹ Там же. С. 164.

² М.Х.: т.е. в год было решено больше дел, чем поступило. Т.к. было решены и дела, поступившие за предыдущие годы.

³ М.Х.: Данные получены нами самостоятельно путем вычисления среднеарифметического показателя на основе данных за 10 лет (См.: Материалы по обозрению горских... С. 88).

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 39.

год дел составляло 98,6 %. Аналогичные показатели в отношении Екатеринодарского суда составляют: по состоянию на 1 января 1910 г. в производстве состояло 114 гражданских дел, за год поступило еще 221. Было решено 176 дел, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 159 дел¹. Т.е. эффективность его деятельности в этом году составляла 79,6 %. В производстве Баталпашинского суда на 1 января 1910 г. состояло 1446 гражданских дел, за год поступило еще 551. Было решено 417 дел, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 1580 дел². Т.е. эффективность его деятельности в этом году составляла 75,6 %. В общем в горских словесных судах Кубанской области на 1 января 1910 г. в производстве состояло 1663 гражданских дела, за год поступило 1221 дело. Было решено 1036 дел, к 1 января 1911 г. нерешенных оставалось 1848 гражданских дел. Т.е. в целом эффективность деятельности словесных судов Кубанской области в 1910 году составляла 84,8 %, что в целом было выше, чем аналогичный показатель за этот период в горских словесных судах Терской области.

Примерно с такой же эффективностью они продолжали функционировать вплоть до времени их ликвидации. Например, Л.А. Карапетян установил, что на начало 1917 г. в производстве Екатеринодарского суда по гражданским искаам, сумма которых не превышала 500 руб., нерешенным оставалось 21 дело. В 1917 г. вновь принято 56 дел; завершено по разным основаниям – 14; завершено на основании примирения сторон – 17; окончательно завершено – 24; завершено с правом апелляции – 8; осталось нерешенным – 14³. Т.е. за это время в Екатеринодарском суде было решено больше гражданских дел, чем поступило. Также Л.А. Карапетян установил, что на начало 1917 г. в производстве Екатеринодарского суда по гражданским делам, отнесенными к решению по нормам шариата оставалось нерешенными 25 дел, за год было зарегистрировано 27 новых дел, прекращено (положительно решено) – 22, 13 завершено на основании примирения сторон, 9 было решено окончательно (не

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 49.

³ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 69.

подлежало апелляции), 5 дел решено в тем категориям вопросов, по которым апелляция была возможна¹. На одно дело была подана апелляция начальнику области, 3 дела оставалось нерешенными².

Таким образом, производство по гражданским делам было одним из основных направлений деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей и основной сферой применения норм обычного права и шариата. Решения принимались по широкому кругу гражданских правонарушений (собственности на имущество (в том числе и в порядке наследования); спорах об уплате калымов, договорным и долговым обязательствам и т.п.), а также споры на почве семейно-брачных отношений. Кроме того, эти отношения были сопровождены свойственными для общероссийского гражданского судопроизводства атрибутами: сроками давности для подачи исковых заявлений; участии в процессе присяжных поверенных; применении в качестве доказательственной базы письменных документов и т.п. В числе издержек отмечены затягивание во времени решений дел, не всегда добросовестное принятие очистительных присяг и т.п. В целом, практика горских словесных судов Кубанской и Терской областей по решению гражданских дел характеризовалась наличием у властей возможности регулирования подсудности путем уменьшения или увеличения цены исков, догматичностью норм мусульманского права при решении семейно-брачных и наследственных отношений. Основными видами ответственности по гражданским спорам было возмещение причиненного ущерба (в натуральной или денежной форме) и штрафы. По сути сфера решения гражданских дел в судах оставалась наиболее консервативной областью применения традиционных институтов соционормативной культуры коренного населения Терской и Кубанской областей, которые (хотя и модернизованный, адаптивной под реалии времени) применялись на практике вплоть до времени их ликвидации в 1918–1920 гг. Несмотря на то что отдельные словесные суды по разбирательству гражданских дел функционировали с разным

¹ Там же.

² Там же.

уровнем эффективности, общий уровень решаемых дел был постоянно высоким на протяжении всего периода их деятельности.

2.3 Особенности деятельности, не связанной с решением споров и конфликтов: организация опеки, заверение договоров и сделок, учет значимых фактов

Компетенция горских словесных судов Кубанской и Терской областей на протяжении всего периода их функционирования была расширенной и не ограничивалась исключительно решением уголовных и гражданских дел. Они также выполняли функции по возложению обязанностей и контролю опекунства над малолетними и душевно нездоровыми жителями подведомственных территорий, осуществляли некоторые нотариальные полномочия, осуществляли первичный контроль за актами гражданского состояния и устанавливали факты, имевшие юридическое значение, занимались урегулированием споров на религиозной почве и т.п. Примечательно, что одна часть этих направлений деятельности регламентировалась действовавшими нормативными актами, а другая часть регулировалась на основании аналогии права. Характеристика данных направлений деятельности этих судов дает возможность глубже исследовать особенности становления и развития российской судебной системы на Кавказе, адаптации представителей местного населения к российской правовой системе, применения мер социальной поддержки нуждающейся части населения и т.п.

Исследователи обычного права народов Кавказа обращали внимание на недостаточное регламентирование отношений опеки и попечительства в их традиционной соционормативной культуре. При этом некоторые попытки позволяют определить основные направления в их исследовании в советской и современной историографии. Так, в историографических источниках отмечается, что в традиционных кавказских обществах опека устанавливалась над вдовой, у которой не было детей; вдовой с детьми; над детьми, потерявшими

обоих родителей¹. Над мальчиками опекунство устанавливалось до момента достижения ими совершеннолетия, над девочками – до выхода замуж². У представителей некоторых этнических групп Кавказа опека над имуществом малолетних детей, оставшихся без отца, могла возлагаться на вдову – мать детей (например, у чеченцев и ингушей во второй половине XIX в.³). Кроме того, в традиционной соционормативной культуре большинства народов региона сложились принципы функционирования институтов опеки и попечительства, которые обладают целым рядом схожих характеристик: осуществление опекунами своих обязанностей на безвозмездной основе; возложение контроля за опекой на представителя аульного духовенства (позже – представителя сельской администрации); запрет на совершение сделок с имуществом подопечных без согласия опекунов; действие опекунов в сделках гражданского характера от имени и в интересах подопечного и т.п.

Нормативной основой решения споров по этой категории дел были Временные правила 1870 г. и Положение о сельских обществах (по областям). Тогда как и в других регионах Кавказа также предпринимались попытки таковой регламентации. Например, в инструкции председателя Дагестанского народного суда были прописаны правила решения и учета опекунских дел в сельских (аульных) и народом суде⁴. Они устанавливали порядок записи дел в специальные книги (при сельском правлении и при народом суде), порядок назначения опекунов (как правило, на основании решения представителя мусульманского духовенства), порядок составления описей и проведения оценок имущества подопечных, порядок направления сведений о делах по опеке по соответствующим инстанциям, разграничение предметов ведения между сельскими администрациями и народным судом, порядок учета операций (сделок) опекуна в отношении опекаемого имущества и т.п. Анализ инструкции

¹ Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 66–67;

² Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2003. 340 с.; Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 67.

³ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. 2–3. Владикавказ, 1930. С. 305–346; Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 66–67.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 723. Л. 28, 44; Цит. по: Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 70.

выявляет много линий сравнения с аналогичной практикой горских словесных судов Кубанской и Терской областей: по учету и отчетности, порядку назначения, предметам ведения, апелляции и т.п.

В самих же Временных правилах устанавливалось, что к компетенции горских словесных судов относились дела об опеке над нуждающимися или над имуществом, оставшимся без собственника¹. Под опеку попадали местные малолетние жители, которые остались без родителей и иного присмотра и в отношении которых не было составлено соответствующих духовных завещаний (или же при наличии такого завещания и в случае, если опекун не справился со своими обязанностями). Опека могла быть назначена и над имуществом местных жителей, отсутствовавших в месте проживания в течение продолжительного времени. Опекунские дела были подведомственны этим судам в том случае, если стоимость подопечного имущества превышала 100 руб. Если имущество нуждающихся в опеке не достигало этой суммы, то опекунское дело относилось к компетенции сельских (аульных) судов.

В обязанности горских словесных судов входили выбор и назначение опекунов над малолетними детьми и их имуществом, в случаях смерти или длительного отсутствия (в том числе, и нахождения в тюрьме или ссылке, хадже, работе в другом регионе / отходничестве и т.п.) их родителей (одного из родителей)². Опекунами могли быть назначены коренные жители с позитивной репутацией. По общим правилам кандидатуры определенных словесных судов подлежали утверждению соответствующими окружными начальниками. Жалобы на действия судов по вопросам установления опеки подавались по тем же принципам, что и апелляционные жалобы по уголовным и гражданским делам – через посредство словесных судов областному начальнику. Областной начальник по этой категории дел так же, как и в других случаях мог принять одно из следующих решений: оставить в силе, вернуть на дополнительное рассмотрение, принять самостоятельное решение. Временные правила обязывали

¹ Хрестоматия по истории государства и права... С. 103.

² Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки... С. 69.

опекунов с определенной периодичностью предоставлять в суды отчеты. В случае необходимости суды могли проводить выездные проверки. При этом М.С. Арсанукаева считает, что «новая администрация поставила институт опеки и попечительства под свой жесткий контроль, что, безусловно, внесло определенный порядок в эту важную сферу общественных отношений горцев, в т.ч. чеченцев и ингушей»¹.

Дела о назначении опекунов выделялись в горских словесных судах в отдельное производство, и для этого проводилось отдельное заседание. Решение о назначении опекунов принималось председателем суда в присутствии судей-депутатов. В большинстве случаев предполагаемые опекуны присутствовали на заседаниях лично. Перед отправлением в суд кандидаты в опекуны проверялись в сельских правлениях², о чем составлялся соответствующий акт за подписью старшины селения. В судебном заседании кандидатам в опекуны предлагалось лично выразить согласие на назначение опекуном. После чего им разъяснялись все их права и обязанности, а также правила и порядок опеки. Решение о назначении опекуна оформлялось специальным постановлением суда, в котором отмечались данные о личностях опекаемых и опекунов, дате возникновения отношений опеки, перечне и стоимости переданного под опеку имущества, обязанность опекунов представлять к определенной дате (1 марта следующего за отчетным года) ежегодные отчеты³.

Жалобы на действия опекунов подавались на имя начальника области (через посредство начальника округа). Прекращение причин возникновения было основанием для освобождения опекунов от возложенной обязанности. Обязанность по опеке могла быть снята по распоряжению начальника округа в Терской области и уезда – в Кубанской.

Горские словесные суды Терской и Кубанской областей должны были готовить отчетность по опекунским делам на основании специально

¹ Там же.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 1. Л. 71 об.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 1. Л. 72–73.

утвержденной 9 февраля 1868 г. кавказским Наместником инструкции¹. Отчеты могли подаваться как в устной, так и письменной формах. Опекуны освобождались от предоставления письменных отчетов, если стоимость опекаемого имущества была ниже 2000 руб. В иных случаях опекуны были обязаны предоставлять письменные отчеты не позднее 1 марта года, следующего за отчетным. Для составления отчетов в письменном виде была подготовлена соответствующая форма. Отдельно устанавливались правила предоставления сведений о расходовании средств или прибыли от опекаемого имущества. Суды (с 1871 г. это правило в полной мере распространялось и на словесные суды) обязывались проводить периодические проверки отчетной документации. Инструкция устанавливала порядок проведения таких проверок. К отчетам прилагались описи опекаемого имущества, указывался порядок действий судей в случае обнаружения неточностей и нарушений в отчетах².

Разные суды по-разному исполняли функции по контролю отношений по опеке нуждающихся и имущества. Это отражалось и в отчетной документации российских служащих. Так, например, по оценке комиссии Н.М. Рейнке, в начале 10-х гг. XX в. в Кубанской области опекунские дела находились в «полном запустении, за крайне малыми исключениями, и контроль за опекунами или вовсе отсутствует, или же проявляется в не достигающей цели форме»³. Поэтому одной из сложностей в решении опекунских дел в судах было почти полное отсутствие контроля за качеством выполнения опекунами возложенных на них обязанностей.

Однако в правоприменительной практике встречались разные случаи. В делах Хасав-Юртовского суда с 1906 по 1910 г. не было предоставлено ни одного отчета по опекунским делам⁴, равно как и практически не фиксировались факты передачи имущества подопечных опекунам в доверительное управление. Это случалось в основном по причине того, что производства по

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 58–63.

² Там же.

³ Материалы по обозрению горских... С. 21.

⁴ Там же. С. 145.

опекунским делам считались завершенными по сути с момента назначения опекуна. В материалах проверки Екатеринодарского суда за 1910 г. отмечалось, что отчеты опекунов об исполнении возложенных на них обязанностей содержались лишь в незначительном количестве дел¹.

Анализ правоприменительной практики горских словесных судов выявляет общие практики решения опекунских дел. Так, основанием для возбуждения опекунского дела являются приговоры сельских сходов (аульных сборов) об избрании опекуна². Однако практика решения опекунских дел в разных регионах Кубанской и Терской областей приобретала локальные особенности. Это фиксировалось и в материалах комиссии Н.М. Рейнке. Например, отмечалось, что в практике Грозненского суда «установился разнообразный порядок выдачи разрешений опекунам на получение денег из подопечного имущества, причем порядок этот с течением времени менялся и зависел более от председателей горского суда и начальников округа»³.

Иногда под опеку передавалось значительное имущество. Например, в 1903 г. по решению Хасав-Юртовского суда местному жителю под опеку было передано недвижимое имущество на общую сумму 75 940 руб. и движимое на 3 386 руб.⁴

В некоторых случаях движимое имущество и недвижимость, находившиеся под опекой, становились объектом других споров и разбирательств. Например, в практике Екатеринодарского суда разбирались споры, связанные с неуплатой денег за аренду земельных участков, находившихся под опекой⁵. При этом назначение опекуном влекло за собой дополнительные последствия, например, распоряжение прибылью от пользования имуществом, совершение сделок в пользу и от имени опекаемых и т.п. Поэтому детальное исследование отношений опеки и попечительства на материалах суда может стать предметом специального исследования.

¹ Там же. С. 36.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 146.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 145.

⁵ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1-6.

Горские словесные суды самостоятельно вели учет имущества, переданного ими по опеку представителям местного населения. Эта деятельность документировалась разными по видовой принадлежности документами в зависимости от их функционала (удостоверения, предписания, описи имущества и т.п.). А.Х. Абазов установил, что для документирования деятельности словесных судов по опекунским делам, практиковалось составление постановлений судов о назначении опекунов, описи имущества, отчеты опекунов, жалобы на их действия, документы о спорах по поводу находившегося под опекой имущества¹ и т.п. Суды выдавали назначенным опекунам удостоверения, в которых, как правило, указывалось в отношении кого именно назначалась опека, перечень переданного под опеку имущества, дата возникновения отношений по опеке и т.п. Мониторинг состояния деятельности горских словесных судов по опекунским вопросам осуществляли окружные правления. Именно они инициировали сбор отчетов о состоянии вопроса². Имена и фамилии недобросовестных опекунов сообщались в областное правление³. Такая практика была в и других судах Кубанской и Терской областей. Например, в Майкопском суде также практиковались обезды членов суда расположенных на подведомственной ему территории аулов с целью контроля за исполнением решений по опекунским делам⁴.

Кроме того, словесные суды все же периодически устраивали учет переданного под опеку имущества. Рассмотрим этот аспект деятельности на примере Нальчикского суда. Так, председатель суда периодически проводил деятельность по контролю этого направления деятельности суда. Для этого он своим распоряжением из числа судей (депутатов) назначал ответственного за проведением проверки. А в отношении старшин населенных пунктов, в которых располагалось опекаемое имущество, председатель выносил открытые предписания, в которых им поручалось оказывать всяческое содействие

¹ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 247.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 40.

³ Там же. Л. 41.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 41.

уполномоченному депутату суда по учету переданного под опеку (сиротского имущества) и проводить его в присутствии старшин и сельских судей¹, а также опекаемых и их ближайших родственников (при наличии)². По каждому факту проверки предлагалось составить соответствующий акт, в котором должна быть отмечена «прибыль и убыль» имущества, а также все расходы, произведенные опекунами на содержание и воспитание их подопечных³. В практике судов таковые случаи также встречались. Например, в 1898 г. тот же делегированный Нальчикским судом депутат (судья) составлял такие акты в отношении опекунов, проживавших в с. Кайсын Анзорово⁴, Докшукина⁵, Верхнее Кожоково⁶ и т.п. Каждый акт подкреплялся описью имущества (или лошадей и скота), отражавшей текущее на момент ее составления дел⁷. Иногда давалась их оценка в денежном эквиваленте⁸. В некоторых случаях дополнительно составлялись списки сиротам, оставшимся без попечения. Списки заверялись старшинами селений и направлялись в соответствующий суд⁹. В практике словесных судов встречаются и отчеты опекунов по вверенному им в управление имуществу¹⁰.

Кроме того, председатель суда предписывал в случае обнаружения факта растраты опекаемого имущества в присутствии сельских судей сразу составлять протоколы и передавать их на рассмотрение по подведомственности. Недобросовестных опекунов сразу же следовало отстранить от выполнения этих обязанностей. А имущество временно до назначения новых опекунов следовало передать под ответственность сельских старшин¹¹. Делегированный для проверки судья-депутат суда надеялся и правом принимать заявления и жалобы со стороны опекаемых и их близких родственников, на месте

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2567. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 6–6 об.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2567. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 2.

производить проверку заявлений и принимать соответствующие решения¹. Для удобства пользования делегированному для этих целей депутату (судье) суда выдавался список по опекунским делам для проведения по ним учета². Анализ списка показывает, что в населенном одном пункте общее количество опекунских дел, подлежащих проверке, могло доходить до 6³. При этом такое количество дел могло накапливаться не единовременно, а течение длительного периода, т.к. с момента возникновения основания опеки и до наступления совершеннолетия опекаемых могло пройти несколько лет.

Однако, несмотря на важность и социальную значимость института опеки в деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей, доля производств по нему в соотношении с общим массивом рассматриваемых дел была невелика. Так, в 1910 г. в Екатериноградском суде было зафиксировано 29 опекунских дел (на 33 аула, общей численностью 26 933 человек)⁴, что составляло примерно 6 % от общего количества разбираемых в суде дел. В Майкопском суде – соответственно 46 опекунских дел (на 13 аулов, общей численностью 21 084 человек)⁵, что составляло примерно 7,5 % от общего количества разбираемых дел. С 1901 по 1911 гг. на рассмотрении Майкопского суда находилось 379 опекунских дел⁶ (т.е. примерно по 37 дел в год). В 1910 г. в Баталпашинском суде было зафиксировано 29 новых опекунских дел (на 34 аула, общей численностью 71 562 человек)⁷, что составляло примерно 4,4 % от общего количества разбираемых дел. Т.е., согласно этим сведениям, Екатериноградский суд возбуждал одно опекунское дело на 928 человек населения, Майкопский – на 458, Баталпашинский, соответственно, – на 2467 человек. Как видим, с одной стороны, количество возбуждаемых в судах опекунских дел напрямую не связано с численностью подведомственного населения, с другой,

¹ Там же. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 4–6.

⁴ Материалы по обозрению горских... С. 73.

⁵ Материалы по обозрению горских... С. 77.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 94–95.

– говорит о весьма невысокой доле малолетних и недееспособных жителей региона, нуждающихся в опеке.

Такая нагрузка на горские словесные суды по решению опекунских дел сохранялась вплоть до времени их ликвидации. Например, Л.А. Карапетян установил, что на начало 1917 г. в производстве Екатеринодарского суда по делам об опекунстве оставалось 267 дел; за год зарегистрировано 20 новых дел; окончательно решено – 6, осталось нерешенным – 281¹. Это дало ему основание отнести опекунские дела к категории дел, решения по которым принимались медленнее, чем по остальным категориям (по ним было решено менее 20 % от общего количества дел). Основную причину в этом исследователь видит в нарушении сельскими старшинами правил подачи в суды отчетов по делам об опекунстве². Т.е. в среднем сохранялась примерно та же динамика накопления опекунских дел, что и ранее – по 1 делу в год на в среднем чуть более 1 тыс. населения.

Близким к этой категории дел были решаемые в горских словесных судах дела об установлении родства (в частности, отцовства³). Эти споры решались также в основном по нормам мусульманского права. Основной формой доказательств были личные показания спорящих и показания других людей⁴. Кроме того, нередко в практике встречались споры, связанные с тем, с кем из родителей в случае развода должны оставаться несовершеннолетние дети. Л.А. Карапетян установил, что эти вопросы обострялись особенно в тех случаях, когда один из родителей принимал другую веру, а при решении споров на основе религиозных норм по этой части могли встречаться разные толкования норм о том, с кем из родителей должны оставаться дети⁵. В этом плане суды выполняли функции по контролю актов гражданского состояния и по установлению фактов, имевших юридическое значение.

¹ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 69.

² Там же.

³ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 2100. Л. 4, 18-20, 29, 41; Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 66.

⁴ ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 2100. Л. 4, 18-20, 29, 41.

⁵ Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского... С. 67.

Некоторые словесные суды (например, Екатеринодарский) выполняли функции по утверждению метрических книг и выдаче свидетельств (выписки из местнических книг) о рождении и смертих жителей подведомственных территорий¹. В этом ряду можно отметить категорию дел горских словесных судов о признании в правах на имущество заинтересованных (потерпевших) жителей. Такие дела инициировались жителями населенных пунктов на основании прошений (исковых заявлений). К заявлению прилагались составленные по установленной форме описи (как движимого, так и недвижимого) имущества, составлявшего предмет спора². Описи составлялись уполномоченными сельским старшиной лицами в присутствии представителя сельской администрации (старшиной или его помощником). Иногда, как например в Нальчикском суде, после составления описи и до вынесения судом решения назначался ответственный житель, которому оно передавалось на временное хранение³. Эти практики были схожими и в других судах Кубанской и Терской областей.

Временные правила 1870 г. наделяли словесные суды нотариальными функциями при условии, что в регионе их функционирования не было нотариусов. Они, как правило, реализовывались судами путем удостоверения сделок гражданско-правового характера. Суды заверяли сделки по купле-продаже товаров и недвижимости, освобождению холопов от крепостной зависимости⁴ и т.п. В качестве доказательств фактов, имеющих правовое значение, суды принимали документы, в различных формам фиксировавшие определенные сведения (например, удостоверения от сельских старшин о фактах кражи имущества и скота⁵ или о наличии наследников у умерших наследодателей⁶; подписки сторон о получении материальной компенсации по спорам⁷; дознания⁸

¹ ГА СК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 412.

² См. например: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 3852. Л. 2–2 об.; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 3847. Л. 2–2 об.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 3852. Л. 3.

⁴ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 243.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1005. Л. 4.

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1167. Л. 3.

⁷ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1005. Л. 4.

⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1016. Л. 23.

и протоколы¹ с результатами проведения некоторых следственных действий; доверенности на право представления интересов во временном отделении одних жителей населенных пунктов другими²). В реестр (специальную книгу учета засвидетельствованных актов) вносились сведения (копии) заверенных договоров. А.Х. Абазов установил, что каждый реестр сопровождался различными указателями (например, алфавитным)³. Для осуществления данной деятельности этих судов опирались на соответствующие нормы действовавшего Положения о нотариальной части (1866 г.)⁴ в части, отнесенной к полномочиям мировых судов⁵. При этом нотариальная функция словесных судов также может стать предметом специального исследования.

Следует отметить, что горские словесные суды Кубанской и Терской областей в последней трети XIX – начале XX в. выполняли большой объем работы, не связанной исключительно с судебскими полномочиями. Так, например, иногда представители мусульманского духовенства (работники судов) привлекались к деятельности по проведению различных экзаменов, аттестаций и т.п. Например, в источниках сохранились сведения о том, что кадий Нальчикского суда привлекался к работе комиссии по приему соответствующих экзаменов для настоятелей мечетей в округе⁶. Причем организация приема экзаменов также возлагалась на суд. Председатель суда создавал комиссию, которую возглавлял кадий суда. По данным И.Л. Бабич, в конце XIX в. в Нальчикском округе была введена иерархия представителей мусульманского духовенства, занимавших руководящие позиции: сельские и квартальные эфенди трех степеней⁷. Есть сведения о том, что горские словесные суды Кубанской области в 80-е гг. XIX в. выдавали специальные разрешения (свидетельства) после соответствующих экзаменов представителям духовенства на

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1151. Л. 11.

³ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 248.

⁴ Положение о нотариальной части (1866) // Судебник: Сборник новых судебных законов и распоряжений по отправлению правосудия со включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 год. Спб., 1866. С. 172–196.

⁵ Хрестоматия по истории государства и права... С. 102.

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44–44 об.

⁷ Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев... С. 72.

права занимать должности аульных мулл¹. Экзамены проходили на заседаниях экзаменационных комиссий под председательством руководителя суда. При этом допуском к экзамену было соответствующее свидетельство, заверенное начальником локального административно-территориального образования (начальником уезда, в котором функционировал суд). Д.Н. Прасолов в одном из своих исследований говорил о передаче «религиозного надзора» за балкарским населением региона сначала кадиу Балкарского участкового суда (в 60-е гг. XIX в.), а с образованием временного отделения Нальчикского суда в 1884 г. – кадиу временного отделения суда². Все это подчеркивает расширительные полномочия горских словесных судов Кубанской и Терской областей и позволяет определить их место в системе органов российской власти на Кавказе как важного механизма по включению народов региона в состав имперского государства.

Таким образом, помимо решения гражданских и уголовных дел, горские словесные суды Кубанской и Терской областей вели активную деятельность по урегулированию отношений опеки и попечительства, заверению, фиксации и учету сделок среди представителей подведомственного населения, удостоверению фактов гражданского состояния, имевших юридическое значение (рождения и смерти, признания отцовства), участию служащих суда в качестве экспертов в социально и политически значимых мероприятиях. При этом суды принимали участие в качестве регулятора отношений опеки и попечительства в тех случаях, когда они не были урегулированы с помощью традиционных норм (при отсутствии духовных завещаний). Эти отношения осложнялись и тем, что выступали основанием для возникновения новых отношений в результате пользования и распоряжения подопечным имуществом, что само по себе тоже нередко выступало основанием для новых гражданских споров

¹ Кандор Р.С. Политика органов власти Кубанской области в этноконфессиональной сфере: опыт регулирования деятельности мусульманского духовенства (1880-е гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 3. С. 52.

² Прасолов Д.Н. Административный статус мусульманских священнослужителей в Кабарде и балкарских обществах во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 4(35). С. 16.

(нередко относившихся к подсудности горских словесных судов). Основной причиной осложнений отношений опеки и попечительства был в целом невысокий уровень надзора и контроля качества исполнения обязанностей (в том числе и предоставления периодической отчетности) опекунами и попечителями со стороны судов. Возложение нотариальных функций и обязанностей по учету фактов гражданского состояния возлагались на них в большей мере из-за отсутствия в государственном аппарате на региональном уровне соответствующих структур и почти полностью регламентировалось нормами российского права. В этом плане они также сопоставимы с другими низовыми судами в имперской судебной системе (в основном, с мировыми в периоды их функционирования).

В целом, в последней трети XIX – начале XX в. правоприменительная деятельность горских словесных судов Кубанской и Терской областей выражалась в решении уголовных и гражданских дел и в направлении дополнительных полномочий (опека и попечительство, нотариат, удостоверение фактов, имевших юридическое значение, экспертная деятельность и т.п.). Уголовные дела (по установленной категории правонарушений) решались единолично председателем суда на основании российских правовых норм и коллегиально с участием выборных от местного населения судей-депутатов и представителей мусульманского духовенства по нормам обычного и мусульманского права. Гражданское судопроизводство в судах представляло собой наиболее консервативную область применения традиционных форм решения споров и конфликтов среди представителей коренного населения этих областей. Наличие и осуществление деятельности по реализации дополнительных полномочий позволяет характеризовать их как учреждения российского аппарата государства с элементами социального контроля и нотариата.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ И ПРИЗНАКИ КРИЗИСА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРСКИХ СЛОВЕСНЫХ СУДОВ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1871–1918 ГГ.

3.1 Взаимодействие горских словесных судов с государственными органами

Выполнение основных функций горских словесных судов обеспечивалось не только за счет внутренней организации деятельности, но и за счет их взаимодействия с большим кругом государственных учреждений и органов самоуправления. Причем такое взаимодействие выстраивалось как с вышестоящим начальством в лице начальников Кубанской и Терской областей (надведомственной инстанцией), так и с учреждениями, не состоявшими с ними в иерархической взаимосвязи. Анализ их коммуникации дает возможность глубже изучить особенности деятельности словесных судов в пределах установленных государством полномочий, уточнить их место в системе общероссийских судебных учреждений и определить роль как части механизма инкорпорации местного населения в политико-правовое пространство Российской империи. Эти аспекты подчеркиваются и особенностями финансово-хозяйственного обеспечения их деятельности, которое так же имело свои локальные особенности и могло осуществляться как за счет исключительно государственных средств, так и за счет привлечения средств общественных капиталов. Также роль и место словесных судов в российской судебной системе подчеркивались экспертным и общественным мнением, формировавшимся вокруг них на протяжении всего периода деятельности, суть которого в общем плане сводилась к выявлению признаков системного кризиса и поиску оптимальных моделей их функционирования в меняющейся социально-политической ситуации.

Взаимодействие горских словесных судов с органами власти можно рассматривать в двух направлениях: коммуникация с областным начальством в

пределах компетенции как с вышестоящей инстанцией и взаимодействие с органами власти, не состоявшими с ними в прямой административной иерархии (окружными и уездными правлениями, казенной палатой и казначейскими учреждениями). Кроме того, все это подчеркивается и взаимодействием словесных судов как с государственными (казначействами, опосредовано со Ставропольской казенной палатой), так и с общественными (общественными касами¹) в целях финансового обеспечения собственной деятельности. Основным критерием отнесения субъекта коммуникации судов к государственным учреждениям было включение в состав аппарата государства и наличие соответствующего учредительного документа с установленным перечнем полномочий, финансирование деятельности за счет средств российской казны и т.п.

Так, А.Х. Абазов установил, что словесные суды Терской области взаимодействовали с начальником Терской области и терским областным правлением, начальниками округов (атаманами отделов) и окружными правлениями, окружными полициями² и т.п. Это же в полном мере относится и к словесным судам Кубанской области. Дополним, что суды в пределах своей компетенции плотно взаимодействовали с учреждениями власти (с областными, окружными и участковыми правлениями; сельскими судами в качестве апелляционной инстанции). При этом следует отметить, что некоторые аспекты такого взаимодействия рассматривались на отдельных примерах. Так, их взаимодействие с учреждениями власти в определенной мере рассматривалось в историографии при изучении проблем реформирования Россией административной и судебной системы на Кавказе³. Однако эту информацию можно усилить за счет более детального исследования такой коммуникации с опорой на нормативно-правовые и делопроизводственной документы.

Основным направлением внешней коммуникации горских словесных судов было их взаимодействие с начальниками соответствующих областей как с

¹ М.Х.: Об этом см. п. 3.2 настоящей работы.

² Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 249.

³ Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект реформирования...; Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика...; Кобахидзе Е.И. "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных...; Дарчиева С.В. Проблемы политico-административного управления...

представителями вышестоящих инстанций. Такое взаимодействие основывалось на необходимости председателя суда направлять на утверждение начальника области принятые решения. В свою очередь, начальник области направлял в адрес суда обязательные для исполнения предписания (о пересмотре принятого решения; о возобновлении производств по вновь открывшимся обстоятельствам¹ и т.п.). Такое взаимодействие составляло значительную часть коммуникативной практики горских словесных судов. На основе предписаний (или копий с отзывов) начальника Терской области словесные суды проводили внутренние заседания для принятия коллективного решения по этим вопросам и внедрения в практике уточненных правил. Например, на основе анализа содержания протокола Нальчикского суда от 27 мая 1892 г. видно, что по предписанию областного начальства и при участии председательствующего, судей-депутатов и народных кадиев его основного и временного отделений обсуждался вопрос о порядке назначения присяжников за лиц, привлеченных к уголовной ответственности по обычаям (нормам обычного права)². Причем такие результаты были представлены отдельно по результатам заседаний основного Нальчикского отделения суда (с толкованием особенностей применения институтов соционормативной культуры кабардинского населения округа³) и отдельно – временного (соответственно, балкарского населения⁴). Результаты таких обсуждений в большинстве случаев направлялись на рассмотрение начальника области через посредство начальников округов или отделов.

До сведения горских словесных судов доводилась информация о решении вопросов разграничения подсудности по разным категориям дел, особенно если сторонами спора / конфликта были представители горского населения, проживавшего на территории разных областей Кавказского края. Например, 5 октября 1892 г. на общем собрании Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената по указу Императора решался вопрос о

¹ Материалы по обозрению горских... С. 24.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 10.

³ Там же. Л. 10–10 об.

⁴ Там же. Л. 12.

подсудности гражданских и уголовных дел, возникавших между представителями коренного населения Терской области с одной стороны и Дагестанской области с другой¹, и отнесению их к ведению горских словесных судов или общих судов, созданных на основании судебных уставов Александра II. В ходе заседания было установлено, что в Дагестанской области на основе ст. 1480 Устава гражданского судопроизводства и ст. 1284 Устава уголовного суда гражданские и уголовные дела представителей коренного населения подсудны горским словесным судам и могут относиться к подсудности общих судов лишь в случаях, когда истцом выступают не относившиеся к горскому или другому коренному населению жителей или когда представители коренного населения обвинялись в преступлениях против других народов². В Терской области на основании ст. 1256 Устава уголовного суда дела, отнесенные к ведению мировых судов, решались в словесных судах. Кроме того, на основании ст. 1481 Устава уголовного суда в ред. 1890 г. отмечалось, что в местах жительства Кавказского края представителей коренного (горского) населения разбирательство между горцами дел, изъятых из ведения мировых и общих судов, производились по правилам, изложенными в законах о гражданском судопроизводстве. На этом основании Правительствующий Сенат пришел к мнению, что все гражданские и уголовные дела, возникшие между представителями коренного населения Дагестанской и Терской областей, должны были относиться к ведению горских словесных судов. Кроме того, обращалось внимание на то, что «т.к. в законе не сделано различия между национальностями лиц, приписанных к горскому населению, а потому совершение преступлений горцами одной области не может исключать дела из подсудности горскому суду»³. Поэтому было определено, что гражданские и уголовные дела между горцами Дагестанской и Терской областей относились к подсудности горских словесных (или народных) судов⁴.

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 19–20 об.

² Там же. Л. 20.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 20 об.

В определенной мере расширитальному толкованию на высшем уровне подлежали и вопросы об определении подсудности словесных судов дел с участием горских евреев, что актуализировалось в Терской области в 1897 г. Так, областноеправление направило в Нальчикский суд для учета в практике копию отзыва прокурора Владикавказского окружного суда от 6 сентября 1897 г. Документ был подготовлен для решения конкретного вопроса, но содержал толкование общих правил судопроизводства. В нем говорилось, что обсуждение вопросов о подсудности дел, возникающих между горскими евреями и горцами (представителями коренных кавказских народов), доходило до Правительствующего Сената, и его уголовный кассационный департамент в 1888 г. разъяснял, что дела такого рода подсудны горским народным судам. При этом, несмотря на то что это решение было принято в отношении населения Дагестанской области, прокурор Владикавказского окружного суда считал важным квалифицирующим признаком подсудности словесным судам всех дел местного населения «без различия их национальности»¹. Поэтому он полагал, что это решение Сената «в одинаковой мере касается и Горских словесных судов, имеющих по своему устройству и тем началам, кои положены в основание их, много схожего с народными судами Дагестанской области»². Этим положением руководствовался и Владикавказский окружной суд при отнесении дел о краже имущества у горских евреев к ведению Нальчикского суда³. При этом возникал вопрос о решении дел, отнесенных к компетенции состоявшего при таких судах народного кадия. На что в отзыве прокурора отмечалось, что особых затруднений в практике в этом не ожидалось по ряду факторов. Во-первых, отмечалось, что с течением времени представители горского еврейского населения региона частично переняли некоторые обычай соционормативной культуры местных жителей. Во-вторых, обращалось внимание, что большинство дел решалось на основании российских законов и относилось к исключительной компетенции председательствующего суда без

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53.

² Там же.

³ Там же.

участия депутатов от народа. В-третьих, за потерпевшими оставалось право передать свои дела из словесного на решение окружного суда. При этом прокурор окружного суда считал, что решение всех этих дел в словесных судах «не может ни в чем стеснить права горских евреев и нарушить их интересы»¹.

Такие формы взаимодействия областного начальства и горских словесных судов практиковались и в Кубанской области. Однако вопросы участия горского еврейского населения в качестве одной из сторон решения споров и конфликтов в судах здесь толковались несколько иначе. Например, в материалах комиссии Н.М. Рейнке отмечалось, что суды Кубанской области не могли принимать к рассмотрению дела, одной из сторон которых являлись представители горского еврейского населения². Что вполне может быть отнесено к локальным особенностям деятельности этих судов.

По схожей схеме областное начальство разъясняло судам и порядок решения дел по нормам мусульманского права. Так, 13 ноября 1891 г. канцелярия начальника Терской области подготовила отзыв в адрес председательствующих судов, в котором давались разъяснения о применении отдельных положений Временных правил 1870 г. на практике³. В частности, особо отмечалось, что разбирательство наследственных споров (хотя и отнесенных к категории духовных) должно решаться в словесных судах коллегиально, а не народным кадием единолично. Мнение кадия (т.е. толкование норм шариата применительно к конкретному случаю) являлось лишь основанием для принятия судьями-депутатами решения. Сущность мнения кадия должна была лишь записываться в настольный журнал суда, а не составлять решения. Кадий мог самостоятельно решать лишь бракоразводные дела. Кроме того, внимание в документе акцентировалось и на том, что шариатские дела должны были одинаково разбираться во всех горских словесных судах с занесением их содержания в советующий журнал, сведения по каждому делу из которых должны были

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 3595. Л. 53 об.

² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 30.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 109.

заверяться помимо народного кадия подписями судей и председательствующего¹.

Другой обсуждаемый в начале 90-х гг. XIX в. на высшем уровне вопрос об оптимизации деятельности горских словесных судов Терской области касался вопросов принятия ими решения о заключении под стражу лиц, подозреваемых в совершении правонарушения. Так, например, на основании рапорта прокурора Владикавказского окружного суда 28 октября 1890 г. начальник Терской области разослал циркулярное предписание в адрес функционировавших в ней словесных судов². В нем суду предлагалось незамедлительно освободить из-под стражи тех заключенных, содержание которых там представлялось неоправданным. Начальник Терской области соглашался с прокурором в том, что горским судам следовало ускорить высылку тех арестантов, в отношении которых уже принято соответствующее решение, и в последующем принять меры, чтобы высылка осужденных не замедлялась в целях снижения нагрузки на места заключения под стражей в области. Также начальник области предписывал суду принять за правило, чтобы они решали дела, по которым в качестве меры пресечения было выбрано заключение под стражу, незамедлительно и вне очереди. Судам вменялось в обязанность ежемесячно представлять в окружное правление списки по их решениям содержавшихся в тюрьмах по административным причинам с указанием причин и сроков заключения. При этом уточнялось, что содержание лиц под стражей в административном порядке представляло собой чрезвычайную меру, и судам предлагалось пользоваться ею в исключительных случаях. При этом такое требование не распространялось на принятие начальниками округов и участков решения о заключении подозреваемых под стражу на основании утвержденного императором 21 марта 1888 г. положения об управлении Кубанской и Терской областей³.

Кроме того, в практике взаимодействия горских словесных судов и областного начальства встречались случаи «разовых» (сituативных) уточнений

¹ Там же. Л. 109 об.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 98.

³ Там же. Л. 98–98 об.

их компетенции. Рассмотрим некоторые из них в рамках настоящего исследования. Например, на основании предписания Терского областного правления Нальчикскому суду от 9 сентября 1889 г. сообщалось об увеличении до 50 руб. суммы иска для разбирательства дел в сельских судах Малой Кабарды ввиду ее удаленности от присутственного места суда и возникновения затруднений в коммуникации участников судебных разбирательств¹. 25 апреля 1890 г. поступило предписание с уточнением по вопросу лишения права на ношение оружия виновных в причинении смерти, ран и телесных повреждений в ссорах и драках, совершенных как с применением оружия, так и без применения². 22 сентября 1890 г. в ответ на апелляционную жалобу по решенному в Нальчикском суде делу о правилах раздела наследственного имущества начальник Терской области разъяснил суду о том, что горские словесные суды не обязаны «собирать справки и для тяжущихся в нем, и тем более ведущих дело в другом судебном учреждении, что выдача удостоверений по разделу наследства на горские суды не возложена, и что это делается у магометан их духовенством»³. 12 июля 1891 г. в суды из канцелярии начальника Терской области поступило циркулярное предписание, в котором сообщалось, что на основании утверждённого императором 30 мая 1885 г. мнения Государственного совета иски по основным обязательствам, обеспеченным недвижимым имуществом, и о праве собственности на недвижимое имущество, если они не основаны на формальных актах, были изъяты из их компетенции⁴. На основании предписания начальника Терской области начальнику от 4 апреля 1893 г. Нальчикского округа предлагалось при принятии решения о дозволении выезда местным жителям в другие области и губернии помимо прочего делать соответствующие запросы в суды о наличии или отсутствии противопоказаний к этому⁵. 30 ноября 1893 г. было направлено схожее предписание с разъяснением о

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 75.

² Там же. Л. 83.

³ Там же. Л. 107 об.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 22–22 об.

подсудности словесным судам дел с участием горских евреев¹. 10 июля 1894 г. из канцелярии терского областного правления в суды было отправлено разъяснение о порядке лишения знаков отличия (в частности, военных орденов и медалей с изображением императора) представителей коренного населения, виновных в совершении преступлений (убийства, кражи и т.п.)². 10 декабря 1894 г. поступило разъяснение (разрешение) назначать разбирательство дел в судах по пятницам³. 13 июля 1895 г. – о категории правонарушений, виновные по которым могут быть освобождены и взяты на поруки на основании поручительской подписки⁴. 8 ноября 1896 г. – о выходе за пределы компетенции при выдаче справок о сословной принадлежности некоторых жителей подведомственных территорий⁵. 21 января 1897 г. таким же порядком уточнялось правило о том, что судам не следовало направлять начальнику Терской области принятые решения на утверждение до истечения срока апелляции (т.к. жалобы часто поступали после утверждения решения)⁶. 10 мая 1897 г. – предписание с предложением передать по подсудности принятые судами к рассмотрению дела, но выходившие за пределы их компетенции⁷. Круг этих примеров можно продолжить, однако и эти показывают особенности коммуникации областного правления и судов по вопросам учета в деятельности нововведений в нормативных актах.

Анализ документации горских словесных судов позволяет охарактеризовать и некоторые локальные практики принятия и учета в деятельности нормативных актов (разного уровня). Например, в практике Нальчикского суда помимо актов власти, рекомендуемых для учета и применения в работе, поступали принятые и утвержденные в установленном порядке локальные акты нормативного характера – приговоры Съезда доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Как правило, такие

¹ Там же. Л. 24–24 об.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 33.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 15.

документы содержали уточнения в применяемых судами правилах (обычаях), в том числе и относящихся к ведению словесных судов. Например, в начале 90-х гг. XIX в. основному отделению Нальчикского суда было предложено руководствоваться приговором Съезда доверенных от 21 июля 1887 г., в котором устанавливались меры ответственности за кражу девушек с целью вступления в брак. Приговор определял размер штрафов в отношении похитителей девушек, их помощников (соучастников похищения), устанавливал и другие меры ответственности за эти правонарушения (например, ссылка из общества – запрет на проживание в родном селе)¹. 20 февраля 1890 г. аналогичный приговор был принят на собрании доверенных сельских обществ Малой Кабарды (входившей на тот момент в состав 1 участка Сунженского отдела), и после учреждения 8 марта 1890 г. начальником Терской области был направлен для учета и применения в практике судов². Этот приговор дифференцировал штрафные санкции за кражу девушек в зависимости от характера и обстоятельств кражи и состоял из 8 пунктов³. А также канцелярия управления начальника Терской области нередко напоминала судам, что на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 10 мая 1885 г. дела, связанные с хищением незамужних женщин с целью вступления в брак, изъяты из их ведения и могут быть закрыты на основании примирения сторон⁴. Однако, несмотря то что некоторые из этих вопросов так или иначе затрагивались в исследовательской практике⁵, сохранившиеся источники обладают большим эвристическим потенциалом для дальнейшего детального исследования.

Горские словесные суды продолжали взаимодействовать и с руководителями и правлениями входивших в состав областей административно-

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 71–71 об.

² Там же. Л. 103–103 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 115.

⁵ Абазов А.Х. «Умыкание невесты» в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Нальчик, 03–06 октября 2013 года. Том 2. Нальчик, 2013. С. 160–162; Абазов А.Х. «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 3–9.

территориальных образований (округов / уездов и участков). Они не находились в прямой иерархической зависимости, но плотно взаимодействовали для обеспечения качественного и своевременного отправления судами своих полномочий. Например, начальники округов / уездов направляли в областные правления материалы по принятым действовавшими на их территории решениям, представляли помещения для их работы, участвовали в уточнении подведомственности расположенных на их территории судов¹, осуществляли ряд полномочий по вопросам опеки и попечительства, в некоторых субрегионах – взаимодействовали по вопросам управления общественным капиталом и рассмотрением дел по правонарушениям в этой области и т.п.

Эту коммуникацию можно рассматривать и с другой точки зрения. Например, к середине 80-х гг. XIX в. сложилась практика (процедура) доведения информации до сведения заинтересованных организаций. Так, начальникам округов (циркулярно) поступали копии с отзывов канцелярии начальника Терской области с предложением довести их содержание до сведения горских словесных судов, расположенных на подведомственных им территориях (например, начальнику Владикавказского округа – Назрановского суда, и по такой же схеме – в Нальчикский, Грозненский, Веденский, Аргунский и Хасав-Юртовский судам)². В 90-е гг. XIX в. в словесные суды поступала информация по широкому кругу вопросов, относившихся к их подсудности. Так, в документах отложились сведения об изменении правил применения наказаний за кражи с взломом³; порядке назначения присяжников за лиц, привлеченных к уголовной ответственности по обычаям⁴; определении подсудности по гражданским и уголовным делам в случаях, если сторонами конфликта (споря) были проживавшие в разных областях Кавказского края представители коренного населения⁵; правилах ношения оружия представителями коренного

¹ М.Х.: см., например, рапорт начальника Грозненского округа от 24 декабря 1896 г. о распределении в Грозненском округе селений, которые должны относиться к Грозненскому, Шатоевскому, Веденскому судам (АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 2 кс. Д. 131).

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 6.

³ Там же. Л. 1–5 об.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 19–21 об.

населения¹ и лишении права на него совершивших правонарушение коренных жителей²; лишении знаков отличия с изображением императора местных жителей, совершивших убийства, кражи; о передаче на поруки виновных в совершении правонарушений установленного перечня (в основном, скотокрадство)³; порядке и компетенциях выдачи справок по делам о разделе наследственных имений⁴, о постройке зданий для присутствий судов⁵ и т.п. Кроме того, для учета в деятельности им предлагались таксы для определения суммы штрафов и подсчета убытков за самовольную вырубку леса, хищение леса и различные повреждения в казенных, войсковых, станичных и частных лесных дачах на территории Терской области на основании Лесного устава (1893)⁶. Как правило, эти сведения рассыпались из управлений Терской области циркулярно начальникам округов и отделов, а оттуда – в соответствующий сло-весный суд.

Начальники участков взаимодействовали с судами в основном в качестве посреднической инстанции в отношениях со старшинами населенных пунктов по вопросам организации судебного процесса, обеспечения участия в нем сторон споров и конфликтов и третьих лиц, исполнения принятых наказаний и т.п. Причем такое взаимодействие было налажено на протяжении всего периода деятельности как изначально созданных в начале 70-х гг. XIX в. судов, так и появившихся по мере накопления практического опыта (единичный пример – временное отделение Нальчикского суда). Примечательно, что во второй половине 80-х гг. XIX в. временное отделение в качестве самостоятельного субъекта взаимодействовало с начальником 2 участка Нальчикского округа⁷ – территорией проживания подведомственного ему балкарского населения. Такое взаимодействие также тщательно документировалось, и в наши дни сохраняется

¹ Там же. Л. 21–22.

² Там же. Л. 43 об.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ М.Х.: см., например, рапорт Начальника Аргунского округа Терской области от 18 мая 1871 г. о постройке здания в укреплении Шатой для размещения Шатоевского суда (АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 1 кс. Д. 792); сметы и чертежи зданий Веденского суда (1892–1903) (АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 1 кс. Д. 821, 822).

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 48–53 об.

⁷ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 4–4 об.

большой массив документов, обеспечивающих коммуникацию судов с правлениями округов / уездов и участков по вопросам отправления правосудия в отношении коренного населения этих регионов.

В настоящем исследовании отмечалось, что словесные суды по иерархии в судебной системе, нормативно-правовой базе и объему полномочий в определенной мере сопоставимы с мировыми судами (в периоды их функционирования). Кроме того, они некоторое время сосуществовали на территории Кубанской и Терской областей и вынуждены были взаимодействовать в пределах своей компетенции. Так, словесные суды зачастую взаимодействовали с мировыми судами по вопросам определения подсудности рассматриваемых дел. Это бывало в основном с тех случаях, когда невозможно было в явном виде установить личность ответчика, и в исковых заявлениях потерпевших высказывались в основном предположения (подозрения). Такие случаи в практике встречались в основном по делам о кражах лошадей и скота, а иногда – в тех случаях, когда личность преступника было невозможно установить¹.

Финансовое обеспечение деятельности горских словесных судов осуществлялось за счет казенных средств, однако с течением времени порядок направления денежных средств на их нужды менялся, а также в некоторых регионах предпринимались попытки государственного и общественного софинансирования. Далее рассмотрим некоторые аспекты взаимодействия органов власти по финансированию деятельности словесных судов. Так, совокупный объем финансирования словесных судов Кубанской и Терской областей в 1871 г. составлял 11 195 руб. в год². Эта сумма была согласована высшими имперскими инстанциями. Так, на основании отношения Кавказского наместника в Кавказский комитет от 6 ноября 1870 г. был подготовлен и отправлен на согласование в Министерство финансов соответствующий документ³. Эта же сумма по представлению Кавказского комитета Государственному секретарю

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 3233. Л. 5–13.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 1–1 об.

от 1 декабря 1870 г. подлежала рассмотрению вместе с вопросом об открытии горских словесных судов на заседании Государственного совета¹.

В 1870 г. по предварительным расчетам на финансовое обеспечение деятельности горских словесных судов Кубанской области предполагалось выделить 4800 руб. в год. На содержание одного суда Кубанской области отводилось 1200 руб., причем такая сумма планировалась на финансирование по отдельности каждого из отделений Баталпашинского суда². Причем в этих расчетах не предусматривалась оплата председателя суда, т.к. он получал оплату по основному месту работы (начальника уезда или его помощника). Судьям-депутатам суда полагалось по 200 руб. в год, кадию – 300 руб. На наем переводчика, оплату помещения, отопления и на покрытие канцелярских расходов отводилось 300 руб. в год³.

Однако на фактическое содержание горских словесных судов Терской области требовалось больше средств, чем это было определено в предварительном расчете. Для этого было приведено дополнительное бюджетирование. При этом бюджеты словесных судов Терской области были неодинаковыми и зависели от количества депутатов-судей в них. Так, годовой бюджет Нальчикского суда на 1871 г. составлял 1680 руб., в том числе кадию – 300 руб., каждому из 4 депутатов-судей по 200 руб., на оплату труда словесного переводчика, «писца», помещение, канцелярские расходы и отопление – 380 руб.⁴ Бюджет Назрановского суда составлял 1180 руб. в год, в том числе: каждому из 3 депутатов-судей по 200 руб. в год, и на сопутствующие расходы 580 руб.⁵. Должность кадия в штатном расписании Назрановского суда не предусматривалась. На финансирование деятельности Грозненского суда выделялось 1960 руб. в год, в том числе: кадию – 300 руб., каждому из 6 судей-депутатов по 200 руб., на сопутствующие расходы – 460 руб.⁶ На Хасав-Юртовский суд

¹ Там же. Л. 2–2 об.

² РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же.

выделялось 1900 руб. в год, в том числе: 300 руб. – кадию, по 200 руб. каждому из 4 судей-депутатов, 800 руб. – на сопутствующие расходы¹. Аргунский суд соответственно обходился бюджету размере 1333 руб. в год, в том числе: 300 руб. кадию, по 200 руб. каждому из 3 судей-депутатов, 433 руб. на сопутствующие расходы². Веденский – 1333 руб. в год, в том числе: кадию 300 руб., каждому из 3 судей-депутатов по 200 руб., на сопутствующие расходы – 433 руб.³ Схожий расчет в 1870 г. был подготовлен и для Владикавказского суда. Его годовой бюджет был определен в размере 1765 руб., в том числе кадию – 300 руб., каждому из 4 судей-депутатов по 200 руб., сопутствующие расходы – 665 руб.⁴ Всего на 7 словесных судов Терской области (включая Владикавказский) ассигновалось 11 393 руб. в год, а на все горские словесные суды Терской и Кубанской областей – 16193 руб.⁵

В отзыве департамента Государственного казначейства Министерства финансов от 1 декабря 1870 г. на предложенную кавказским наместником смету расходов на финансирование деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей отмечалось: «согласно Высочайше утвержденному 30 декабря 1869 г. мнению Государственного совета, расходы по сбережанию административных, судебных и межевых учреждений постановлено обратить на государственное казначейство, на счет податного сбора с горского населения обеих областей, поступившего с 1869 г. в общие государственные доходы, то за сим и не встречаю, с моей стороны, препятствия к принятию на счет государственного казначейства необходимых на вышеозначенный предмет 16594 руб. в год, но с тем, чтобы на это было Высочайшее разрешение, установленным для того порядком»⁶. Такое утверждение состоялось 5 февраля 1871 г.⁷ В свою очередь 17 марта 1871 г. департамент Государственного

¹ Там же.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 6 об.

⁴ Там же.

⁵ М.Х.: из этой суммы предполагалось вычитывать 5000 руб. по ранее определенным по штатам должностей денег на оплату труда выборных депутатов при окружных начальствах в регионах (см.: РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 4).

⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 25.

казначейства Министерства финансов направило сообщение в канцелярию кавказского наместника о том, что соответствующее распоряжение о выделении средств будет направлено в Ставропольскую казенную палату¹.

В середине 80-х – начале 90-х гг. XIX в. атаманы отделов Кубанской области высказывались в адрес вышестоящего начальства о недостаточном финансировании деятельности горских словесных судов и связывали с этим замедление темпов рассмотрения дел². Так, в источниках сообщается о выделении в начале 90-х гг. XIX в. дополнительных средств на содержание судов и о временном введении в их штаты должности письмоводителя с окладом 180 руб. в год за счет средств горских штрафных сумм³. Однако региональные власти в целях оптимизации деятельности судов решили подбирать на должность переводчиков служащих, обладавших и компетенциями письмоводителей.

Члены горских словесных судов за свою деятельность получали жалование на постоянной основе. Например, в 1910 г. председатели словесных судов Кубанской области получали жалование в размере 1872 руб. в год. Депутаты получали 16 руб. 66 коп. в месяц от казны и примерно по 33 руб. добавочных (предположительно за счет земских сборов⁴). Размер жалования судей-депутатов Екатеринодарского суда в 1910 г. составил 200 руб. в год (т.е. по 16 руб. 66 коп. в месяц), кадия – 300 руб. в год (т.е. по 25 руб. в месяц)⁵. Однако эта сумма подлежала разделу в тех случаях, когда в составе суда служило больше человека, чем это было определено по общим правилам. Например, в Баталпашинском суде в 1910 г. служило 2 кадия. И отпускаемый на оплату их труда оклад в размере 300 руб. в год делился между ними поровну, т.е. по 150 руб. в год. Однако они получали дополнительное вознаграждение за счет средств, собранных с представителей местного населения по принципу земских денежных сборов: один кадий 300 руб., а другой – 450 руб. в год⁶.

¹ Там же. Л. 26.

² Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 402.

³ Там же.

⁴ Материалы по обозрению... С. 12.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 49.

В некоторых регионах периодически возникала потребность в строительстве или ремонте зданий, в которых располагались суды. Например, в 1909 г. председатель Нальчикского суда обращался в адрес начальника округа с просьбой о строительстве нового здания для суда за счет казенных средств¹. В прошении в качестве одной из мотиваций по строительству здания также говорилось о его дальнейшей эксплуатации в гражданском обороте даже в случае прекращения деятельности суда².

Общий объем средств, ассигнованных на содержание горских словесных судов Терской области в 1909 г., составлял 7320 руб. в год на 6 судебных учреждений (что было меньше, чем показывали расчеты 1870 г.). Из них 1920 руб. направлялось на канцелярские расходы (т.е. по 320 руб. на каждый суд). Остальная сумма направлялась на выплату жалования судьям и кадию (из расчета 300 руб. в год кадию, 200 руб. – судьям-депутатам). В 1910 г. на финансовое обеспечение деятельности всех девяти судов в Кубанской и Терской областях выделялось из средств государственной казны 9 720 руб. в год³, что также было ниже расчетов 1870 г. При этом суды практически не имели возможности извлекать финансовую прибыль из своей деятельности. Обращение за правовой помощью в суд для коренного населения этих областей было «льготным», т.е. они освобождались от уплаты соответствующей пошлины. Однако суды взимали пошлины (в размере 20 коп.) за изготовление копий судебных документов⁴.

Таким образом, для отправления функций правосудия и осуществления дополнительных видов деятельности горские словесные суды Кубанской и Терской областей взаимодействовали с широким кругом органов государственной власти, как с вышестоящим начальством, так и с не состоявшими с ними в административных отношениях. Начальство областей утверждало и в случае необходимости пересматривало решения словесных судов, участвовало в обсуждении вопросов разграничения подсудности по разным

¹ Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество... С. 58.

² Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество... С. 58.

³ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

категориям дел (в том числе и с участием горско-еврейского населения), толковало порядок применения норм обычного и мусульманского права, особенности назначения наказаний в виде заключения под стражу и в тюрьму, осуществляло «разовые» (сituативные) уточнения их компетенции и т.п. Для этого были разработаны и практиковались каналы и механизмы получения судами сведений о нововведениях в нормативных актах и их толкованиях из соответствующих инстанций о результатах правотворческой деятельности в области судопроизводства для учета в своей деятельности. Это было осуществлено с помощью оборота копий нормативных актов высших имперских органов власти, правил и инструкций о проведении отдельных следственных и судебных действий, предписаний областных начальств, копий с отзывов начальников областей и прокурора окружных судов и т.п. Все это позволяло им эффективно взаимодействовать с правоустанавливающими организациями и применять в своей деятельности текущие изменения в нормативных актах. Тогда как начальники административных округов / уездов и участков выполняли в большей мере посреднические функции во взаимодействии судов с другими учреждениями по подведомственности: окружные (уездные) правления с областными и с финансовыми учреждениями, а участковые – с сельскими правлениями. Вопросы финансирования деятельности этих судов находились на государственном контроле, средства направлялись в суды через казенную палату, а оттуда через казначейства. Общая сумма финансирования рассчитывалась на один календарный год и включала оклады судей и персонала (дифференцированные в зависимости от занимаемой должности) и канцелярские расходы. Деятельность горских словесных судов приносила незначительный доход от сбора пошлин за счет оказания некоторых услуг в пределах компетенции. Собранные средства поступали в доход государства.

3.2 Взаимодействие горских словесных судов с институтами самоуправления и народного правосудия и финансово-хозяйственное обеспечение их деятельности

Не менее важным направлением коммуникации горских словесных судов для отправления функций правосудия и осуществления дополнительных видов деятельности было взаимодействие с институтами самоуправления – сельскими старшинами, народными (медиаторскими, посредническими) судами, коллегиальными органами представителей от народов, общественными финансовыми институтами и т.п. Она могла приобретать локальные особенности на фоне складывавшихся практик функционирования институтов самоуправления в регионах. Например, в Нальчикском округе функционировал коллегиальный орган самоуправления – Съезд доверенных сельских обществ кабардинского и балкарского населения региона, прямых аналогов которого не было в других регионах Терской и Кубанской областей. Равно, как и тесно взаимодействовавшая с Нальчикским судом Кабардинская общественная сумма была специфичным финансовым инструментом с некоторыми признаками народного банка, аналоги которого встречаются лишь в некоторых соседних регионах. Поэтому изучение разных аспектов взаимодействия горских словесных судов с институтами самоуправления и народного правосудия является дополнительной характеристикой судебной системы региона и инкорпорации местного населения в политico-правовое и экономическое пространство Российской империи.

Круг взаимодействия горских словесных судов с институтами самоуправления и народного правосудия определялся характером их правоприменительной деятельности и не был четко определенным в нормативно-правовых актах. А.Х. Абазов отмечал, что суды Терской области по этой части взаимодействовали сельскими (аульными) и медиаторскими судами¹ и т.п. Дополним, что эти суды взаимодействовали с такими институтами самоуправления как

¹ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 249.

сформированные из народных представителей собрания (съезды) для принятия коллективных решений (например, Съездом доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ в Нальчикском округе Терской области) и народного правосудия (медиаторскими / посредническими / третейскими судами). Такое взаимодействие не становилось предметом специального исследования в историографии, хотя отчасти давалась характеристика статуса отдельных горских словесных судов в судебной системе отдельного округа или определялось его место в этой системе в качестве апелляционной инстанции по отношению в сельским / аульным судам¹. При этом анализ делопроизводственной документации показывает, что именно такое взаимодействие отражало повседневный уровень организации деятельности этих судов.

Наиболее активное взаимодействие горских словесных судов в этом отношении выстраивалось со старшинами населенных пунктов через посредство начальников участков по широкому кругу вопросов: обеспечение участия жителей вверенных им населенных пунктов в судебных разбирательствах, оповещение жителей о принятых судами решениях, содействие в исполнении наказаний, организация выборов делегатов (доверенных) для участия в выборах судей, сбор денежных повинностей по земским раскладкам, в том числе, и в некоторых случаях на финансовое обеспечение деятельности судов и т.п. Эта коммуникация осуществлялась за счет активного документооборота: из горских словесных судов старшинам населенных пунктов направлялись приговоры, исполнительные листы, повестки и т.п.; от старшин в суды – в основном рапорты в сопровождении подтверждающих документов (прощений от жителей населенных пунктов, запрашиваемых сведений, материалов следственных действий и т.п.). В некоторых регионах такое взаимодействие могло приобретать локальные особенности. Например, временное отделение Нальчикского суда в качестве самостоятельного субъекта взаимодействовало со старшинами сельскими

¹ Хасбулатов А.И. Суд и судебные реформы в Чечне...; Сайдумов Д.Х. Сельские аульные и Горские словесные суды...; Сердюк А.В. Особенности судопроизводства Северного Кавказа...; Абазов А. Х. Нальчикский округ в судебной системе...; Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш. Присяжные поверенные...; Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция"...; Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы...

правлениями Балкарского¹, Чегемского², Хуламского³, Урусбиевского обществ⁴, старшиной пос. Кашхатауского⁵ (с преимущественным балкарским населением), и в случае необходимости со старшинами селений с преимущественно кабардинским населением – когда одной из сторон разбирательства были балкарские жители⁶.

Большое значение это взаимодействие имело в исполнительном производстве (приведении в исполнение приговоров и решений судов по уголовным, гражданским и опекунским делам). Это подчеркивалось и работах современных кавказоведов⁷. Старшины в этом плане являлись одними из основных звеньев исполнительного производства в судах.

Горские словесные суды взаимодействовали с сельскими (аульным) судами в качестве апелляционной инстанции по отношению к ним. В каждом из судов велся учет поступавших к ним апелляций, в которых в обязательном порядке отражалась суть принятого сельским судом решения⁸, а также велась соответствующая статистика по принимаемым к рассмотрению апелляционным жалобам. Например, по состоянию на начало 1894 г. в производстве Нальчикского суда находилось 6 апелляционных жалоб на решения аульных судов⁹. Анализ правоприменительной практики показывает, что таковые жалобы подавались в основном по делам по взысканию сельскими судами денег по долговым обязательствам с нарушением подведомственности¹⁰, о нанесении ран и телесных повреждений в драке¹¹, о клевете¹², неуплате калыма (накяха)¹³ и т.п. Суды могли утвердить решение сельского суда и оставить апелляционную жалобу без удовлетворения, отменить решение сельского суда и предложить

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 4–4 об.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 7

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 950. Л. 12

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1005. Л. 1

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 940. Л. 7

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 841. Л. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1005. Л. 14

⁷ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 309.

⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2923.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 5 об.

¹³ Там же. Л. 7.

собственное, отменить решение сельского суда и вернуть его обратного на новое рассмотрение. Апелляционные жалобы подавались в судах как участниками разбирательств лично, так и через поверенных¹. Подача апелляций осуществлялась через сельских старшин, которые направляли в суды апелляционные документы в сопровождении собственных рапортов. При этом сохранялся рассмотренный нами ранее экстерриториальный принцип организации деятельности судов. Так, например, апелляционные жалобы на решение судов малокабардинских населенных пунктов в период вхождения Малой Кабарды в состав Сунженского отдела Терской области (1882–1905 гг.) поступали в Нальчикский суд². Сведения о рассмотрении апелляционных жалоб фиксировались в журнале суда в обычном порядке. Например, в журнале регистрации дел и решений по ним Нальчикского суда за 1907–1910 гг. был зафиксирован факт подачи апелляционной жалобы жителя аула Бековича Нальчикского округа на решение бекочевского сельского суда от 30 января 1910 г.³ Суд постановил отменить решение сельского суда, т.к. рассмотренное дело не входило в его компетенцию, и принял постановление о том, чтобы предложить потерпевшему направить жалобу на рассмотрение суда⁴. Анализ делопроизводственной документации показывает, что наибольшая нагрузка по решению дел в качестве апелляционной инстанции приходилась на Екатеринодарский суд.

Определенное взаимодействие горских словесных судов выстраивалось с сельскими (аульными) судами по вопросам, не связанным с подачей апелляций. Например, сельские суды Кубанской области были обязаны сообщать в соответствующие суды информацию о проведенных самостоятельно расследованиях по делам, относящимся к решению по нормам шариата⁵. Такая информация учитывались и проверялась на предмет соответствия принятых норм действующим правилам отправления правосудия. В случае необходимости суды могли отменить принятое решение, направить дело на новое рассмотрение или

¹ Там же.

² Там же.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 1. Л. 145 об. – 146.

⁴ Там же.

⁵ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 311.

принять к собственному рассмотрению. Примечательно, что в этом случае принятие судами решений осуществлялось в принятом для рассмотрения апелляционных жалоб порядке.

Одним из ярких примеров косвенного взаимодействия горских словесных судов с институтами самоуправления в округах Кубанской и Терской областей является выполнение целого ряда функций в отношении суда в Нальчикском округе Съездом доверенных сельских обществ. Оно выражалось в организации и проведении выборов судей-депутатов Нальчикского суда, сборе средств от местного населения на дополнительное (сверх казенного) финансирование их деятельности, инициирования принятия целого ряда правил и норм поведения, нарушение которых относилось к их подсудности, и т.п. Д.Н. Прасолов называл учреждение временного отделения Нальчикского суда одним из основных достижений в деятельности Съезда доверенных¹. Напомним, что Съезд доверенных ходатайствовал перед начальством Терской области в 1884 г. об открытии временного (балкарского) отделения Нальчикского суда². Были и другие направления его деятельности по вопросам функционирования Нальчикского суда: в 1886 г. – о разграничении территориальной подведомственности отделения суда округа³, в 1887 г. – об избрании первого состава временного отделения суда, а также выносил предложения о реорганизации суда в регионе (например, об обособлении основного и временного отделений суда⁴) и об оптимизации расходов на его содержание⁵ и т.п. Кроме того, на заседаниях Съезда доверенных проходило избрание судей в Нальчикский суд, что в историографии отмечалось как основная функция этого собрания⁶. Примечательно, что вопросы обособления временного отделения от основного поднимались и в 1912 г., о чём

¹ Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 120.

² Абазов Нальчикский округ... С. 49.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 96. Л. 62-62 об.; Цит. по: Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 119.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 520. Л. 15; Цит. по: Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 119.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2175. Л. 105-105 об.

⁶ Прасолов Д.Н. Сценарии верноподданничества в отношениях кабардинцев и балкарцев с имперской администрацией: символика, прагматика, политический эффект // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 3. С. 72.

также сообщалось в региональной газете «Терские ведомости»¹. В этом округе такое взаимодействие продолжалось вплоть до ликвидации суда. Так, например, в историографии есть подтверждающие сведения о том, что Съезд доверенных собирался на заседание еще 30 сентября 1917 г., одним из вопросов повестки которого было решение вопросов о финансировании деятельности Нальчикского суда². Все это подтверждает важность деятельности Съезда доверенных в отношении Нальчикского суда по выполнению целого ряда организационных функций.

Схожие практики взаимодействия горских словесных судов с институтами народного самоуправления или влияния этих институтов на их деятельность складывались и в других регионах Кубанской и Терской областей. Они также затрагивали разные сферы общественной жизни (в основном касались регулирования отношений семейно-брачного цикла). Например, ряд общественных собраний представителей ингушского населения (1879, 1889 гг.) принял коллективное решение об установлении размера калыма, подлежащего уплате женихом (стороной жениха) невесте (стороне невесты)³. Общественные приговоры по этой части утверждались начальником Терской области, после вступления в силу регламентировали не только правила поведения в этой сфере, устанавливали фиксированный размер платы за невесту, но и содержали меры ответственности за их нарушение. Отдельно установилось, что виновные в нарушении принятых норм должны быть подвергнуты штрафованию на основании решения горского словесного суда, функционировавшего в то время в Сунженском отделе Терской области⁴ (Назрановского суда).

В меньшей мере исследовалось взаимодействие горских словесных судов с собраниями (сборами), сформированными из народных представителей для принятия коллективных решений, и медиаторскими (посредническими)

¹ Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 126.

² Прасолов Д.Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев... С. 120; Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в Нальчикском округе: эволюция после революций // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 4. С. 70.

³ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа // Историко-статистические очерки. Выпуск первый. Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892 год. Владикавказ, 1892. С. 131–132.

⁴ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы... С. 132.

судами. Такие исследования предпринимались лишь на примере некоторых округов Терской области, например, на материалах Нальчикского округа. В историографии есть попытка определения роли и функционала уникального института местного самоуправления (Съезда доверенных сельских обществ) в деятельности Нальчикского суда (организация и проведение выборов судей и кандидатов к ним; обеспечение финансирования его деятельности и т.п.)¹. Равно как на примере этого же округа рассматривались формы отношений и документирование взаимодействия этих судов с посредническими судами (институтами народного правосудия): передача дел из словесного суда на решение посреднического по народным обычаям, рассмотрение словесным судом апелляционных жалоб на решение посреднических судов и т.п.² При этом в кавказоведении сложились разные взгляды на соотношение традиционных и инновационных практик решения отправления правосудия в местах проживания коренного населения региона. Например, анализ особенностей и практики взаимодействия официальных судов с посредническими (медиаторскими) позволил И.Л. Бабич сделать обобщение об ограниченности судебной практики судов. Это, по ее мнению, складывалось потому, что многие подсудные этим судам дела решались судом посредников еще до начала возбуждения производства в официальных судах. Кроме того, словесные суды сами направляли на решение суда посредников дела по определенным категориям (причинение ран и телесных повреждений людям или животным)³.

На самом деле взаимодействие большинства судов с посредническими (третейскими) судами осуществлялось на регулярной основе. Анализ делопроизводственной документации показывает, что количество разбираемых дел в судах и посреднических судах вряд ли состояло в обратно пропорциональной зависимости. К тому же, с одной стороны, суды часто направляли на рассмотрение дела, по которым в рамках российского правового поля не было

¹ Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления; Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в политической культуре...

² Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа...; Абазов А.Х. Документирование деятельности Нальчикского горского...

³ Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (история и современность)... С. 26.

возможности принять соответствующее решение, а, с другой стороны, осуществляли над ними функции апелляционной инстанции (имели право утверждать, пересматривать и отменять, принятые решения, рассматривали жалобы недовольных их решением сторон и т.п.). Так, в практике встречались случаи, когда суды передавали на рассмотрение третейских судов дела о наследстве имущества, когда было сложно определить наследуемые доли (например, если наследниками являлись несколько человек состоявших в разной степени родства с наследодателем, относящиеся к разным поколениям и т.п.). Решения о передаче дел на медиаторское рассмотрение могло приниматься прямо на заседании суда¹. Например, в 1904 г. в практике Екатеринодарского суда был зафиксирован факт передачи на рассмотрение третейского суда спора о наследстве, по которому наследниками выступали разнополые несовершеннолетние дети наследодателя, рожденные от разных браков (три сына от первого брака и две дочери от второго²).

Анализ документов показывает, что это было одной из наиболее практикуемых форм взаимодействия горских словесных судов с институтами народного правосудия. В разных регионах Кубанской и Терской областей оно могло приобретать локальные особенности, однако анализ правоприменительной практики дает возможность выявить схожие характеристики их деятельности. В некоторых случаях служащие судов могли утверждать решения посреднических судов. Причем они могли утверждать такие решения в пределах собственной компетенции. Например, в 1910 г. кадий Баталпашинского суда утвердил решение «хакамов» (посредников) по вопросу о расторжении брака между супругами на основании побоев³. Подчеркнем, что это наделяло суды некоторыми полномочиями апелляционной инстанции по отношению к неформальным институтам народного правосудия.

Кроме того, словесные суды могли проверять правомерность принятия медиаторскими судами решений и их соответствия (непротиворечия) нормам

¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 979. Л. 2–7 об.;

² ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 1438. Л. 1-11.

³ Материалы по обозрению... С. 52.

российского права. П.А. Бурменский по этому поводу писал, что «область применения обычного права в горских словесных судах... [была] еще более ограничена и подчинена влиянию российских законов»¹. А.Х. Абазов установил, что такие проверки проводились в основном по принятым посредническими судами решений по наследственным делам, когда объектом спора выступало недвижимое имущество, а также по вопросам, связанным с выделением части имения в порядке наследования² и т.п. Также проверке подлежали решения посреднических судов по имущественным спорам³. Иногда для учета в деятельности суда направлялись зафиксированные в письменном виде решения медиаторских судов по бытовым убийствам⁴, кражам скота⁵, доверенности сельских старшин жителям селений с наделением их правом представлять интересы других сельчан при решении споров и конфликтов в судах⁶ и т.п. В большинстве случаев проверке подлежали решения медиаторских судов, которые были составлены в письменном виде на арабоязычной графической основе. Результаты проверок отражались в настольном журнале суда. В некоторых случаях помимо проверки функции словесных судов по этой части входило утверждение решений медиаторских судов (после проведенной проверки на предмет соответствия действовавшему российскому законодательству) и выдача по ним исполнительных листов⁷.

Зачастую решение о передаче дел на рассмотрение посреднических судов принималось в самих судах. Как правило, это случалось, когда суд не имел возможности адаптировать правовые нормы и народные обычаи под конкретное дело. А.Х. Абазов установил, что в некоторых случаях решения медиаторских судов утверждались Нальчикским судом (передавшим дело на рассмотрение суда посредников)⁸. Кроме того, А.Х. Абазов выявил ряд случаев, когда на

¹ Горские словесные суды Кубанской области. Доклад товарища прокурора П.А. Бурменского, прочитанный недавно в Екатеринодарском юридическом обществе // Южный телеграф. 1903. № 226;

² Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе... С. 40.

³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1330. Л. 10 об. – 11;

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 890. Л. 7.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 820. Л. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1048. Л. 34.

⁶ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 841. Л. 17.

⁷ Материалы по обозрению.... С. 123;

⁸ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 251.

решения посреднических судов апелляции подавались в соответствующие суды¹. Круг вопросов, направленных судами на разбирательство посредниками, был достаточно широк и разнообразен. Так, Нальчикский суд направлял на рассмотрение суда посредников дела об убийствах², побоях³, кражах⁴, а также связанные с урегулированием конфликтов, возникших на почве кровной мести⁵; о расторжении браков⁶, дела по обвинению в изнасиловании⁷, кражах девушек с целью вступления в брак⁸ и т.п. В качестве меры обеспечения исполнения принятого медиаторским судом решения стороны конфликта принимали на себя обязательство (давали соответствующие подписки) исполнить его в полном объеме⁹.

Одной из форм косвенного взаимодействия горских словесных судов и третейских судов может выступать и то, что в качестве депутатов-судей суда и судей-медиаторов могли выступать одни и те же лица. Иногда посредническим судьей избирался кадий суда. А.Х. Абазов в своих исследованиях выявлял целый ряд таких примеров¹⁰. Все они говорят о том, что словесные и посреднические суды не подменяли полномочия друг друга, а дополняли.

Как правило, посредники в качестве решения по итогам разбирательства споров и конфликтов выносили постановления о взыскании с нарушителя материальной компенсации (в денежной или натуральной формах). Также посредники могли принимать решения о введении определенных ограничений в отношении конфликтующих сторон (не враждовать, уступить дорогу при встрече, переселиться на другое место жительства, не посещать определенные места или населенные пункты¹¹, организовать «примирительные» угощения¹² и т.п.).

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 402. Л. 12.

² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 270.

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 158.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1, Д. 157.

⁵ Материалы по обозрению... С. 153.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2102.

⁸ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2166.

⁹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 799. Л. 7

¹⁰ УЦГА АС КБР. Ф. 22: Оп. 1. Д. 158. Л. 6; УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1182. Л. 1; Цит. по: Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа... С. 410.

¹¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 628. Л. 15–15 об.

¹² УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 405.

Однако в практике некоторых судов отложились документы, в которых фиксировалось, что в качестве наказания за преступления медиаторы ходатайствовали перед судами о помещении подсудимого под стражу или применении в отношении него наказания в виде тюремного заключения.

А.Х. Абазов обратил внимание, что взаимодействие горских словесных судов с медиаторскими (посредническими) судами тщательно документировалось¹. Он установил, что в практике этих судов «отложились расписки о передаче споров на решение суда посредников, зафиксированные в письменном виде решения медиаторских судов, апелляционные жалобы на их решения»². Для этого применялись расписки представителей конфликтующих сторон о передаче спора на рассмотрение суда посредников, по итогам разбирательств решения оформлялись в письменной форме и зачастую по разным обстоятельствам направлялись в соответствующий суд (апелляция на решения суда посредников, отчетность сельских старшин о медиаторских разбирательствах и т.п.).

Анализ делопроизводственной практики показывает, что в сфере взаимодействия горских словесных судов и посреднических (медиаторских) судов применялась различная терминология. Например, в 1910 г. при производстве дела в Баталпашинском суде о побоях между мужем и женой было принято решение передать его на рассмотрение «хакамов» (посредников) мирным путем³. Хакамы, исследовав обстоятельства конфликта, приняли решение расторгнуть брак. Кадий Баталпашинского суда утвердил решение хакамов⁴. В отношении калмыцкого населения Терской области действовали «аймачные суды» – традиционный институт правосудия (сложившийся у них еще до начала российского влияния), в начале XX в. существовавший «для разбора маловажных дел кумыкскими калмыками, кочующими в землях караногайцев»⁵. Еще раз отмечим, что в отношении караногайского населения Терской области аналогичные

¹ Абазов А.Х. Документирование деятельности... С. 250.

² Там же.

³ Материалы по обозрению... С. 52.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 170.

функции выполняли «маслагатные суды». Большинство институтов народного правосудия местных жителей к началу XX в. функционировало по сложившейся практике. Аймачный и маслагатный суды принимал решения на основании сложившихся обычаев и традиций.

В историографии отмечены факты о том, что в 1908–1910 гг. в некоторых регионах Терской области властями предпринимались определенные попытки институционализировать народные (посреднические) суды. Для этого появились и функционировали народно-примирительные суды в отношении казачьего и чеченского населения региона; осетино-ингушские смешанные суды присяжных в отношении осетинского и ингушского населения региона, и предпринимались попытки их создания в других регионах Терской и Кубанской областей¹. Следует отметить, что при обсуждении вопросов о целесообразности существования суда в регионах на высшем уровне говорилось и о том, что некоторые не противоречащие российским законам формы народного правосудия можно практиковать и дальше. Например, в 1912 г. Н.М. Рейнке отмечал, что в ходе таких реформ в тех регионах, где проживают представители коренного населения, нeliшним было бы «образовать еще такие судебные присутствия с участием в них выборных от населения лиц, которые, не стесняясь процессуальными формами, могли бы постановлять по гражданским делам решения, не расходящиеся с правдой житейской, материальной»². Причем решения по ним признавались бы окончательными и не подлежащими обжалованию.

¹ Албогачиева М.С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. этнология, история, археология, культурология: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова / РАН; отв. ред. Ю.Ю. Карпов, И.В. Стасевич. СПб, 2009. С. 114-118; Арсанукаева М.С. Горско-казачьи суды в Чечне и Ингушетии (начало XX в.) // Юридический мир. 2009. № 7. С. 76-80; Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках...; Арсанукаева М.С. Общественные суды в Терской области и их роль в нормализации межнациональных отношений (начало XX в.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 26-30; Прасолов Д.Н. Съезды (сборы) доверенных в интеграционных процессах у народов Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4 (41). С. 61-65; Абазов А.Х., Жиров Р.М., Жугов А.А. Осетино-ингушский смешанный суд присяжных; Абазов А.Х. Проекты и практики учреждения смешанных судов присяжных в Нальчикском округе в 1907-1908 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 6 (110). С. 275-283.

² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 62.

Еще одна линия взаимодействия некоторых горских словесных судов и институтов самоуправления прослеживается по вопросам дополнительного финансирования их деятельности за счет общественных (народных) средств. По общему правилу финансирование деятельности горских словесных судов осуществлялось в основном из средств, собранных с местного населения по земским раскладкам¹. Практика назначения вознаграждения выборным от населения судьям-депутатам и кадию от местного населения имела некоторые локальные особенности. Финансовое обеспечение деятельности, например, временного отделения Нальчикского суда было отнесено на счет местных жителей, при этом сбор необходимой суммы был включен в раскладку земских сборов и возложен на представителей балкарского населения Нальчикского округа². В 1888 г. на содержание временного отделения Нальчикского суда за счет общественных средств предполагалась ассигновать по 2500 руб. в год³. В документах встречаются сведения о раскладке суммы, необходимой для финансирования деятельности этого отделения. Например, председателю (если он не получал другого жалования за счет казенных средств) полагалась выплата в сумме 900 руб. в год, судье-депутату от представителей балкарского населения – 600 руб., переводчику – 300 руб., делопроизводителями (писцам) – по 360 руб., сторожу – 120 руб., расходы на аренду помещения – 250 руб. и на канцелярские товары – 300 руб.⁴ Однако в итоговую раскладку на этот год попала сумма в 1 850 руб.⁵. Финансовое обеспечение временного отделения Нальчикского суда распределялось равномерно между жителями 2 участка Нальчикского округа и включалось в их раскладку земских денежных повинностей. Получается, что временное отделение Нальчикского суда полностью финансировалось не за счет казенных средств, а за счет сборов от подведомственного ему местного населения.

¹ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы... С. 183.

² Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного... С. 113

³ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 89. Л. 123; Цит. по: Муратова Е.Г. Балкарские горские общества... С. 20.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1279. Л. 1-2; Цит. по: Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 119.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–1 об.

Помимо финансирования временного отделения Нальчикского суда исключительно за счет общественных средств, в деятельности некоторых других судов практиковались надбавки к казенным окладам от местного населения. Например, в последней трети XIX – начале XX в. в Нальчикском округе размер жалования судей основного отделения суда также определялся в общественных приговорах Съезда доверенных сельских обществ региона и подлежал в установленном порядке утверждению начальником области¹. Причем это делалось из-за того, что помимо положенного жалования от казны выборным назначалось дополнительное жалование за счет общественных средств. Например, на основании приговора Съезда доверенных сельских обществ от 18 декабря 1890 г., утвержденного начальником области 21 января 1891 г., избранному от народа кадию полагалось 300 руб. в год от казны и 450 руб. дополнительно «от народа»². Судьям-депутатам, соответственно, по 200 руб. в год от казны, и по 400 руб. за счет общественных средств³. Кроме того, иногда дополнительные средства выделялись и на хозяйственное обеспечение деятельности судов: на канцлерские расходы, на оплату проезда служащих суда для решения вопросов и т.п. В других регионах Терской и Кубанской областей также часть денег на обеспечение деятельности этих направлений суда финансировалось за счет средств общественных капиталов. Например, в 1910 г. на канцелярские расходы Баталпашинского суда выделялось 1000 руб. в год, из них 100 руб. по смете управления Баталпашинского отдела (за счет средств от земских сборов), 400 руб. выделялось за счет горских штрафных сумм (денег, собранных от назначенных штрафов), 200 руб. – из общественных сумм «зеленчукского народа», 300 руб. из общественных сумм карачаевского народа⁴. Круг этих примеров можно продолжить, но все они подтверждают, что деятельность некоторых судов выстраивалась на основе казенного и общественного софинансирования.

¹ УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп 1. Д. 2175. Л. 105–105 об.

² Там же. Л. 105.

³ Там же.

⁴ Материалы по обозрению... С. 49.

Таким образом, отправление функций правосудия и осуществление дополнительных видов деятельности горских словесных судов реализовывалось в том числе и за счет его совместной скоординированной работы с институтами самоуправления: сельскими старшинами, сельскими (аульными) судами, неформальными народными судами, коллективами делегатов от населенных пунктов, общественными суммами и кассами и т.п. Старшины селений осуществляли большой набор полномочий по отношению к судам: организация доставления в суд участников процесса, обнародование решение судов, организация выборов доверенных, сбор налогов, исполнение приговоров и т.п. Локальная специфика такого взаимодействия прослеживается на примере Съезда доверенных Нальчикского округа, который по отношению к судам организовывал выборы судей-депутатов и кадия, собирая с местного населения средства по раскладкам в том числе и на финансовое обеспечение их деятельности, инициировал вопросы их реструктуризации идеальной оптимизации расходов на содержание, принимал новые нормы поведения, участвовал в обсуждении их территориальной подведомственности и т.п. Другие коллективные собрания могли также принимать новые правила и нормы поведения, за нарушение которых соответствующий суд мог привлекать к ответственности. Во взаимодействии с сельскими (аульными) и посредническими словесными судами выполняли функции апелляционной и надзорной инстанции. В отношении сельских судов пересматривали принятые решения (утверждали, отклоняли или предлагали собственное решение), вели учет апелляций, в некоторых случаях – вели учет принятых решений на основании норм мусульманского права и т.п. В отношении посреднических – передача (в некоторых случаях) всех нерешенных дел на их рассмотрение, пересмотр решений по апелляционных жалобам по всему спектру решенных дел, проверка правильности и утверждение принятых решений и т.п. Институты, аккумулировавшие общественные финансы, частично отвечали за софинансирование деятельности словесных судов (надбавка к установленным окладам за счет казенных средств, хозяйственное обеспечение их деятельности).

3.3 Признаки системного кризиса и поиски путей преобразования системы горских словесных судов в общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в.

Оценка эффективности и отзывы о деятельности горских словесных судов со стороны представителей власти и общественности на протяжении всего периода их функционирования является одной из важных характеристик при определении их места в судебной системе Российской империи в дореволюционный период. Современники как непосредственные участники и очевидцы описываемых событий давали аутентичные оценки деятельности этих судов, основанные на документальных и статистических данных, оценках участников процесса, включенном наблюдении и т.п. Наиболее подробные составленные в последней трети XIX – начале XX в. описания деятельности горского словесного суда принадлежат представителям власти (наместнику Кавказа Великого князю Михаилу Николаевичу; наместнику Кавказа И.И. Воронцову-Дашкову; сенатору Н.М. Рейнке; начальникам Терской области А.П. Свистунову и С.В. Кахранову; начальникам Кубанской области С.А. Шереметеву, Я.Д. Маламе и Н.И. Михайлову; председателю Веденского суда Н. Чернову; служащему Н.Ф. Грабовскому; товарищу прокурору П.А. Бурменскому и др.) и общественности (отставному генерал-лейтенанту Т.А. Шипшеву; публицисту Г.А. Вертепову; поэту, драматургу, публицисту, этнографу, общественному деятелю К.Л. Хетагурову; очевидцу Б.А. Ланге; исследователю И. Аничкову; общественному деятелю М.-Г. Шипшеву; представителям национальной интеллигенции М.К. Абаеву и Б. Шаханову; кадию суда У. Мекерову и др.). Причем в них давались полярные оценки эффективности деятельности судов: от положительных, одобрительных до критичных с выявлением признаков системного кризиса и поиском новых эффективных моделей судоустройства и судопроизводства.

Так, в первые годы после учреждения горских словесных судов в политической риторике присутствовали в основном положительные характеристики данного нововведения. Например, наместник Кавказа в 1872 г., подводя итоги почти двухлетнему опыту функционирования судов, не видел в их деятельности признаков несостоинственности и преждевременности их введения¹. При этом некоторые попытки осетинского и части кабардинского населения Терской области выступить с ходатайством в начале 70-х гг. XIX в. об упразднении у них горских словесных судов натолкнули наместника Кавказа на мысль о том, что это служит доказательством того, что «население это уже проникается убеждением в превосходстве правильного суда над судом обычным»². В последующем некоторые критические замечания фиксировались и в периодической отчетной документации начальников Терской и Кубанской областей. В основном приводились статистические данные о количестве решенных и нерешенных дел, где в основном по этому вопросу демонстрировалась отрицательная динамика³. Однако в политической риторике была и позитивная коннотация обсуждений деятельности этих судов в отчетности начальников областей. Например, в отчете за 1878 г. начальника Терской области А.П. Свистунова отмечалось о полном доверии и подчинении жителей области этим судам⁴. В схожем смысле можно отметить и отчет начальника Терской области за 1885 г.⁵

Первые мысли о возможности реорганизации горских словесных судов и оптимизации их деятельности на отдельных примерах в общественном сознании стали появляться еще в середине 70-х гг. XIX в. Так, например, еще служащий Главного управления наместника на Кавказе (1874–1878), судебный следователь Пятигорского (впоследствии Нальчикского) округа (1878–1882), участковый мировой судья Владикавказского округа (1882–1889), а после

¹ Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Е.И.В. великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря. 1872 г. – Тифлис, 1873. С. 62.

² Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления… С. 63.

³ См., например: УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 96. Л. 60.

⁴ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 96. Л. 64 об. – 65.

⁵ УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 105. Л. 64.

отставки частный поверенный Н.Ф. Грабовский указывал на стремление ингушей разбирать споры во Владикавказском окружном суде, а не в Назрановском суде¹, т.к., по его мнению, их обычаи имели ограниченные возможности по вопросам применения материальных компенсаций для возмещения ущерба (например, не предусмотрены повторные компенсации на угощение) и, соответственно, не применялись судом, что делало их во многом схожим по функционалу с окружным судом². Он обращал внимание на то, что Назрановский суд, потеряв свое назначение как суда по обычаю «по личному составу своему, не дает гарантии к правильному решению их дел по закону и потому, естественно, они (ингуши. – *M.X.*) стремятся переносить свои дела в окружной суд»³. Преимущества Владикавказского окружного суда перед Назрановским судом он объяснял еще и тем, что при разбирательстве дел учитывался не только сам факт правонарушения, а «причины, вызвавшие эти преступление, смягчающие и увеличивающие вину обстоятельства»⁴. К тому же здесь для местного населения увеличивалась угроза несения двойного наказания: материальной компенсации (штрафа) по нормам обычного права и личного (лишение свободы и т.п.) по российскому праву, что позиционировало суд как невыгодное для них учреждение⁵. В этом он считал, что учреждение суда являлось не уступкой для этой группы населения, а стало «более строгим преследователем всякого преступления»⁶, и усматривал стремление представителей местного населения перейти от традиционного народного правосудия к судопроизводству по общероссийским законам в общем (окружном) или мировых судах.

В первой половине 80-х гг. XIX в. вопросы реформирования горских словесных судов Кубанской области поднимались начальником Кубанской области генерал-адъютантом С.А. Шереметевым на основе увеличивавшегося потока жалоб от представителей коренного населения на медленное

¹ Грабовский Н.Ф. Ингushi: их жизнь и обычаи // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. № 9. С. 68.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 69;

⁶ Там же.

рассмотрение дел¹. Для понимания сути проблемы были предприняты попытки собрать информацию через атаманов отделов о состоянии дел в судах на местах. Одним из объяснений в замедленном решении дел в горских сло-весных судах Кубанской области называлось их недостаточное финансирова-ние. А к началу 90-х гг. XIX в. атаманы отделов Кубанской области выразили коллективное мнение о соответствии судов потребностям местного населения в правосудии и об отсутствии необходимости их реформирования². Это стало основанием для возбуждения ходатайств об увеличении объема финансирова-ния их деятельности.

При этом следует отметить, что сами же представители мусульманского духовенства также нередко выступали с предложениями о принятии регламен-тов по упорядочиванию их деятельности, в том числе и в сфере решения спо-ров и конфликтов по нормам мусульманского права. Так, например, в начале 80-х гг. XIX в. кадий 1 Баталпашинского суда У. Мекеров выступал за преоб-разования в сфере духовной деятельности в регионе, говорил о необходимости установления контрольной духовной инстанции³, т.е. ставил вопросы о выве-дении функций апелляционной (контрольной) инстанции из компетенции начальников областей и передаче ее специально созданным духовным инсти-тутам.

Руководство Терской области выявляло аналогичные сложности. Напри-мер, в отчете областного начальника С.В. Каханова за 1891 г. отмечалось также о медлительности принятия решений в судах по разбирательству уголовных и гражданских дел⁴. Ранее мы отмечали, что медлительность разбира-тельства дел была в основном связана со сложностями обеспечения участия в заседаниях ответчиков, подсудимых, свидетелей и т.п.

¹ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 401.

² Там же. С. 402.

³ ГА КК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 9-9 об., 11-11 об; Цит. по: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к. С. 391.

⁴ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о со-стоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892. С. 83.

Г.А. Вертепову принадлежит серия статей в региональной прессе конца 90-х гг. XIX в. – начала XX в., часть которых напрямую затрагивает эти суды Терской области¹, где он критично высказывался по вопросу о низкой эффективности приносимых сторонами в суде очистительных присяг. Кроме того, Г.А. Вертепов признавал неэффективным применения в качестве основы принятия словесными судами решения на основе нормы обычного права и шариата, мотивируя это тем, что это не имеет ничего общего с соответствовавшими требованиями времени принципов судопроизводства².

В общественном дискурсе также предпринимались попытки выявления недостатков функционирования системы горских словесных судов. Так, в конце XIX в. отставной генерал-лейтенант Т.А. Шипшев указывал в качестве таковых недостатков отсутствие во Временных правилах 1870 г. положений о кассационной инстанции в отношении них, указывая на таковую роль исключительно начальников областей³. В числе других издержек их деятельности он приводил и формальный характер выборов судей-депутатов⁴. Для улучшения качества их работы он предлагал назначать на должность председателя опытного служащего с юридическим образованием, отделить словесные суды от администрации и поменять апелляционную инстанцию на Владикавказский окружной суд⁵. Так, он указывал на системные недостатки, устранение которых было бы направлено на внутреннее качественное повышение эффективности их деятельности при сохранении формы и основного функционала.

В самом начале XX в. видный деятель литературы и искусства К.Л. Хетагуров на страницах региональной прессы также критично высказывался об издержках отправления функции правосудия в горских словесных судах Терской области, например, о недостаточной подготовке к такой работе у

¹ См. об этом: Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2010. № 4 (43). С. 37–47.

² В-в. (Вертепов) Г. Письма из Владикавказа. Горцы и наша политика // Северный Кавказ. № 47. 18 июня 1892 г. / Архив СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 70.

³ Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16... С. 554.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 555.

председателей судов, взяточничестве и лжесвидетельстве¹. Основная критика К.Л. Хетагурова в отношении судов заключалась в том, что ими руководил служащий без специального юридического образования², организация их деятельности создавала благоприятную среду для развития злоупотребления нормами обычного права многими участниками процесса (например, взяточничество и лжесвидетельство)³. Он был сторонником реорганизации системы горских словесных судов в Терской области⁴, считая необходимых отнести местных жителей к подведомственности «общесудебных учреждений императора Александра II, включительно до суда присяжных»⁵. Также следует отметить, что проблематика функционирования судебных учреждений Терской области (в том числе, и словесных судов) затрагивалась и в других публикациях К.Л. Хетагурова в региональной дореволюционной периодике («Общественный приговор», «Накануне», «Неурядицы Северного Кавказа»)⁶.

Путешественник Б.А. Ланге, постивший территорию проживания представителей балкарского населения Нальчикского округа в самом начале XX в., также указывал на длительную волокиту и сутяжничество как на недостаток системы горских словесных судов⁷ (на примере деятельности временного отделения Нальчикского суда) и их широкий (помимо исключительно судейских) функционал⁸.

Б. Шаханов также указывал на лжесвидетельство в словесных судах как сдерживающий фактор развития судебной системы региона в начале XX в.⁹. Другой недостаток он видел в том, что эти суды были по своей сущности

¹ Цит. по: Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция"… С. 916.

² Хетагуров К.Л. Горский словесный суд [Электронный ресурс]. URL: http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/Gorskiy_slovesnyy_sud.htm. Дата обращения: 25.04.2016 г.;

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Коста Хетагуров // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://hetagurov.ru/> (Дата обращения: 12.04.2024 г.).

⁷ Ланге Б.А. Балкарья и балкарцы // Кавказ. Тифлис, 1903. 25 окт. № 283; 29 окт. № 287; 30 окт. № 288; 5 ноября № 294; 12 ноября № 301; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии. Ростов н/Д, 2012. С. 314–332.

⁸ Ланге Б.А. Балкарья и балкарцы…

⁹ Ш. (Шаханов Б.) Горский словесный суд // Терские ведомости. 1901. № 67. [Электронный ресурс]. URL: http://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshhie_1/gorskij_slovesnyj_sud/28-1-0-1795. Дата обращения: 13.10.2016 г.;

народными институтами правосудия¹, что уже не соответствовало уровню развития механизма российского государства в регионе. Он считал необходимым или заменить их судами общей юрисдикции, или «дать им прежнюю чисто народную организацию»², т.е. высказывался за их ликвидацию в пользу отнесения местного населения к компетенции имперских низовых и общих судов.

Определенный интерес представляют собой оценки эффективности деятельности отдельных судов, составленные их непосредственными работниками (практиками). Например, в начале XX в. председателем Веденского суда Н. Черновым была составлена «Записка для памяти о горских словесных судах в Терской области»³, в которой анализировались некоторые их позитивные и негативные практики. В числе негативных приводились примеры недобросовестного исполнения судьями своих обязанностей, снижения функциональности некоторых традиционных институтов правосудия местных жителей (например, возможность принесения очистительной присяги по неподтвержденным, недостоверным фактам и т.п.)⁴. А.Т. Урушадзе обратил внимание на то, что эта записка позже пристранно цитировалась в работе Н.М. Рейнке⁵, что говорит о точности его обобщений и выявленных сложностей в деятельности словесных судов на примере Веденского суда, который в определенной мере можно экстраполировать и на всю систему горских словесных судов Кубанской и Терской областей. В их числе вопросы кадрового состава, компетенции служащих и снижение функционала институтов народного правосудия – основного условия функционирования этой системы.

Еще в 1902 г. начальник Кубанской области Я.Д. Малама в обращении к командующими войсками Кавказского военного округа перечислял следующие признаки несостоятельности и несоответствия словесных судов «современным требованиям горской общественной жизни»: 1) отсутствие юридического образования у председателей судов и полное отсутствие

¹ Там же.

² Там же.

³ Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция"… С. 914.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 920.

соответствующих компетенцией у судей-депутатов судов; 2) избрание депутатов-судей от всего коренного населения региона, тогда как каждое этническое общество обладало своими самобытными институтами соционормативной культуры, которые могли качественно отличаться от аналогичных институтов соседних этнических групп; 3) фактическое отсутствие апелляционной инстанции; 4) низкая популярность этих судов у представителей местного населения; 5) применение в судопроизводстве некоторых обычаев, отчасти противоречивших российским законам (похищение женщин с целью заключения брака, барантование – насильственный захват чужого имущества потерпевшей стороной у нарушителя в качестве материальной компенсации за причиненный ущерб и т.п.)¹. Эти же признаки их несостоятельности были продублированы начальником Кубанской области Н.И. Михайловым во Всеподданнейшем отчете за 1906 г. Кроме того, в этом отчете была добавлена еще одна причина – слабое владение русским языком представителями коренного населения, тогда как делопроизводство в судах велось на русском языке². К этому же можно добавить и вопросы компетенции и познаний в области мусульманского права у кадиев судов. На материалах горских словесных судов Кубанской области эти вопросы ставились в исследованиях И.Л. Бабич³ и Р.С. Кандор⁴ и отмечалось их невысокое качество по состоянию на конец XIX – начало XX в. Кроме того, российские власти практически не обращали внимание на развитие мусульманского образования в Кубанской области⁵. Однако в этих материалах не предлагалось путей преобразования сложившейся системы.

В 1907 г. обозреватель системы низших российских судов (в том числе и горских словесных судов Кубанской и Терской областей) И. Аничков в качестве главных признаков несостоятельности их деятельности выделял, что их значительная компетенция не соответствовала их устройству из-за отнесения

¹ Цит. по: Материалы по обозрению... С. 29.

² Материалы по обозрению... С. 30.

³ Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1(57). С. 71, 76–77.

⁴ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм... Автореф. дисс. д-ра ист. н-к... С. 38.

⁵ Кандор Р.С. Процесс инкорпорации... Дисс. д-ра ист. н-к... С. 120.

по подведомственности к администрации (в отношении горских словесных судов Кубанской и Терской областей, соответственно, областным правлениям)¹. Это, по его мнению, недостаточно обеспечивало интересы тяжущихся «от всякого рода усмотрения или пристрастия», и поэтому они не могут считаться независимыми². Здесь подчеркивается фактор субъективного отношения служащих низовых судов при отправлении функции правосудия.

В 1907 г. видный общественный деятель М.-Г. Шипшев предлагал начальнику Нальчикского округа ряд мер по реорганизации структуры и характера деятельности Нальчикского суда, необходимости создания для этого специальной комиссии. Кроме того, ставил вопрос о целесообразности его существования, возможности его ликвидации или увеличения компетенции сельских судов³. На что из окружного правления был дан ответ, суть которого заключалась в том, что реорганизация этих судов выходила за пределы их компетенции, а вопрос по сельских судам был включен в повестку очередного Съезда доверенных⁴.

В 1910 г. в статье присяжного поверенного Б. Далгата представлен не только обзор состояния горских словесных судов, но и фактически выражено солидарное мнение членов юридического отдела Владикавказского политехнического общества с предложениями мер по реформированию региональной судебной системы⁵.

Одной из возможных причин для возбуждения и обсуждения вопросов о реорганизации горских словесных судов в начале XX в. было изменение обстоятельств и условий их существования, а также некоторое повышение уровня жизни населения, в определенной мере – инфляция, при том, что учрежденные лимиты сумм исков не менялись на начала 70-х гг. XIX в., что отчасти и приводило к увеличению числа разбираемых споров и конфликтов и усилении нагрузки на них.

¹ Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов... С. 32.

² Там же. С. 31.

³ Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства... С. 121.

⁴ Там же.

⁵ Далгат Б.К. О горских словесных судах...

Видный представитель балкарской национальной интеллигенции начала XX в. М.К. Абаев говорил о Нальчикском суде (которому было подсудно балкарское население округа) как об удачной замене традиционных институтов правосудия после присоединения Балкарии к России¹. Словесный суд он представлял не исключительно как судебное учреждение, а еще и наделенное некоторыми административными полномочиями и выполнявшее поначалу посреднические функции между представителями российской власти и коренным населением². Сложности организации деятельности горских словесных судов он видел в том, что председатель поначалу фактически исполнял «скорее обязанность секретаря, так как дела разбирались словесно и по обычаям, в которых чиновник не был сведущ, и роль председателя принадлежала старшему по происхождению и возрасту депутату, в котором жители продолжали воображать себе олия»³. Компетенцию этих судов он оценивал как «солидную». При этом его критика горских словесных судов заключалась в том, что к началу 10-х гг. XX в. они оставались «похожи на прежний суд, суд народный и по идее – суд совести, только лишь своим названием и составом»⁴. Работа этих судов, по его мнению, осложнялась еще и тем, что суды (депутаты) не только не знали русского языка, но и уже хуже знали и ориентировались в народных правовых обычаях по сравнению с представителями старшего поколения⁵. А председатели, в свою очередь, не знали языков и обычаев местных жителей. На снижение эффективности деятельности горских словесных судов влияло и то, что к этому времени функции апелляционной инстанции де-факто выполняли не сами начальники их областей, а их помощники (и помощники правителей канцелярии), которые были обременены выполнением широкого круга других (не связанных с судопроизводством) функций и не имели возможности качественно и глубоко вникать в суть разбираемых дел. Однако при этом он полагал, что «горские суды нужны горским племенам, и будут они

¹ Абаев М.К. Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). – 1911. – № 14-17. – С. 586-627.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

необходимы еще долго», и не находил адекватной альтернативы для их замены¹. Основные направления модернизации системы горских словесных судов М.К. Абаев видел в необходимости повышения оплаты труда депутатов – судей и представителей мусульманского духовенства для усиления конкурентоспособности и повышения престижа работы в судах, в предъявлении дополнительных требований к должности председателей для назначения на эти должности «соответствующих людей», и в образовании «областных коллегиальных апелляционно-кассационных судов» в качестве вышестоящих судов по отношению к ним².

В начале 10-х гг. XX в. в материалах комиссии под руководством Н.М. Рейнке обращалось внимание, что зачастую председатели судов (в частности, в Кубанской области) были в основном без юридического образования и не обладали достаточными компетенциями для применения в деятельности как законов, так и норм обычного права коренных жителей³. Кроме того, в материалах отмечалось, что в течение 1910 г. в Екатеринодарском суде обязанностей председательствующего попеременно исполняли 6 человек: командир пластунского батальона коллежский советник Путай; командир пластунского батальона, войсковой старшина Бирюлькин; офицер, осматривающий оружие, подъесаул Долгов; старший помощник атамана отдела, войсковой старшина Косинов; адъютант пластунского батальона, сотник Черный; титулярный советник Капустин⁴. И ни у одного из них не было юридического образования. Хотя такая необходимость подчеркивалась в то время в отношении всех горских словесных судов Кубанской области⁵. Эту деталь Н.М. Рейнке подчеркивал неоднократно, усиливая свое мнение и тем, что в таких случаях председательством в горских словесных судах окружных начальников или их помощников не является обстоятельством, не гарантирующим ни обеспечение интересов сторон – участников разбирательства, ни достижение поставленных для

¹ Абаев М.К. Балкария...

² Там же.

³ Материалы по обозрению... С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

них государством задач¹. Все это приводило к снижению качества деятельности председателя суда в этой должности и нередко отмечалось, что это приводило к его пассивному положению в этом статусе: «выступая более активно, подчиняя туземных судей своему влиянию, председатель нарушает действующие правила, а тем самым может являться проводником не культурных начал, а судебного произвола и полной анархии»². Это еще раз говорит о том, что вопросы об образовательном цензге председателей судов не выходили из общественно-политического дискурса.

Другим признаком кризиса в деятельности горских словесных судов, на который обращалось внимание специалистов и представителей общественности, было некачественное исполнение председателями должностных обязанностей по руководству и координации их деятельности. Комиссия Н.М. Рейнке пришла к выводу, что председатели судов Кубанской области некачественно исполняли свои обязанности по наблюдению за скорым и правильным движением дел и за точным исполнением подчиненными им служащими своих должностных обязанностей, а также по принятию и назначению к разбирательству дел и подготовке предварительных решений по ним³. Это приводило и к замедлению темпов решения споров и конфликтов. Образцовым в этом отношении в 1910 г. признавался Майкопский суд, где были отмечены высокие темпы производства и по делам, и образцовое делопроизводство. Однако это объяснялось исключительно личными качествами и трудолюбием председателя суда⁴. Другим фактором снижения эффективности деятельности горских словесных судов в Кубанской области было отвлечение председателей суда от исполнения основных обязанностей по этой линии и выполнение поручений высшего в регионе начальства по производству мероприятий по предварительному расследованию преступлений, преследованию преступников⁵ и т.п.

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 14.

² Там же. С. 16.

³ Материалы по обозрению... С. 11.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Материалы по обозрению... С. 11.

Еще одним признаком неэффективности деятельности горских словесных судов, на которые было обращено внимание специалистов, был невысокий размер жалования судей, что делало эту должность непрестижной. В материалах по обозрению их деятельности от 1912 г. говорилось, что «при таких условиях является возможность и недобросовестного отношения к разрешению дел, не говоря уже о том, что лица наиболее достойные из горского населения не идут в настоящее время в депутаты, именно в следствие скудности получаемого депутатами содержания»¹. Однако в материалах не давалась оценка софинансирования их деятельности за счет общественных средств и не соотносились оклады служащих судов с окладами других категорий работников государственных органов.

Для определения перспектив и основных направлений деятельности горских словесных судов практиковались сборы («административным порядком») данных об общественном мнении о целесообразности и формах их существования. Так, сведения о таком сборе мнений в Кубанской области по состоянию на начало 10-х гг. XX в. содержатся в материалах комиссии Н.М. Рейнке и проекте «Основных положений об устройстве судебной части для горского населения Кубанской, Терской, Карской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского»². Согласно этим данным, большинство представителей местного населения высказывались за оставление этих судов в прежнем виде (без изменений). Часть опрошенных (представители 6 населенных пунктов области) выступала за их сохранение в прежнем виде, но с назначением на должность председателя специалиста с юридическим образованием. Представители двух аулов придерживались мнения об оставлении этих судов в прежнем виде для решения гражданских споров, а уголовные дела предлагалось передать в подведомственность мировых судов. Представители двух аулов высказались за изменение их подсудности и ее возвращение (с незначительными изменениями) к тому виду, как это было определено Временными правилами 1870 г.

¹ Там же. С. 12.

² Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция"… С. 916.

Население четырех населенных пунктов выступило за изменение подсудности в сторону расширения его компетенции по делам, отнесенными к разбирательству по нормам мусульманского права (без ограничения суммы иска). Жители 9 аулов области высказывались за различные формы изменения подсудности горских словесных судов; 4 аулов – за преобразование путем учреждения вышестоящей инстанции для них; 1 аула – за замену единоличным мировым судьей при участии кадия при решения дел по нормам мусульманского права; 2 аулов – за полную ликвидацию и замену их мировыми судами; 4 аулов – за замену мировыми судами и отнесение шариатских дел на единоличное решение кадия; 8 аулов – за создание нового типа словесных судов. Жители 5 аулов отказались принимать участие в сборе мнений¹. Однако, по заключению самой комиссии Н.М. Рейнке, такое разнообразие мнений и их расхождение с ранее высказанными могло объясняться тем, что это было основано, с одной стороны, на недостаточно серьезном и вдумчивом отношении аульных сборов «к предложенному на их обсуждение весьма важному для населения вопросу, а с другой стороны, быть может, и на то, что приговоры этих сборов были до известной степени инспирированы кем-либо из влиятельных горцев, так или иначе заинтересованных в дальнейшем существовании Горских Судов»². Еще одним возможным направлением реорганизации горских словесных судов в Кубанской области было предложение кадия Баталпашинского суда в 1911 г. об учреждении съезда кадиев в качестве апелляционной инстанции по делам, относящимся к компетенции мусульманского права³. Однако такое мнение нашло возражение председателя Баталпашинского суда⁴. Еще одним предложением была реорганизация горских словесных судов Кубанской области путем объединения Майкопского и Екатеринодарского судов⁵. Все этого говорит о том, что, несмотря на критику деятельности судов, к началу 10-х гг. XX в. ни на официальном (государственном), ни на общественном уровне не было

¹ Материалы по обозрению... С. 27–28.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 56.

выработано единой точки зрения по вопросам оптимизации и реорганизации их деятельности.

В монографии Н.М. Рейнке от 1912 г. содержался текст пояснительной записки к проекту основных положений об устройстве судебной части для горского населения Кубанской, Терской, Карской, Батумской, Дагестанской областей и Закатального округа¹. В ней он предлагал в качестве возможных вариантов реформирования сложившейся судебной системы для коренного населения Терской и Кубанской областей следующее: во-первых, установить вторую (апелляционную) инстанцию; во-вторых, отделить в них судебную часть от административной². В качестве альтернативной меры реформирования системы в записке говорилось о целесообразности исключения выборного компонента из деятельности горских словесных судов и уравнивании их с мировыми судами для остальной категории населения областей³. Сам же Н.М. Рейнке доказывал, что «нельзя признавать целесообразным предложение о преобразовании горских судов с сохранением их обособленности»⁴.

В 1913 г. наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков во всеподданнейшем отчете по итогам восьмилетней работы в должности отмечал о необходимости реформирования системы народных (в том числе и горских словесных судов), ссыпался на свои же доводы об этом императору шестилетней давности и упомянул о том, что они были подтверждены и результатами проверки комиссии Н.М. Рейнке⁵. Кроме того, он полагал, что кавказское общество было уже подготовлено к проведению судебной реформы, т.к. в 15 июня 1912 г. закон о преобразовании местного суда⁶ создавал для этого благоприятную платформу в отношении народов Кавказского региона.

¹ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края... С. 3.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 17.

⁶ См. об этом: Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда 15-го июня 1912 г. Санкт-Петербург, 1913. 248 с.

Таким образом, в общественно-политическом дискурсе последней трети XIX – начала XX в. по вопросам деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей формировались полярные мнения: от выявленных признаков системного кризиса и предложений об их полной ликвидации до поисков возможных путей преобразования. По мнению большинства современников рассматриваемых событий и явлений, признаки кризиса системы горских словесных судов выражались в ходатайствах некоторых представителей местного населения об их упразднении как не отвечавших их потребностям в правосудии и не выдерживавших конкуренцию с официальными судами; возложении функций вышестоящей инстанции не на судебные учреждения, а на начальников областей; несоответствии их ключевых сотрудников (председателей и судей-депутатов) представлениям о соответствующем образовательном цензге; непопулярность среди местного населения; не учитывание судьями всех обстоятельств конфликта, имевших отношение к определению вида и размера наказания; злоупотребление судьями своими полномочиями и недобросовестное отношение некоторых представителей местного населения к принятию очистительных присяг. Причем с течением времени количество критичных характеристик возрастало, что представляет собой дополнительный интерес при исследовании особенностей функционирования этих судов и их места в судебной системе имперского государства в дореволюционный период. Также специалисты и представители общественности обращали внимание на такие формы трансформации правосознания местного населения, как стремление перейти от традиционных форм правосудия к судопроизводству по законам. Предлагаемые пути преобразования были подготовлены с опорой на институциональный подход (смена надведомственного учреждения, создание апелляционных и контрольных инстанций, в том числе и специализированных – ориентированных на контроль конкретной сферы их деятельности, расширение компетенции сельских / аульных судов и т.п.). Однако до революции 1917 г. и гражданской войны преобразования системы этих судов Кубанской и Терской областей так и не были проведены.

В целом, отправление правосудия и осуществление дополнительных видов деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей обеспечивалось во многом за счет их отлаженного взаимодействия с учреждениями власти и институтами самоуправления. Со временем сложились практики софинансирования их деятельности как за счет казенных, так и общественных (народных) средств, что являлось дополнительным фактором повышения их эффективности. Однако сразу же после их учреждения наметились признаки системного кризиса, что стало повесткой активного и постоянного общественно-политического дискурса вплоть до революционных событий 1917 г. и гражданской войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования мы сделали ряд выводов:

1. До введения горских словесных судов в 1871 г. власти накопили богатый опыт судопроизводства в отношении представителей местного населения, сочетавшего принципы российской судебной системы и элементы традиционного правосудия местных жителей. Предшественниками образованных в Терской области были окружные народные суды, образованные в горских округах после 1858 г. Их аналоги некоторое время функционировали с 1866 г. и в регионах Кубанской области (окружные словесные суды). Несмотря на то что народы этих областей по-разному и в разное время включались в систему органов российской власти, некоторые апробированные элементы сложившейся до введения словесных судов судебной системы применялись и в деятельности существовавших прежде судов: все суды применяли в деятельности нормы обычного и мусульманского права, судьями избирались представители местного населения, ключевые позиции занимали представители российской администрации в регионе. Основное отличие состояло в том, что их правопредшественники функционировали в строгих территориальных рамках административного округа, а горские словесные суды – в большей мере в рамках этнической территории подведомственного народа. Другое обстоятельство, подчеркивавшее своеобразие этих судов в российской судебной системе заключалось в том, что они находились в административном подчинении начальников областей, а основной (уставной) документ (Временные правила 1870 г.) принимался на уровне Кавказского наместника. Сформировавшийся с течением времени массив нормативно-правовых актов по деятельности горских словесных судов регламентировал различные аспекты судоустройства и судопроизводства, а для учета изменений в праве и правовых новелл каждый из них выработал механизмы их внедрения в практику – от внешней коммуникации с надведомственными учреждениями до учета в работе в адаптивном под локальные реалии виде.

2. Экстерриториальный принцип деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей заключался в том, что на территории одного округа или отдела создавались один или два суда в зависимости от этнического состава их населения (в Баталпашинском отделе Кубанской области, Грозненском округе Терской области, на период до ликвидации Владикавказского суда – Владикавказском округе Терской области); в случаях, если представители одного народа проживали на территории разных административных единиц области, территориальная подведомственность одного суда могла выходить за пределы региона функционирования (Нальчикского округа и Сунженского отдела Терской области в Нальчикском суде); в целях оптимизации деятельности один словесный суд мог быть разделен на несколько отделений по этническому принципу (в Нальчикском суде). Это придавало им определенную устойчивость от необходимости преобразований и уточнения территориальной подведомственности на фоне частных административно-территориальных преобразований – их общее количество с момента образования и до ликвидации (за исключением упраздненного сразу после образования Владикавказского суда по причине нецелесообразности) оставалось неизменным при общем увеличении числа округов и отделов в Кубанской и Терской областях.

3. В основу комплектования кадрами горских словесных судов Кубанской и Терской областей были заложены апробированные еще до введения системы военно-народного управления, когда руководящие позиции отводились представителям российской военной администрации, а базовые должности занимали выборные делегаты от местного населения. Эти суды состояли из председателя (младшего помощника атамана отдела или начальника округа, в которых они функционировали), выборных от местного населения судей-депутатов и кадия. Председатели судов имели офицерские звания, чины не ниже войсковых старшин и титулярных советников. Так, по линии комплектования кадрами горские словесные суды продолжили традицию, заложенную на Центральном Кавказе еще в конце XVIII в. при создании Моздокского верхнего пограничного суда. Присутствие в их составе представителей разных групп

общества (офицер, избранник от народа, мусульманский судья) соответствовало специфике их деятельности. Председатель, совмещая должность помощника начальника административно-территориальной единицы, в которой создавался и функционировал суд, осуществлял общее руководство его деятельностью, взаимодействовал с органами власти и должностными лицами по подведомственности и единолично разбирал сложные дела; судьи-депутаты – избранники от народа - коллегиального принимали участие в принятии решений по делам, относящимся к разбирательству по нормам обычного и мусульманского права; кадий – толковал нормы мусульманского права применительно к конкретному спору или конфликту (отнесенному к подсудности по шариату). Такой подход к комплектованию кадров на практике приводил к проявлению разных эффектов деятельности горских словесных судов. С одной стороны, встречались случаи превышения должностных полномочий судьями и выход за пределы установленной компетенции при принятии решений по спорам и конфликтам. С другой, - обнажал признаки системного кризиса на фоне общей недостаточно квалифицированной деятельности помощников начальников отделов или округов в должности председателей судов.

4. Разбирательство уголовных дел по преступлениям с невысокой степенью общественной опасности представляло собой одно из основных направлений деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской области на протяжении всего периода их функционирования. Их отличительной особенностью по сравнению с общими имперскими судами было то, что одна часть уголовных дел решалась председателем самостоятельно с применением мер ответственности (чаще тюремного заключения на определенный срок) на основе Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами, а другая – коллегиально с участием председателя, судей-депутатов и представителя мусульманского духовенства с назначением наказаний по нормам обычного права и шариата (чаще штрафов и иных материальных компенсаций). При этом на протяжении всего периода их функционирования решение уголовных дел по нормам обычного и мусульманского права во многом производилось с опорой на

традиционные институты правосудия местных жителей (клятвы - присяги в качестве основной формы доказывания виновности / невиновности подсудимых, материальные компенсации как основная форма ответственности и т.п.). Однако вопрос об эффективности их применения в судебном процессе и соответствии уровню развития российской правовой культуры не сходил с общественной повестки и особенно нарастал в начале XX в., когда участились случаи недобросовестного их использования в практике. Это являлось одним из признаков системного кризиса горских словесных судов, который начал усиливаться в начале XX в. Другим выражением архаики при принятии судами решений по уголовным делам было назначение наказаний по принципу круговой поруки в случаях, если не удавалось установить личность преступника. Еще одним признаком их системного кризиса была низкая скорость рассмотрения уголовных дел в большинстве округов Кубанской и Терской областей.

5. Гражданские дела в горских словесных судах решались по нормам обычного права и шариата, однако с течением времени их применение менялось на фоне появления в среде коренного населения Кубанской и Терской областей новых видов отношений (кредитных и долговых обязательств, наемного труда и т.п.). Несмотря на наличие универсальной нормативно-правовой базы по регулированию их подсудности по гражданским делам, на практике применялись единичные попытки ее изменения в зависимости от локальных особенностей (в основном, изменение максимальной и минимальной суммы иска подсудных дел). Это позволяло властям регулировать нагрузку на них и предпринимать превентивные меры против накопления большого количества нерешенных дел. Принцип расчета итогового размера основного вида ответственности по гражданским правонарушениям – материальных компенсаций (штрафов) по нормам обычного права местных жителей, составлявшего стоимость всех фактически понесенных потерпевшим убытков, применялся в системе правосудия региона как в период деятельности горских словесных судов, так и в более ранние периоды. Однако с последней трети XIX в. при таких расчетах стали учитываться новые виды причиненного правонарушением

ущерба (упущенная выгода, невыплаченная зарплата, проценты по несвоевременно погашенным денежным займам и т.п.). Процедура утверждения и обжалования решений словесных судов по гражданским делам оставалась такой же, что и по уголовным – на уровне начальников областей.

6. Наделение и отправление горскими словесными судами дополнительных полномочий (регулирование и контроль над опекунством и попечительством; нотариат; контроль некоторых событий гражданского состояния и заверение фактов, имевших юридическое значение и т.п.) позволяет характеризовать их шире, нежели учреждения, наделенные исключительно судебными полномочиями. Примечательно, что дополнительные виды деятельности горских словесных судов регламентировались в основном российскими нормативно-правовыми актами или (при их отсутствии) решались по аналогии права и были сферой, в которой практически не функционировали институты традиционной соционормативной культуры. На этом фоне происходило сужение круга применяемых традиционных институтов решения подобных ситуаций (основанных на обычаях и религии) на фоне увеличения значимости российских правовых норм. Нормы права детально регламентировали основания возникновения отношений опеки, порядок назначения и освобождения от обязанностей опекунов и попечителей, должностные обязанности сельских старшин по этой части, порядок и периодичность отчетности опекунов и попечителей. Такая упорядоченность отмечалась в отправлении ими нотариальных функций (в основном, удостоверение и учет гражданских сделок), что регламентировалось общеимперскими правовыми нормами, разработанными в отношении мировых судов российской судебной системы в периоды их функционирования. Несмотря на почти полную урегулированность этих отношений нормами российского права, начальники областей сохраняли свое положение в качестве надведомственной инстанции по отношению к ним своих областей и в сфере отправления ими дополнительных полномочий.

7. Областное начальство Кубанской и Терской областей в качестве выше-стоящей инстанции постоянно осуществляло по отношению к горским

словесным судам ряд правоустанавливающих, распорядительных и надзорных полномочий. Одним из направлений деятельности горских словесных судов было постоянное внедрение в практику нововведений имперской юстиции в области судопроизводства, для получения информации о которых была налажена внешняя ведомственная коммуникация между ними и соответствующими органами власти (окружными и областным правлениями). Эти суды для учета и применения в деятельности (в основном, в форме циркулярных предписаний) получали информацию обо всех нововведениях и изменениях правовых актов, относящихся к их подсудности (уточнения правил назначения и применения наказаний за правонарушения, порядок проведения отдельных следственных мероприятий, толкование сложных вопросов подсудности и подведомственности, изъятие из подсудности некоторых категорий дел и т.п.). Взаимодействие горских словесных судов с руководством административно-территориальных единиц разного уровня (округов / уездов и участков) также осуществлялось в пределах их компетенции в целях реализации их функции правосудия и обеспечения внесудебной деятельности и документировалось в соответствии с принципами российской делопроизводственной культуры. В целом исследование особенностей их коммуникации и государственных органов власти показывает, что абсолютное большинство решений в них принималось на основании нормативных актов российской правовой системы, находилось в компетенции председательствующего суда при весьма ограниченном участии выборных от местного населения судей и служителей культа, и говорит о том, что доля принимаемых решений с помощью традиционных механизмов решения споров и конфликтов со временем сужалась. Государственная казна покрывала согласованные на высшем уровне обязательные расходы на обеспечение деятельности судов (оплата труда работников суда и канцелярские расходы). С течением времени объем их финансирования за счет казенных средств сокращался, дополнительные средства направлялись из общественных касс.

8. Большое значение в содействии горских словесных судов выполнению функций правосудия и осуществлению дополнительных видов деятельности имели институты самоуправления, функционал которых зависел от роли и места в социально-политической системе общества. Эта сфера их коммуникации была частично регламентирована нормативными актами (взаимодействие с сельскими старшинами, аульными судами, сходами депутатов от обществ по вопросам организации выборов членов судов), а частно реализовывалась на основании складывавшихся практик (взаимодействие со Съездом доверенных в Нальчикском округе, посредническими / медиаторскими судами). Сельские (аульные) старшины выполняли роль локальных центров взаимодействия горских словесных судов (через посредство участковых начальников) и непосредственных участников судебных разбирательств (обвиняемых, свидетелей, поверенных и т.п.), что имело схожее документирование во всех субрегионах Кубанской и Терской областей (рапорты (в том числе и как сопровождение прошений жителей и апелляций на решения сельских и посреднических судов), ведомости, повестки, исполнительные листы, материалы следственных действий и т.п.). Локальные особенности такого взаимодействия проявились лишь в Нальчикском округе Терской области, где в качестве самостоятельных субъектов такого взаимодействия выступали как основное, так и временное отделение Нальчикского суда. Особенности коммуникации этих судов с институтами самоуправления и народного правосудия позволяют воспринимать их по отношению к ним как вышестоящую судебную инстанцию, наделенную правом проверять, утверждать, отменять, направлять на новое рассмотрение их решения по всем категориям дел. При этом коммуникацию с посредническими судами следует воспринимать не только как апелляционную и надзорную, но и как взаимодополняющую (когда суд направлял им на рассмотрение по нормам обычного права и шариата те дела, решение которых затруднялось в рамках российского правового поля). Не менее важное влияние институты самоуправления оказывали на финансовое обеспечение деятельности суда, которое выражалось в софинансировании (наряду с казенными) таких

направлений, как доплата к должностным окладам выборных от сельских общин судей-депутатов и народных кадиев (а во временном отделении Нальчикского суда и председателя) и в некоторых случаях расходы на канцелярские товары, отопление помещений и т.п. Тесное взаимодействие горских словесных судов с институтами самоуправления на протяжении всего периода их функционирования подчеркивает их роль в имперской судебной системе как временных (переходных) низовых учреждений в элементами народного правосудия.

9. В последней трети XIX – начале XX в. общественно-политическая мысль выработала определенное мнение о состоянии и перспективах функционирования системы горских словесных судов в Кубанской и Терской областях. Были определены следующие признаки системного кризиса в их деятельности: недостатки образовательного ценза председателя и судей-депутатов (Т.А. Шипшев, К.Л. Хетагуров, Я.Д. Малама, Н.И. Михайлов, Н.М. Рейнке); совмещение обязанности председателя суда с обязанностями в других учреждениях власти (Н.М. Рейнке); низкая популярность среди местных жителей и их предпочтения разбирать споры в окружных судах, а не в словесном суде (Н.Ф. Грабовский, Я.Д. Малама, Н.И. Михайлов); отсутствие апелляционной / кассационной инстанции и возложение этих функций на начальников областей (Т.А. Шипшев, Я.Д. Малама, Н.И. Михайлов, И. Аничков, М.К. Абаев); формальность выбора судей-депутатов от представителей местного населения и их ограниченные возможности отправления правосудия традиционными способами (Т.А. Шипшев, Я.Д. Малама, Н.И. Михайлов, Н.М. Рейнке); широкий функционал горских словесных судов, подмена полномочий (временное исполнение) других учреждений – опекунств, нотариусов и т.п. (Б.А. Ланге); подмена полномочий служащими судов (М.К. Абаев); ограниченный функционал и низкая эффективность традиционных механизмов правосудия (Н.Ф. Грабовский, Г.А. Вертепов, Б. Шаханов, Н. Чернов, Я.Д. Малама, Н.И. Михайлов); риски применения «двойных» наказаний за одно правонарушение (Н.Ф. Грабовский); большой объем жалоб и медленное их решение (С.А. Шереметев,

С.В. Кахранов, Б.А. Ланге, Н.М. Рейнке); сложности обеспечения своевременного участия в заседаниях ответчиков, подсудимых, свидетелей (С.В. Кахранов); низкий уровень финансирования деятельности (С.А. Шереметев, Н.М. Рейнке), несмотря на некоторые практики софинансирования за счет общественных средств; недобросовестное исполнение судьями своих обязанностей (Н. Чернов, И. Аничков); взяточничество и лжесвидетельство (К.Л. Хетагуров, Б. Шаханов); невысокий уровень владения представителями местного населения русским языком (Н.И. Михайлов, М.К. Абаев); сомнительная компетенция и невысокий уровень познаний в области мусульманского права у кадиев горских словесных судов (Н.И. Михайлов). Предложены следующие пути развития системы этих судов в этих регионах: смена вышестоящей инстанции на судебные учреждения, в том числе и на окружные суды (Т.А. Шипшев, К.Л. Хетагуров, Б. Шаханов, М.К. Абаев); подготовка унифицированных инструкций по судопроизводству в судах по нормам мусульманского права (У. Мекеров); учреждение вышестоящей (апелляционной, контрольной) инстанции по контролю за решением дел по нормам мусульманского права (У. Мекеров); назначение на должности специалистов с юридическим образованием (Т.А. Шипшев, М.К. Абаев, Н.М. Рейнке); создание специализированных комиссий для подготовки и проведения реорганизации системы этих судов (М.-Г. Шипшев); повышение жалования судей-депутатов и кадия (М.К. Абаев), исключения выборного компонента их деятельности (Н.М. Рейнке).

Таким образом, горские словесные суды Кубанской и Терской областей в 1871–1918 гг. представляли собой судебные учреждения с элементами народного правосудия, образованные в качестве временной промежуточной меры в рамках судебной реформы 1864 г. Их образование было продолжением политики российских властей по учреждению в регионе органов суда и власти по принципам военно-народного управления, когда ведущие позиции в них занимали представители российского офицерства, а базовые – местного населения (зачастую на выборных началах). Их основной учредительный документ (Временные правила 1870 г.) после учреждения не менялся, но их компетенция

постоянно уточнялась на фоне принятия новых общеимперских правовых актов в области судоустройства и судопроизводства. Особенность экстерриториальности их деятельности заключалась в том, что их территориальная подведомственность могла не совпадать с административными границами того или иного округа или отдела и распространялась только на часть их населения (коренные «горские» народы). Представительство в этих судах местного населения в виде судей-депутатов и народных кадиев обеспечивало учет их интересов и потребностей в правосудии, а также способствовало более «мягкому» переходу от традиционного народного правосудия к разбирательству споров и конфликтов по российским законам. При этом уголовные дела разбирались как единолично председателем суда по российским законам, так и коллегиально по нормам обычного права. Тогда как гражданские – преимущественно коллегиально по нормам обычного и мусульманского права. В этой сфере на фоне применения универсальных практик и формировались локальные особенности их деятельности ввиду отличия (в некоторых случаях существенного) их институтов соционормативной культуры. Переходное состояние горских словесных судов характеризовалось и их внесудебной деятельностью в виде временного исполнения полномочий еще не созданных в регионах учреждений – учет рождаемости и смертности, опека и попечительство, нотариат и т.п. Все это достигалось в том числе и за счет их коммуникации и качественного документооборота с государственными органами и институтами самоуправления. Их переходное состояние характеризовалось в том числе и в сфере финансового обеспечения их деятельности на основе софинансирования за счет как казенных, так и общественных средств. Однако с течением времени стали обнаруживаться признаки системного кризиса, которые имели нормативно-правовое, кадровое, финансово-экономические и этнокультурное выражение. Однако назревающая реорганизация до времени их ликвидации так и не была проведена, т.к. не являлась первоочередной задачей в период Первой мировой, а позже – гражданской войны. В целом, в 1871–1918 гг. в имперской судебной системе они занимали место низовых судебных учреждений и,

выполняя функции правосудия и дополнительно занимаясь отдельными видами деятельности, являлись одним из основных механизмов инкорпорации местного населения в политico-правовое пространство России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники:

Неопубликованные документальные материалы:

1. Архив СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240.
2. АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 1 кс. Д. 792; 821; 822.
3. АУ ПЧР. Ф. 236. Оп. 2 кс. Д. 81; 131.
4. АУ ПЧР. Ф. 244. Оп. 3 эл. Д. 6.
5. АУ ПЧР. Ф.-238. Оп. 1 мф. Д. 279.
6. ГА КК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2436.
7. ГА КК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 7; 5469.
8. ГА КК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764.
9. ГА КК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 87.
10. ГА КК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 173; 178; 181; 428; 440.
11. ГА КК. Ф. 660. Оп. 2. Д. 25; 413–422; 1414; 1436; 1438; 1469; 1497; 1506; 1533; 1804; 1820; 2100.
12. ГА СК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 412.
13. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 494.
14. РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 879. Д. 12.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 723.
16. РГИА. Ф. 1268. Оп 15. Д. 87. 1 об.
17. РГИА. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 158.
18. РГИА. Ф. 1405. Оп. 71. Д. 4217.
19. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 89; 96; 841; 843; 3847; 3852; 4122.
20. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 17; 27.
21. УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 32; 157; 158; 270; 402; 405; 628; 799; 820; 841; 849; 890; 940; 950; 953; 974; 1005; 1016; 1031; 1048; 1063; 1151; 1167; 1182; 2102; 2102; 2166; 2175; 2175; 2345; 2407; 2510; 2567; 2590; 2923; 3018;

3046; 3143; 3173; 3233; 3291; 3294; 3455; 3489; 3526; 3595; 3787; 3801; 3812; 3816; 4094; 4305; 5991. Т. 1.

22. УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 7.
23. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 96; 105.
24. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 1105.
25. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 520; 979; 1265; 1279; 1330; 1477.

Опубликованные источники:

26. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): сборник документов / сост., предисл. с. 15-74, comment. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: СО-ИГСИ, 2012. 399 с.

27. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Т. XII. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1558 с.

28. Алфавитный список дач и населённых пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 г. Екатеринодар: б/и, 1917. 111 с.

29. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе / Сост.: Д.Ю. Шапсугов, С.Ш. Салакая, У. Берзедж, М.В. Дышеков, А.Х. Абазов, К.М. Ажахов, А.К. Ажахов, М.Х. Экзеков. Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр Южно-Российского института управления – филиал РАНХ и ГС, 2014. 624 с.

30. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 3. Памятники права адыгов (черкесов). Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2011. 736 с.

31. Антология памятников права народов Кавказа. Т. 5. Памятники права адыгов (черкесов). Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2013. 812 с.

32. Баев Г. О присоединении Малой Кабарды к Большой // Пятигорский листок. 1905. № 336. С. 2; № 337. С. 2; № 342. С. 1–2; № 343. С. 2.

33. В-в. (Вертепов) Г. Письма из Владикавказа. Горцы и наша политика // Северный Кавказ. № 47. 18 июня 1892 г. / Архив СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 70.

34. Волости и гмины 1890 г. СПб., 1890. 73 т. (Статистика Российской империи). 69. Терская область. 1892. [2], 24, [1] с., 1 л. к.

35. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1907. 164 с.

36. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.

37. Временные правила для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей, утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 года // Терский календарь на 1895 год. Владикавказ: Терский областной статистический комитет, 1894. Вып. 4. С. 137-143.

38. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска ... [по годам] / Терское казачье войско. Наказной атаман. Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1891-1916.

39. Горец (Абаев М.И.). Горцы Нальчикского округа // Каспий (Баку). 1900. № 46.

40. Горские словесные суды Кубанской области. Доклад товарища прокурора П.А. Бурменского, прочитанный недавно в Екатеринодарском юридическом обществе // Южный телеграф. 1903. № 226.

41. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность, начало XIX – начало XX вв.: сборник. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2005. 719 с.

42. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области // Сборник законов, указов Правительствующему Сенату, положений Комитета Министров, правительственный

распоряжений, разъяснений Государственного Совета и Правительствующего Сената. Владикавказ: Литотипография А.Г. Габисова, 1914.

43. Карта Кубанской области, Черноморской губернии и части Сухумского округа [Карты] / сост. Н.С. Иваненков. 1:672 000, 6,72 км в 1 см. Екатеринодар: б/и, 1902. - 1 л.

44. Коста Хетагуров // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://hetagurov.ru/> (Дата обращения: 12.04.2024 г.).

45. Ланге Б.А. Балкарья и балкарцы // Кавказ. Тифлис, 1903. 25 окт. № 283; 29 окт. № 287; 30 окт. № 288; 5 ноября № 294; 12 ноября № 301; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 11. Памятники права Балкарии. Ростов н/Д, 2012. С. 314–332.

46. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края / Собрано под наблюдением сенатора и.о. обер-прокурора общ. собр. кассац. деп. Правительствующего сената Н.М. Рейнке, чл. Моск. судеб. палаты Н.М. Агишевым и тов. прокурора Тамб. окр. суда В.Д. Бушеном. Санкт-Петербург: Сенаторская типография, 1912. 288 с.

47. Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., comment. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 225 с.

48. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. / под ред. Л.В. Македонова. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1906. 587 с.

49. О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей [Всеподданнейшее повеление]. Тифлис: Типография Канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1886. 5 с.

50. Отчет Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1914 год. Екатеринодар, 1915. 374 с.

51. Отчёт по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем Е.И.В. великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря. 1872 г. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1873. 156 с.

52. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Т. VIII: 1888: от № 4933–5685 и дополнения. СПб.: Государственная типография, 1890. 1173 с.

53. Положение о нотариальной части (1866) // Судебник: Сборник новых судебных законов и распоряжений по управлению правосудия со включением личного состава новых судебных учреждений на 1866 год. Спб.: Л. Демис, 1866. 360 с.

54. Сборник сведений о Терской области / под ред. Н. Благовещенского. Вып. 1. Владикавказ: Терск. обл. Стат. ком, 1878. 382 с.

55. Список аулам Баталпашинского отдела с указанием какого племени горцы проживают в каждом из аулов. 15 января 1892 год // ЦГА РСО-Алания Ф. 262. Оп. 1. Д. 43. Лл. 28, 28 об.

56. Список населенных мест Терской области: (по данным к 1-му июля 1914 г.) / под ред. С.П. Гортинского. Владикавказ: Электро-печатня Тип. Терск. Обл. Правл., 1915. 15-459 с. Прил. к «Терскому календарю» на 1915 г.

57. Список населенных мест Терской области: По сведениям к 1 янв. 1883 г. / Сост. Тер. обл. стат. ком. под ред. секр. ком. Н. Благовещенского. Владикавказ: типография Терского областного правления, 1885. 58 с.

58. Статистические таблицы населенных мест Терской области / под ред. Е. Максимова. Владикавказ: изд. Терск. стат. ком, 1890-1891. 7 т.: Т. 2. Вып. 4: Владикавказский округ. 1890. 99 с.; Т. 2. Вып. 5: Нальчикский округ. 1890. 69 с.; Т. 2. Вып. 6: Хасав-Юртовский округ. 1890. 67 с.; Т. 2. Вып. 7: Грозненский округ. 1891. 107 с.

59. Терские ведомости. 1871. 16 января.

60. Терский календарь на 1891–1915 гг. Владикавказ: изд. Терского обл. стат. ком, 1891-1915: Вып. 4. На 1895 г. Под. Ред. Г.А. Вертепова, 1894. 399 с.; Вып. 24. На 1915 г. Под ред. С.П. Гортинского, 1915. 221 с.

61. Устав гражданского судопроизводства (Св. зак. т. 16 ч. 1, изд. 1892 г., по Прод. 1906, 1908 и 1910 гг.): с законодат. мотивами разъяснениями Правительствующего сената (Гражд. кас. деп., Общ. собр. 1, 2 и Кассац. деп. и Соедин. присутствия 1 и Гражд. кас. деп. по 1 марта 1912 г.) и comment. рус. юристов, извлеч. из науч. и практ. трудов по гражд. праву и судопр-ву (по 1 февр. 1912 г.). Санкт-Петербург: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова п/ф. "Законоведение", 1912. 1984 с.

62. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1867. 45 с.

63. Устав уголовного судопроизводства (с позднейшими узаконениями, законодат. мотивами, разъясн. Правительствующего сената и циркуляра М-ва юст.). Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1909. 1192 с.

64. Хетагуров К.Л. Горский словесный суд [Электронный ресурс]. URL: http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/Gorskiy_slovesnyy_sud.htm. Дата обращения: 25.04.2016 г.

65. Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (последняя треть XVIII – начало XXI в.): учебное пособие. Нальчик: Каб-Балк. гос. ун-т, 2015. 268 с.

66. Ш. (Шаханов Б.) Горский словесный суд // Терские ведомости. 1901. № 67. [Электронный ресурс]. URL: http://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshchie_1/gorskij_slovesnyj_sud/28-1-0-1795. Дата обращения: 13.10.2016 г.

Литература:

67. Абаев М.К. Балкария: Исторический очерк // Мусульманин (Париж). 1911. № 14-17. С. 586-627.

68. Абазов А.Х. "Брак умыканием" как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 3-9.

69. Абазов А.Х. "Умыкание невесты" в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // Российская гендерная история с "юга" на "запад": прошлое определяет настояще : Материалы VI международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Нальчик, 03–06 октября 2013 года. Том 2. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2013. С. 160-162.

70. Абазов А.Х. Взаимодействие учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1793-1822 гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3. С. 77-95.

71. Абазов А.Х. Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // История государства и права. 2015. № 23. С. 58-63.

72. Абазов А.Х. Делопроизводственная практика Кабардинского временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822–1858 гг. // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 48–63.

73. Абазов А.Х. Делопроизводственная практика Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с Главнокомандующим войсками на Кавказской линии (1793-1822 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2022. № 2(110). С. 41-47.

74. Абазов А.Х. Документирование деятельности Нальчикского горского словесного суда: делопроизводство и обеспечение внешней коммуникации // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 239-255.

75. Абазов А.Х. Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. Том № 9 (41). Москва: Русская панорама, 2015. С. 150-170.

76. Абазов А.Х. Кавказские судьи Моздокского пограничного суда (1793–1822): каналы социальной мобильности в условиях включения региона в состав России // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 36–49.
77. Абазов А.Х. Моздокский верхний пограничный суд в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1793–1822 гг. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 124 с.
78. Абазов А.Х. Нальчикский Горский словесный суд в судебной системе Терской области в последней трети XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 141-148.
79. Абазов А.Х. Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 108 с.
80. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
81. Абазов А.Х. Проекты и практики учреждения смешанных судов присяжных в Нальчикском округе в 1907-1908 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2022. № 6 (110). С. 275-283.
82. Абазов А.Х. Терский областной народный суд (1864–1870): из истории интеграции Центрального Предкавказья в правовую систему Российской империи // Кавказ – Прошлое – Настоящее – Будущее (KAVKAZ – PRZESZŁOŚĆ – TERAŹNIEJSZOŚĆ – PRZYSZŁOŚĆ; CAUCASUS – PAST – PRESENT – FUTURE). Rzeszów, 2015 (Польша). № 1 (2015). С. 13–26.
83. Абазов А.Х. Формы социальных конфликтов у кабардинцев в последней трети XIX – начале XX вв. (на материалах Нальчикского горского словесного суда) // История науки и техники. 2017. № 12. С. 37-43.
84. Абазов А.Х., Бербекова М.Х., Дышеков М.В. Сельские общественные кассы в системе финансовых отношений Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 4. С. 352-365.

85. Абазов А.Х., Дзамихов К.Ф., Зумакулов Б.М., Цолоев Т.С. Осетино-Ингушский смешанный суд присяжных (1908-1910 гг.): место в судебной системе Терской области и особенности правоприменительной практики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 4 (209). С. 16-24.

86. Абазов А.Х., Достова А.И. Из истории правоприменительной деятельности горских словесных судов на Северном Кавказе: обзор судебной практики Екатеринодарского суда (1871-1920 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2022. № 4-1 (55). С. 7-14.

87. Абазов А.Х., Жиров Р.М., Жугов А.А. Осетино-ингушский смешанный суд присяжных: институционализация народного правосудия в политико-правовом пространстве Российской империи // Научный диалог. 2019. № 2. С. 159-173.

88. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. Москва: «Наука», 2022. 870 с.

89. Азашикова Ф.Я., Азашиков Г.Х. Трансформация традиционной судебной системы адыгов во второй половине XIX в. // Мир культуры адыгов: (проблемы эволюции и целостности). Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. С. 358-371.

90. Албогачиева М.С.-Г. Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) // Лавровский сборник. Этнология, история, археология, культурология: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг.: к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2008 года. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 114-118.

91. Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 180 с.

92. Аничков И. Мировой суд и преобразование низших судов. СПб.: Н.К. Мартынов, 1907. 95 с.

93. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012. 340 с.

94. Ардасенов А. Избранные труды. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассива, 1997. 335 с.

95. Арсанукаева М.С. Горско-казачьи суды в Чечне и Ингушетии (начало XX в.) // Юридический мир. 2009. № 7. С. 76-80.

96. Арсанукаева М.С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX вв.): автореферат дис. Д-ра юрид. н-к. Москва, 2010. 51 с.

97. Арсанукаева М.С. Наследование по шариату и адатам у чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.) // Евразийский юридический журнал. 2009. № 6 (13). С. 23-29.

98. Арсанукаева М.С. Общественные суды в Терской области и их роль в нормализации межнациональных отношений (начало XX в.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 26-30.

99. Арсанукаева М.С. Правовая культура чеченцев и ингушей: (XIX – начала XX века): монография. Москва: РПА Минюста России, 2009. 198 с.

100. Арсанукаева М.С. Регулирование отношений опеки и попечительства у чеченцев и ингушей (XIX – начало XX вв.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2009. № 2(11). С. 65-72.

101. Арсанукаева М.С. Судебный процесс по адатам чеченцев и ингушей (XIX в. – начало XX в.) // Ученые труды Российской академии адвокатуры. 2008. № 6 (11). С. 62-68.

102. Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш. Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 30-38.

103. Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1(57). С. 71-80.
104. Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (История и современность): автореф. дисс. д-ра ист. н-к. Москва, 2000. 58 с.
105. Бабич И.Л. Правовая культура адыгов (История и современность): дисс. д-ра ист. наук. Москва, 2000. 235 с.
106. Бабич И.Л. Судебная реформа и обычное право в адыгской общине // Этнографическое обозрение, 1999. № 2. С. 17–30.
107. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. Москва: Российская государственная библиотека, 1999. 239 с.
108. Бербекова М.Х. Правовой статус и объем полномочий казначея Кабардинской общественной суммы в условиях интеграции народов Кавказа в экономическую систему России во второй половине XIX века // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1(113). С. 88-93.
109. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.
110. Блиева З.М. Российские судебные учреждения в Осетии: опыт, особенности организации (конец XVIII – 50-е годы XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2018. № 3. С. 31-35.
111. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: СОГУ, 1992. 108 с.
112. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном пространстве. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. 299 с.
113. Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2(247). С. 188-196.
114. Бурыкина Л.В., Федосеева Л.Д. Реформирование нормативно-правовой системы Северного Кавказа в проектах российских военных и

государственных деятелей (начало XIX в. – 1869 г.) // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. Том Выпуск 26. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации (ЦНТИ), 2020. С. 23-28.

115. Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1956. 192 с.

116. Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда 15-го июня 1912 г. Санкт-Петербург: В.П. Анисимов, 1913. 248 с.

117. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

118. Верняев И.И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 396 с.

119. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Дисс. канд. юр. н. к. Краснодар, 2007. 217 с.

120. Галкин А.Г. Внутреннее устройство и специфика деятельности окружных судов пореформенной России (на примере Екатеринодарского окружного суда) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 19-30.

121. Галкин А.Г. Нормативно-правовое регулирование судоустройства и судопроизводства в период проведения судебной реформы 1864 года на территории Кубанской области. Дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2004. 239 с.

122. Гашимов Ч.М. Из истории органов административного управления городом Хасав-Юртом в XIX в. // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. С. 142–150.

123. Гладунец А.В. Судебный процесс на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Право и политика. 2009. № 9. С. 1956-1959.

124. Глашева З.Ж. Административные преобразования в Кабардинском округе (1858–1870 гг.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 1 (56). С. 19–29.
125. Грабовский Н.Ф. Ингushi: их жизнь и обычаи // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: типография Главного управления Наместника кавказского, 1876. № 9. С. 1–111.
126. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. 2–3. Владикавказ, 1930. С. 305–346.
127. Далгат Б.К. О горских словесных судах // Утро гор. Общественно-политический, экономический и литературный альманах, посвященный жизни горцев Кавказа. Баку: Товарищество Кавказского печатного отдела «Каспий», 1910. № 1. С. 31–50.
128. Далгат Б.К. Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // Живая старина. 1991. № 1. С. 146–150.
129. Дарчиева С.В. Проблемы политico-административного управления на Северном Кавказе в начале XX в. (на примере Терской области) // Известия СОИГСИ. 2016. № 22 (61). С. 47–55.
130. Дзидзоев А.Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века. Дисс. канд. юр. н-к. Санкт-Петербург, 2011. 199 с.
131. Думанов Х.М. Кушхов Х.С. К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Майкоп, 1986. Вып. VI. С. 41–51.
132. Думанов Х.М. Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1988. 88 с.
133. Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2000. 129 с.
134. Дышеков М.В., Кулиев М.М. Особенности применения российского уголовного права на Кавказе во второй половине XIX в. на примере Горского словесного суда // Государство и право народов Кавказа: проблемы

становления и развития. Материалы международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: ООО "Изд-во "Перо", 2012. С. 86-91.

135. Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. СПб.: Тип. т-ва А. В. Суворина, 1914. 67 с.

136. Зозуля И.В. Анализ судопроизводства на Северном Кавказе в начале XX века // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2 (27). С. 73-78.

137. Зозуля И.В., Кондрашова А.А., Трофимов М.С. Высочайшие отчеты начальников областей и губернаторов Северного Кавказа как исторический источник по изучению российской дореволюционной судебной системы // Былые годы. 2020. № 58(4). С. 2651-2660.

138. Исторические сведения о кабардинском народе: К 300-летию дома Романовых / Изд. В.Н. Кудашева. Киев: Типо-литография «С.В. Кульженко», 1913. 283 с.

139. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука 1967. 484 с.

140. История Северного Кавказа: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 282 с.

141. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х томах. Том 1. Грозный: ООО «Книжное издательство», 2006. 828 с.

142. Калмыков Ж.А. Из истории судебных учреждений в дореволюционной Кабардино-Балкарии (1890-1917 гг.) // Известия северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1975. № 1. С. 87-92.

143. Калмыков Ж.А. Из истории судебных учреждений в Кабарде и Балкарии (1890–1917) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия «Общественные науки». Ростов н/Д, 1975. № 1. С. 44–47.

144. Калмыков Ж.А. К вопросу о сельских судебных органах в дореволюционной Кабардино-Балкарии // Материалы научно-практической

конференции «молодежь и наука», посвященной 60-летию Ленинского комсомола. Нальчик: КБГУ, 1981. С. 38–44.

145. Калмыков Ж.А. К вопросу о сельском административном управлении в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX в. // УЗ КБНИИ. Нальчик: КБНИИ, 1974. Т. XXVI. С. 42–59.

146. Калмыков Ж.А. Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 105–120.

147. Калмыков Ж.А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1975. 24 с.

148. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1995. 123 с.

149. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1995. 125 с.

150. Кандор Р.С. Выборы Екатеринодарского горского словесного суда: практика упрочения российского влияния на черкесские аульные общества (начало 70-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 2 (45). С. 18-28.

151. Кандор Р.С. Политика органов власти Кубанской области в этно-конфессиональной сфере: опыт регулирования деятельности мусульманского духовенства (1880-е гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 3. С. 48-56.

152. Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX – начало XX в.). Дисс. д-ра ист. н-к. Майкоп, 2020. 537 с.

153. Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской

административно-политической системы (XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. д-ра ист. н-к. Майкоп, 2020. 58 с.

154. Карапетян Л.А. Временные правила 1870 г. – основа деятельности горских словесных судов Кубанской и Тесской областей в пореформенной России // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2 (6). С. 12.

155. Карапетян Л.А. Из истории Екатеринодарского Горского словесного суда (1782-1920 гг.) // Голос минувшего. 2006. № 1-2. С. 62-70.

156. Карнаух О.Д. Военно-народное управление в Российской Империи (на примере Кубанской области): теоретико-правовой аспект // Sochi Journal of Economy. 2015. № 3-1 (36). С. 18-23.

157. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик: Эль-фа, 2003. 192 с.

158. Кидирнязов Д.С. Первые административные реформы российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII – 20-е гг. XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 18–32.

159. Кирмзе Ш. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России М.: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с. (Historia Rossica).

160. Кобахидзе Е.И. "Не одним оружием..." (Опыт судебно-административных преобразований в Осетии в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.) // Кавказский сборник / отв. ред. В. В. Дегоев. Москва: Русская панорама, 2010. С. 157-175.

161. Кобахидзе Е.И. Горский словесный суд и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Центрального Кавказа // Социокультурные и политические проблемы высокогорных районов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской научной конференции, 28-30 октября 2010 года, Карачаевск, 28–30 октября 2010 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2010. С. 212-219.

162. Кобахидзе Е.И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15.
163. Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова "Горский словесный суд" и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 37-47.
164. Кобахидзе Е.И. Специфика и итоги реформирования судебной системы на Центральном Кавказе в 60-70-х гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2010. № 2. С. 70-76.
165. Коздоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. Назрань: Пилигрим, 2006. 356 с.
166. Кокурхаев К-С.А-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1989. 109 с.
167. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: проблемы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Качество, 2006. 311 с.
168. Кумпан В.А. Национальная политика на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: административная система // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: Сборник научных статей. Москва; Краснодар: Принт сервис групп, 2015. С. 27-41.
169. Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. Вып. 19. С. 90–102.
170. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 420 с.
171. Лучинский Ю. Становление судебной системы на Кубани // Краснодарский краевой суд: 135 лет образования. Краснодар: ДиапазонВ, 2006. С. 30–35.

172. Магаяева П.И. Административные и судебные реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в. Дис. канд. ист. н-к. Ставрополь, 1998. 186 с.

173. Магаяева П.И. Реформы 60-70-х годов XIX века в горских округах Кубанской области. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2003. 230 с.

174. Максимов Е., Верепов Г. Туземцы Северного Кавказа // Историко-статистические очерки. Выпуск первый. Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892 год. Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1892. 189 с.

175. Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVII–XIX вв. Ростов н/Д: Изд. СКАГС, 2001. 392 с.

176. Малиев Т.Х., Золоева С.А. Правонарушения и нравственность на Северном Кавказе (1911-1914 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2017. № 1. С. 44-47.

177. Мальцев В.Н. Политико-юридический аспект реформирования горских судов в Кубанской и Терской областях в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 8. С. 96-108.

178. Мужухоева Э.Д. О влиянии буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. России на административное и судебное устройство Терской области (на примере Чечено-Ингушетии) // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный: б,и, 1981. С. 170-180.

179. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе: XVII – начало XX века. Автореф. дис... д-ра ист. н-к. Нальчик, 2006. 45 с.

180. Муратова Е.Г. Судебная система в трансформирующихся обществах (на примере Балкарии XIX в.) // Право в зеркале жизни: Исследования по юридической антропологии. М.: Стратегия, 2006. С. 199-214.
181. Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. канд. ист. н-к. Воронеж, 2006. 210 с.
182. Прасолов Д.Н. Административный статус мусульманских священнослужителей в Кабарде и балкарских обществах во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 4 (35). С. 13-22.
183. Прасолов Д.Н. Вопросы реорганизации судопроизводства в повестке дня съездов доверенных кабардинцев и балкарцев в последней трети XIX – начале XX в. // Электронный журнал "Кавказология". 2019. № 3. С. 115-128.
184. Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 52-61.
185. Прасолов Д.Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.
186. Прасолов Д.Н. Сценарии верноподданничества в отношениях кабардинцев и балкарцев с имперской администрацией: символика, прагматика, политический эффект // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 3. С. 63-81.
187. Прасолов Д.Н. Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 4 (54). С. 167-172.

188. Прасолов Д.Н. Съезды (сборы) доверенных в интеграционных процессах у народов Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4 (41). С. 61-65.
189. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в Нальчикском округе: эволюция после революций // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 4. С. 65-75.
190. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик: ОПР, 2022. 240 с.
191. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.
192. Прасолов Д.Н. «Вся Кабарда встретит этот акт с чувством великого нравственного удовлетворения...». Статья Г. Баева «О присоединении Малой Кабарды к Большой» // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 86-107.
193. Прохода П.В. Эволюция суда и судопроизводства на Кубани, 1793 г. – конец XIX в. Дис... канд. ист. н-к. Краснодар, 1999. 223 с.
194. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912. 71 с.
195. Рейнке Н.М. Кавказско-горские суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 4–71.
196. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.
197. Сайдумов Д.Х. Сельские аульные и Горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах // Европейский журнал социальных наук. 2010. № 3. С. 132-137.
198. Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). Грозный: ИП Бисултанова П.Ш., 2014. 526 с.

199. Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х. Суд и судопроизводство по обычному праву чеченцев // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5-2 (64). С. 263-272.
200. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
201. Свечникова Л.Г. Адат, шариат и российское законодательство в праве народов Северного Кавказа (конец XVIII – первая треть XX вв.). Ставрополь: Компания "Бюро новостей", 2009. 340 с.
202. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. Дисс... д-ра. юрид. н-к. М., 2003. 340 с.
203. Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке. Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2003. 231 с.
204. Сердюк А.В. Особенности судопроизводства Северного Кавказа в составе Российской империи в середине XIX – начале XX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4(23). С. 150-153.
205. Теунов М.К. Шариатские суды в советской Кабардино-Балкарии (1918–1929 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик: КБГУ, 2007. 31 с.
206. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1911. 157 с.
207. Тройно Ф.П. Царизм и горские народные суды Северного Кавказа в 60-90-х годах XIX века // Известия СОНИИ. 1966. Т. 25. С. 107-124.
208. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды: I. Этнографический-экономический очерк. II. Горские поэмы, песни, легенды, сказки и пословицы. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1903. 154 с.
209. Урушадзе А.Т. "Мнимая юстиция": горские словесные суды и проблемы судебно-административного реформирования Кавказского края в

материалах ревизии Н.М. Рейнке // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 914-927.

210. Фарои Т.В. Правовое регулирование государственного управления, самоуправления и суда на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017 256 с.

211. Харсиев Б. М-Г. Социально-экономические и политические условия развития некоторых народов Северного Кавказа в составе Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 43–53.

212. Хасбулатов А.И. Переустройство сельского общественного управления Чечено-Ингушетии в пореформенный период // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983. С. 104–112.

213. Хасбулатов А.И. Суд и судебные реформы в Чечне (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1 (49). С. 67-77.

214. Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М.: Русь, 2001. 238 с.

215. Эсадзе С.Э. Историческая записка об управлении Кавказом: в 2-х т. Т.2. Тифлис: тип. «Гуттенберг», 1907. 246 с.